№ 3 / 2023

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, министр юстиции Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент, проректор по науке и инновациям Международного университета Кыргызской Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель министра юстиции Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сыюань, кандидат филологических наук, доцент, начальник секретариата Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайского политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора, курирующий научно-методическую и образовательную деятельность Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ, генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой финансового, налогового и банковского права ВГУЮ (РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);
М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук (г. Москва);
А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);
Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
А.Я. Кодинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);
Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);
А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);
А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);
Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

№ 3 / 2023

HERALD
OF THE RUSSIAN LAW ACADEMY

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL
OF THE ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY
OF JUSTICE (RLA OF THE MINISTRY
OF JUSTICE OF RUSSIA)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy Director in Charge of Scientific, Methodological and Educational Activities of the Russian Federal Center for Forensic Science Under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Acting Head of the Department of Financial, Tax and Banking Law of All-Russian State University of Justice **Z.M. Kazachkova** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);
M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);
A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);
N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);
E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);
S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);
K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);
E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);
O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);
A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);
E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);
V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);
A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);
S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);
N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);
A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);
B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);
A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);
Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);
Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);
E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);
N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);
I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2023

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Красиков В. И.

Топография онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте» 10

Караман А. А.

Распад Украины как следствие государственного переворота 38

Родин А. В.

Правовое регулирование территориального планирования отдельных объектов обороны и безопасности внутренних войск в 1960-х гг. (историко-правовой аспект) 57

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Васягина М. М., Шигуров А. В.

Понятие официального документа как предмета служебного подлога: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики 66

Воротилина Т. В., Иванченко Е. А., Шульженко И. С.

К вопросу о деликтной ответственности государства и ответственности государственных служащих – сотрудников правоохранительных органов 76

Максимов А. А.

Административно-правовые факторы выявления злоупотребления правами в целях уклонения от уплаты налогов хозяйствующими субъектами 91

Рустикова Г. С.

Электронное и цифровое (образование, обучение, среда, пространство): идентичность и различие понятий в законодательстве, науке и практике 102

Яковлева-Чернышева А. Ю., Данелян Р. Н., Яковлев-Чернышев В. А.
Проблемы правовой определенности положений законодательства в сфере правовой защиты персональных данных 113

Лютаревич-Гефтер Ю. А.
Иностранный гражданин как специальный субъект дисциплинарной ответственности 128

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Гурьева С. Р.
Обеспечение конкуренции при заключении государственных контрактов 136

Пальцева Е. С.
Освобождение редакции от ответственности за диффамационный деликт по правилам ст. 57 Закона РФ «О средствах массовой информации»: гражданско-правовой аспект 147

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Готчина Л. В., Семенова В. В.
Незаконное производство и обращение лекарственных средств и медицинских изделий 155

Мироненко С. Ю.
Деяние как признак объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны 167

Савченко М. М.
Уголовная ответственность за привлечение денежных средств по принципу «финансовой пирамиды»: обоснованность криминализации и проблемы правоприменения 178

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Аксенов И. А., Овчаренко П. С., Шиповальникова Ю. Г.
Проблемы взыскания задолженности по алиментам при достижении ребенком 18-летнего возраста 194

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Голиков Р. В.

Основания возникновения и структура отношений транзитной торговли 205

Кашин И. А.

Актуальные вопросы определения правового статуса федеральной территории «Сириус» 214

Потаскаев В. В., Фоменко Е. В.

Научные подходы к характеристике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: закон и практика 224

Шахназарян Э. Ф.

Актуальные вопросы принципов исполнительного производства 239

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Оганесян Р. Г.

Государственные воззрения Екатерины Романовны Дашковой 250

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Vladimir I. Krasikov

Topography of Online Communities with the Rhetoric of Politized Hostility in the Virtual Space of the *Vkontakte* Social Network 11

Alexander A. Karaman

The Collapse of Ukraine as a Consequence of the Coup d'Etat 39

Andrey V. Rodin

Legal Regulation of Territorial Planning of Individual Objects of Defense and Security of Internal Troops in the 1960s (Historical and Legal Aspect) 58

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Marina M. Vasyagina, Alexander V. Shigurov

The Concept of an Official Document as a Subject of Official Forgery: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement Practice 67

Tatiana V. Vorotilina, Elena A. Ivanchenko, Irina S. Shulzhenko

On the Tort Responsibility of the State and the Responsibility of Civil Servants – Law Enforcement Officers 77

Alexander A. Maksimov

Administrative and Legal Factors of Revealing the Abuse of Rights for the Purpose of Tax Evasion by Business Entities 92

Galina S. Rustikova

Electronic and Digital (Education, Training, Environment, Space): Identity and Difference of Concepts in Legislation, Science and Practice 103

Anna Yu. Yakovleva-Chernysheva, Ruzanna N. Danelyan, Vasily A. Yakovlev-Chernyshev
Problems of Legal Certainty of the Provisions of Legislation in the Field of Legal Protection of Personal Data 114

Yulia A. Lyutarevich-Gefter
A Foreign Citizen as a Special Subject of Disciplinary Responsibility 129

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Sofya R. Gurieva
Ensuring Competition in the Conclusion of Government Contracts 137

Elena S. Paltseva
Release of the Editorial Office from Liability for Defamation Tort According to the Rules of Article 57 of the Law of the Russian Federation "On Mass Media": Civil Law Aspect 148

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Larisa V. Gotchina, Victoria V. Semenova
Illegal Production and Circulation of Medicines and Medical Devices 156

Sergey Yu. Mironenko
An Act as a Sign of the Objective Side of the Use of Prohibited Means and Methods of Warfare 168

Maya M. Savchenko
Criminal Liability for Raising Funds on the Basis of the "Financial Pyramid" Principle: The Validity of Criminalization and Problems of Law Enforcement 179

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Igor A. Aksenov, Pavel S. Ovcharenko, Yulia G. Shipovalnikova
On Changing the Order of Collection of Alimony Arrears When a Child Reaches the Age of 18 195

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Roman V. Golikov
Grounds for the Emergence and Structure of Transit Trade Relations 206
Igor A. Kashin
Topical Issues of Determining the Legal Status of the Federal Territory "Sirius" 215

Vadim V. Potaskaev, Elena V. Fomenko
Scientific Approaches to the Characterization of Domestic Violence in the Russian Federation: Law and Practice 225

Eduard F. Shakhnazaryan
Topical Issues of the Principles of Enforcement Proceedings 240

REVIEWS, PERSONALITIES

Roman G. Oganesyan
State Views of Ekaterina Romanovna Dashkova 251

Научная статья
УДК 316.776.3; 316.35
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-10-37

ТОПОГРАФИЯ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ С РИТОРИКОЙ ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ВРАЖДЫ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»*

Владимир Иванович Красиков

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

KrasVladIv@gmail.com

Аннотация

Проблема, определяющая научную актуальность предлагаемой работы, предстает в виде неопределенности (дефицита знаний, их фрагментарности и неорганизованности), существующей в части понимания сути активности недавно появившихся, в основном молодежных, онлайновых сообществ в социальной сети «ВКонтакте», отличающихся риторикой политической вражды по отношению к некоторым другим группам людей и государству, общественным порядкам. Целью исследования является определение топографии подобных сообществ в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте», составление карты их модульной организации. Для обнаружения радикального контента мы применили систематический поиск в сети по ключевым словам тезауруса того или иного направления – с использованием ряда парсеров «*VKTOPPOST*»: как в автоматическом режиме, так и применяя ручную обработку. Полученный эмпирический материал препарировался при помощи совокупности исследовательских процедур: контент-анализа, интеллектуального анализа данных для определения мировоззренческих представлений; метода эвристической кластеризации, фокусируемой на групповых идеологиях, и др. В итоге мы выяснили, что топография виртуального пространства радикальных онлайн-сообществ с политизированной риторикой «ВК» может быть представлена в виде пяти основных модулей: 1) правых радикалов с секторами: «государственни-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080, https://rscf.ru/project/23-28-00080/.

ков», «националистов», «расистов» и «православных монархистов»; 2) леворадикалов с сегментами: «реставрационного коммунизма (социализма)», «новых левых», «анархистов» и «Антифа»; 3) политизированного гендера с частями: «радикальных феминисток» и «маскулистов»; 4) радикальных либералов с фракциями: «идеологических радлибов», «радлибов «цветной революции»» и «радлибов экстремистского толка»; 5) сатанистов в ипостасях: «сатанистов лавеистского направления» и «религиозных» сатанистов. Новизна статьи состоит в эмпирическом и теоретическом анализе ранее неисследованного фрагмента радикальной активности в «ВКонтакте». Материалы статьи введут в научный оборот множество как эмпирических данных, так и теоретизаций, которые могут заинтересовать не только обществоведов, но и практических управленцев, специалистов по безопасности.

Ключевые слова: топография виртуального пространства сообществ радикалов в «ВКонтакте»; радикальная политизированная риторика; правые радикалы; левые радикалы; политизированные гендерные сообщества; радикальный либерализм; сатанизм.

Для цитирования: *Красиков В. И.* Топография онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды в виртуальном пространстве социальной сети «Вконтакте» // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 10–37. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-10-37

Research Article

TOPOGRAPHY OF ONLINE COMMUNITIES WITH THE RHETORIC OF POLITIZED HOSTILITY IN THE VIRTUAL SPACE OF THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK*

Vladimir I. Krasikov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

KrasVladIv@gmail.com

Abstract

We can formulate the problem that determines the scientific relevance of this work as a lack of knowledge about online youth communities with the rhetoric of political hostility in the VKontakte social network. We define the purpose of the study as identifying the topography of these communities in the virtual space of the VKontakte social network and mapping their modular organization. As a methodology, we applied a sys-

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00080, https://rscf.ru/project/23-28-00080/.

tematic search in the social network for thesaurus keywords using a number of "VKTOP-POST" parsers. To analyze the empirical material obtained, we used the following research procedures, namely: content analysis; data mining to determine worldviews; method of heuristic clustering focused on group ideologies, etc. As a result, we found out that the topography of the virtual space of radical online communities with politicized VK rhetoric can be represented in the form of 5 main modules, namely: 1) the module of right-wing radicals, which has sectors of "supporters of a strong state", "nationalists", "racists" and "Orthodox monarchists"; 2) the radical left module, consisting of the segments of "restoration communism (socialism)", "new left", "anarchists" and "Antifa"; 3) the module of politicized gender formed by "radical feminists" and "masculists"; 4) the module of radical liberals, which includes the "ideological" faction, the faction of adherents of the "color revolution" and the "extremist" faction; 5) the module of Satanists, represented by the incarnations of "Satanists of the Laveist direction" and "religious" Satanists. We believe that our empirical and theoretical study of a previously unknown fragment of radical activity on VKontakte has signs of scientific novelty. We have received scientific results that may be of interest to both social scientists and practical managers, security specialists.

Keywords: topography of the virtual space of communities of radicals on VKontakte; radical politicized rhetoric; right-wing radicals; left-wing radicals; politicized gender communities; radical liberalism; Satanism.

For citation: *Krasikov V. I.* Topography of Online Communities with the Rhetoric of Politized Hostility in the Virtual Space of the *Vkontakte* Social Network. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 10–37. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-10-37

Введение. Актуальность и постановка проблемы

К хорошему, как известно, привыкают быстро. Нам кажется, что современный формат мгновенных сообщений и доступность онлайн-общения всем и везде – это норма. Однако совсем недавно, по историческим меркам, Интернет в России, да и не только, оставался роскошью: иметь мобильный телефон, электронную почту – означало принадлежать к состоятельным либо власть предержащим людям. Соответственно, политические дискуссии в Сети были доступны немногим, большинство из которых были вполне довольны существовавшим порядком вещей. Потому сетевая пресса в Рунете была на первых порах почти исключительно неолиберальной. Однако так продолжалось недолго. Дальнейший технический прогресс, в разы удешевляющий средства новой коммуникации и ее обеспечение, приносит радикальную «технологическую демократизацию».

Соответственно этому тотчас появляются правый и левый сегменты Рунета, пребывавшие сначала практически в младенческом состоянии. «Крупье онлайн игр» в киберпространстве того времени, как и в политике, были либеральные сайты, такие как, например, «Панорама» или центр «Сова», критиковавшие все нелиберальное (право-левое) и составлявшие «каталоги ресурсов радикалов» в русской Сети [1].

Но и это уже «архаика», ибо живем мы поистине во времена головокружительных изменений именно в коммуникативной сфере. В последнее десятилетие традиционные СМИ, не только печатные, но и телевизионные, постепенно впадают в состояние, родственное коматозному, а всеобщее внимание уверенно перемещается в социальные сети. Интернет-революция переходит в революцию социальных сетей. Последние стартовали с начала XXI в., став триумфаторами его первого десятилетия: *LinkedIn* (12.2002); *Myspace* (08.2003), *Facebook* (04.2004), *YouTube* (02.2005), *Twitter* (03.2006), «Одноклассники» (03.2006), «ВКонтакте» (10.2006), *WeChat* (01.2011) и др. Развитие социальных сетей, диктуемое «экономикой внимания», которая только и мотивирует по-настоящему эти коммуникационные платформы, основано на дублировании в виртуальной сфере векторов объединения и конфронтации, имеющих место быть в офлайн-социуме. Это привело к диверсификации киберпространства – аналогично социуму: созданию уже самодостаточного виртуального пространства, характеризующегося сильной фрагментацией и резкой поляризацией между сообществами.

Наиболее масштабный прецедент подобного автономного виртуального пространства представляет собой российская социальная сеть «ВКонтакте».

Так, по данным российской компании *Brand Analytics*, предоставляющей данные о социальных сетях, к июню 2023 г. в «ВКонтакте» было около 26,5 млн авторов, написавших хотя бы один публичный пост за этот месяц (все вместе – более 447 млн сообщений), – это около $^{1}/_{5}$ части современного населения России, причем в столицах количество пользователей доходит до половины населения (г. Санкт-Петербург) либо почти его трети (г. Москва). И все это больше, чем другие присутствующие на территории РФ социальные сети, такие как *Instagram*, *Facebook*, *YouTube* и *Twitter*[1], вместе взятые. Причем до 75% «населения» виртуального пространства «ВКонтакте» – люди моложе 40 лет, т.е. те, кто сейчас считается «молодежью» [2].

1. Исследовательская проблема

Мы знаем, что в настоящее время в социальных сетях (в нашем случае «ВКонтакте») существует целый ряд разнохарактерных групп, с преимущественно молодежным составом, с отчетливо выраженной политизированной враждебной риторикой, однако у нас мало знаний об их взглядах, мотивациях и самоорганизации. Главное же то, что у нас отсутствуют четкие представления об их интернет-дислокациях и структурах взаимоотношений, тем более мы можем лишь предполагать о потенциале их радикализующего влияния на другие слои молодежи.

Итак, научная проблема, инициирующая появление данной работы, предстает в виде неопределенности (дефицита знаний, их фрагментарности и неорганизованности), существующей в части понимания сути активности недавно появившихся, в основном молодежных, онлайновых сообществ, отличающихся риторикой политической вражды по отношению к некоторым другим группам людей и государству, общественным порядкам. Устранение этой неопределенности необходимо как в эвристических целях описания и концептуальной характеристики новых

[1] *Facebook* и *Instagram* признаны экстремистскими организациями и запрещены в РФ.

необычных объектов социального познания, так и в прагматико-регулятивных целях диагностики и учета всего спектра их проявлений, возможного правового упреждения их вненормативных эксцессов.

2. Цель и задачи

Целью предлагаемого исследования является определение топографии сообществ с риторикой политической вражды в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте», с картой их модульной организации (в соотношениях антагонизма, союзничества, партнерства между собой).

Для ее достижения нам нужно было решить ряд задач:

– определить состав имеющихся концептуальных ресурсов, выработанных предшествующими исследованиями в заявленной области – в отечественной и зарубежной литературе, уделяя особое внимание имеющимся конкретным исследовательским кейсам;

– на основе этого анализа разработать соответствующий методологический инструментарий (критерии интернет-поиска и основания классификации, тезаурусы) и конкретный дизайн исследования;

– классифицировать полученный эмпирический материал по соответствующим содержательным основаниям и представить в виде модели виртуальной топографии основных модулей виртуального пространства радикальной части пабликов социальной сети «ВКонтакте».

3. Обзор литературы

Проведенный мониторинг современного состояния исследований по заявленной проблеме показывает, что наличествует довольно большой контент отечественных и англоязычных источников, посвященных анализу радикальной политической онлайн-активности. Однако львиную долю его составляют общетеоретические рассуждения относительно радикализма и экстремизма в сети, или же это анализ деятельности экстремистских и террористических киберсообществ, без особого внимания к их возрастному составу. Причем более акцентируются политические и юридические аспекты борьбы с ними, нежели выявление и понимание их психологических, мировоззренческих, лингвистических и прочих субкультурных особенностей [3–10].

Конечно, это не означает, что отсутствуют исследования, обращенные к анализу отмеченных выше особенностей. Уже можно отметить группу работ, которые предлагают обобщенные модели: как виртуального молодежного протестного поведения в Сети, так и радикальной молодежной субкультурной идентичности в онлайн-пространстве [11–13]. Также рассматриваются механизмы групповой консолидации, формирования радикальной субкультурной идентичности [14; 15]. Хотя эти наработки имеют абстрактный характер, так как являются теоретизациями и авторскими конструкциями, тем не менее они участвовали в нашей эмпирической верификации и некоторые из них вполне пригодились.

Напротив, для англоязычных исследований характерно стремление к конкретно-количественным замерам психологических и ментальных особенностей форми-

рующейся идентичности молодых людей, параметров ее уязвимости от потенциально радикализирующихся сверстников, средств массовой информации и других социальных сред [16–21]. Подобные кейсы стали хорошим материалом для дополнения к нашим замерам радикальных пабликов в сети «ВКонтакте».

Отечественные же исследователи, как отмечалось выше, отдают предпочтение анализу общих особенностей, в нашем случае – политической активности (идентичности) молодежи в Рунете [22–26].

В отношении конкретных политических спектров больше всего работ – и в России, и за рубежом – нацеленных на изучение правых (расистов, националистов и пр.), вероятно, вследствие кричащей социальной демонстративности с их стороны.

Однако в нашем государстве львиная доля исследований правых посвящена анализу не онлайн, а скорее офлайн-феноменов [27–32]. И в небольшом количестве работ изучаются именно онлайн-феномены правых интернет-сообществ [33; 34].

В отличие от этого в англоязычной литературе существует много исследований, причем увеличившихся в последнее время, в связи с прецедентом Д. Трампа и появлением современных радикальных правых или альтернативных правых в США и не только (Италия, Швеция, Австралия и др.). Как свидетельствуют авторы данных работ, это уже не слабо организованная и в основном анонимная онлайн-субкультура, как ранее. Мы имеем дело уже с множеством правых онлайн-сообществ с формирующимися коллективными идентичностями. Исследователями рассмотрены кейсы платформ ультраправых онлайн-сообществ, таких как *8chan*, *4chan*, *Endchan* и *Kohlchan*, правых онлайн-форумов (*Stormfront* и др.). Они полезны в качестве возможных моделей для исследования уже их российских аналогов. Речь идет об анализе: особенностей использования языка и дискурса участников; специфики коллективных убеждений и эмоций подобных сообществ; механизмов достижения консенсуса внутри них; процессов идеологического обучения, производства мемов и трансгрессивных игровых фреймов [35–44].

Не в пример правым невелико число исследований леворадикальных сообществ в отечественной специальной литературе, и они посвящены в основном, за редким исключением, их офлайн-представленности [45–50].

На удивление также очень мало работ по левым радикалам и в англоязычной исследовательской литературе, особенно в сравнении с почти необъятным ее объемом в отношении правых. Возможно, подобная ситуация сложилась потому, что большинство современных западных интеллектуалов, авторов-исследователей являются открытыми или же латентными левыми (либерально-левыми)? Симпатии по крайней мере явственно ощущаются. Поэтому левыми радикалами считаются в основном «Антифа», и воспринимаются они куда как меньшее зло, чем правые [51–54].

Религиозный радикализм с политическими претензиями представлен прежде всего исламским, вернее, джихадистским. Статей на эту тему, особенно общественно-юридического характера, большое количество. Однако их преобладающая часть посвящена офлайн-контенту и лишь малая – экстремистской пропагандистской деятельности в пространстве Интернета, и мало статей, специально посвященных молодежным радикально-исламским онлайн-сообществам. Вместе с тем

особый интерес вызывают работы, исследующие российские исламские сообщества как специфические культуры со своими картинами мира, в которых при помощи методов интерпретативной и исторической антропологии выявляют особые индивидуальные и коллективные символы [55–58].

Сходные проблемы существуют и в англоязычной специальной литературе, занимающейся исследованием джихадизма. Однако здесь мы можем подчерпнуть интересные методологические идеи: рассмотрение радикальных виртуальных сообществ исламистов в виде особых самодостаточных цифровых экосистем; моделирование основ террористического мышления, процессов формирования и овеществления радикально-исламской идентичности. Представлены выявленные нарративы террористических манифестов джихадистских радикалов сообществ «Белые рыцари», «Черная броня», «Цифровые миры» [59–64]. К примеру, это нарратив трансформации главного героя в воина – борца за высшую цель, который больше не парализован моральной двусмысленностью.

4. Теоретико-методологические рамки исследования

Эффективность исследования, подобного нашему, зависит во многом от выбора действенных приемов, программ поиска и зондирования групп с радикальным политическим контентом в социальных сетях. В этом нам помог недавний опыт задействования существующих парсинговых сервисов социальной сети «ВКонтакте» [65; 66], равно как и соответствующий предшествующий опыт автора данной статьи [67–69].

Традиционными считаются семантические и синтаксические подходы в обнаружении языка ненависти как наиболее явственного предиктора радикальных онлайн-сообществ. И здесь существует обширная литература, в которой исследуются речевые практики и символическое поведение, свойственные сайтам ненависти: комментирование общественно значимых событий с явными эмоциями враждебности и вербальной агрессии; использование ников и аватаров с именами и фотографиями известных радикалов; призывы к насилию по отношению к представителям государственных органов, а также национальных меньшинств; негативные названия этнических групп, сравнения национальностей с неодушевленными предметами или животными и т.п.

Для обнаружения радикального контента мы использовали различные методы контент-анализа, основанные на выявлении шаблонов, которые разработаны в современной англоязычной исследовательской литературе. Отмечается, что язык вражды носит *тематически* направленный характер (мизогиния, сексизм, расизм, ксенофобия и т.д.) и каждое конкретное проявление языка вражды *нацелено* на различные уязвимые группы в зависимости от таких характеристик, как пол, здоровье (инвалидность), этническая принадлежность, раса, религия, сексуальная ориентация (гомофобия), социальное положение (социальная зависть, ресентимент) и т.д. Выявление тематики и целей в контенте осуществлялось при помощи: систематического поиска по ключевым словам; интеллектуального анализа данных для определения настроений; метода эвристической кластеризации, фокусируемой на групповых идеологиях, и др. [70–78]

5. Дизайн и методы исследования

Последовательность наших изысканий можно представить следующим образом: проведенный ранее мониторинг отечественной и зарубежной литературы по заявленной проблеме позволил нам определить критерии выявления радикальных сообществ в социальных сетях. Это:

– мировоззренческо-политическая озабоченность, мотивированная желанием изменить коренным образом существующее статус-кво с использованием широкого круга средств, в том числе и неконвенциональных, как доминирующий интерес группы;

– использование форм самовыражения, имеющих ненавистнический характер, направленных против каких-либо категорий людей, реальных или воображаемых, и наличных общественных порядков.

Дискурс-анализ современной исследовательской литературы привел к вычленению круга понятий и лингвистических индикаторов для ряда категорий радикального спектра, на основании чего были составлены их соответствующие тезаурусы. Речь идет о следующих категориях радикальных сообществ:

– левые радикалы (коммунисты ортодоксального спектра, социалисты, анархисты, Антифа, социал-демократы, антиглобалисты, новые левые и другие схожие комбинации);

– правые радикалы, в основном националистического и ультра-патриотического толка, также в разнообразных комбинациях;

– религиозные радикалы вне зависимости от конкретных конфессий;

– политически радикализованные гендерные группы: маскулисты и феминистки;

– радикальные либералы отечественной несистемной оппозиции.

Затем по разработанным тезаурусам был проведен ручной поиск радикальных пабликов – посредством парсера «Топ-1000 групп ВК» – по г. Москве, в населении которого ожидаемо было найти наиболее репрезентативных представителей искомых групп. Дополнительными к ранее выделенным содержательным критериям являлись формальные критерии отбора: открытость групп, их последовательное соответствие деструктивной тематике, их актуальная активность (должно было присутствовать обновление в текущем году). Использовался отчасти и так называемый метод снежного кома [22, с. 135], суть которого в отслеживании связей между авторитетными пабликами соответствующей ориентации в социальных сетях и связанными с ними отношениями мировоззренческой кооперации с меньшими по численности и влиянию группами. Найденные таким образом группы подвергаются подобной же процедуре поиска – и так до тех пор, пока образовавшийся «снежный ком» не вбирает в себя большинство участников, относящихся к одной из категорий радикалов. Метод довольно трудоемкий, но необходимый, в нашем случае – для определения степени влиятельности и авторитетности того или иного паблика в своей среде.

Ожидания оказались оправданными: искомые активные паблики по г. Москве были обнаружены. Из круга выявленных групп по каждой из категорий мы отобрали по 2-3 наиболее *радикально-репрезентативных* – с минимумом околичностей, двусмысленностей и эзопова языка. Они-то и стали модельными образцами для

перехода к следующему этапу – использованию другого парсера «*Vktoppost*»: автоматического поиска групп со схожей целевой аудиторией – уже по всей стране.

По каждой из категорий радикальных сообществ мы вводили в парсер по 2-3 *ID* тех групп, которые казались наиболее радикальными. По каждому *ID* в итоге парсинга мы получили список из 500 сообществ, релевантных (согласно программным установкам парсера) по идеологической направленности и тематике, со схожими стилем выражения и заявляемыми приоритетами.

Естественно, в силу имеющегося несовершенства и, так сказать, «крупноячеистости» поисковой сети обязателен весьма трудоемкий ручной отбор полученного в итоге списка из более чем 4000 пабликов, бóльшая часть которых имела мало отношения к обозначенным нами целям. Все же мы обнаружили удивительные совпадения в образовавшемся списке сообществ, полученных по разным *ID* поиска, что свидетельствовало о реальных связях и коммуникациях между ними. Еще более действенным оказался метод «личностного отслеживания»: по перечням сообществ, на которые подписаны сами администраторы радикальных пабликов и которые они любезно выставляют на всеобщее обозрение в своих личных аккаунтах.

6. Начальными гипотезами исследования были следующие предположения:

1. Был ожидаем привычный расклад радикализма: право-левый политический спектр, с доминированием левого как более привычной нам политической традиции; религиозный экстремизм в виде джихадистов и сатанистов; большое присутствие радикальной несистемной оппозиции, учитывая их повышенную активность буквально недавно.

2. Принимая во внимание прежний фаворитизм интересов и недавнюю историю протестов и политической борьбы, самыми активными предполагались радикальные либералы и исламские фундаменталисты.

3. В связи со спецификой переживаемого момента ожидалась активизация националистических и патриотических пабликов.

7. Полученные результаты

Мониторинг осуществлялся в течение более полугода (январь–июль 2023 г.). Идентифицируя радикальный контент, мы получили перечень из пяти модулей радикалов в виртуальном пространстве «ВКонтакте», включающих в себя 495 онлайн-сообществ с общим количеством участников в 6 765 697 профилей, из них по убыванию числа сообществ в модуле:

– 158 праворадикальных пабликов с общим количеством профилей в 2 729 854;
– 152 леворадикальных паблика с 1 475 373 подписчиками;
– 102 гендерно-радикализованных паблика, имеющих 1 871 015 профилей;
– 51 радикально-либеральное онлайн-сообщество с 382 810 участниками;
– 42 радикально-религиозных паблика (сатанисты) с 306 645 профилями.

В качестве источников для дискурс-анализа контента (по моделям Т. Ван Дейка и М. Холлидея) по каждому из идеологических направлений мы использовали онлайн-тексты групп, более других манифестирующих свои радикализм и ненавистничество.

Как уже было сказано, долгое время наше Отечество было «левым» по своей предшествующей истории и исходя из объективно-экономического статуса «развивающейся страны» склонным, как известно, к левацким настроениям. Ситуация, однако, изменилась. И хотя левые настроения по-прежнему сильны, доминирующим тоном стали все же правые, что и показал мониторинг. Далее оказалось, что третьим модулем радикальной части «*VK*» по числу онлайн-сообществ стал политизированный гендер в лице радикальных феминисток и маскулистов, которые также отличаются ненавистнической риторикой и призывами к решительным изменениям правовых и нравственных норм. Такие же риторику и призывы мы ожидаемо встретили в пабликах радикальных либералов. И наконец, существенные, потенциально деструктивные в отношении общественно-мировоззренческого консенсуса и нравственных основ в нашем современном Отечестве смысловые мотивы мы нашли и в онлайн-сообществах, позиционирующих себя «сатанистами».

В обозначенной последовательности мы и представляем пять основных модулей радикальных сообществ «ВКонтакте», характеризуя вначале их общий идеологический и тематический форматы, затем внутренние классификации главных направлений в каждом из модулей – по специфицирующим их смысловым моментам.

7.1. Модуль праворадикальных пабликов

Их общий идеологический и тематический форматы: апелляция к славному прошлому и традиционным ценностям; та или иная форма коллективизма и антииндивидуализма; антизападничество в виде анти(альтер)глобализма и отрицания практики политкорректности по отношению к пресловутым меньшинствам; та или иная форма мигрантофобии; скепсис вплоть до прямого отрицания современной власти; проектирование будущей национальной утопии.

Вместе с тем все это общее по-разному акцентируется и аранжируется, что позволяет классифицировать множество в 158 онлайн-сообществ следующим образом.

7.1.1. *Государственники* (и многочисленные присоединившиеся ультра-патриоты СВО) – объединяемы на основе национально-государственной идеи (Российская империя, СССР, РФ), а не этнической. Вполне понятный подъем, государственная сплоченность и воодушевление – перед лицом сильных врагов. Именно последнее, необходимость борьбы с врагами, и определяет здесь основной профиль радикальности. Она проявляется главным образом в резкой антипатии, вплоть до «понижения» врагов в их человечности, вменении им коварства, двоемыслия, двойных стандартов, злобы и ненависти. Главные враги – «либерасты», «извращенцы», «майдауны» и «богоборцы» – свои и европейско-американские; Запад и его система ценностей (Либеральный либерастъ /// маргинальный маргинал (15 000 подписчиков, https://vk.com/public164239893), Ватник-гомофоб (8508 подписчиков, https://vk.com/public77836574), Псы режЫма (19 000 подписчиков, https://vk.com/mode_dogs)).

В этом стане наличествует и взвешенный, рациональный компонент – правые интеллектуалы, стремящиеся избежать «аварии российской государственности» как выражения хронического дефицита пассионарности в российских элитах, необходимость ротации последних и «коррекции идеологии в сторону патриотичес-

кого самосознания и социальной справедливости» (Вестник Консерватора (46 000 участников, https://vk.com/club1401285), Красный путь (86 000 участников, https://vk.com/krasniy_put)).

7.1.2. *Националисты*, объединяемые национальной идеей: «русский – это больше чем национальность – это мировоззрение» (Россия везде, где есть русские! (195 000 подписчиков, https://vk.com/russdem)); «русский, помоги русскому» (Правые. Запасная (24 000 подписчиков, https://vk.com/rus_prav)); «за русский народ и его твердую власть в своей стране» (Те, кто позорит Россию... (26 000 подписчиков, https://vk.com/personsdisgracingrussia)); «Русские – это глобальный суперэтнос, находящийся в Пробуждении и Мобилизации» (Русская Сила (20 999 подписчиков, https://vk.com/rusilasu)), имеющий свой особый «русский код развития» (Русский код (20 000 подписчиков, https://vk.com/rus_kod)); «русский» – идея не этническая, а скорее политическая, т.е. это «политические русские», далеко необязательно по крови, но по культуре, историческому самосознанию, языку (Русский Националист (17 000 подписчиков, https://vk.com/rus_istina)).

В основном здесь поддерживают современное Российское государство, хотя и не без серьезной критической струи: осуждаются либеральный оппортунизм власти (уступки глобалистской повестке – в политкорректности, феминизации, политике рождаемости), ее беззубая мигрантская политика. Это порождает присутствие элементов маскулизма, шовинизма и антисемитизма.

Всякое общественное движение, основанное на гипертрофии этничности, ведет к расизму. И здесь мы уже можем встретить нарастание подобных мотивов: противопоставление европейского, «белого», начала азиатскому (кавказскому). Русские должны стать частью европеоидной общности – риторика «белого человека» в широком смысле слова, противостояние «инородцам» (не европеоидам) с их подавляющей силой размножения (Консервативная Революция (5636 подписчиков, https://vk.com/conservativerelovelution)).

7.1.3. *Расисты* – еще более радикальная разновидность националистов, провозглашающих примат крови и этноса – в определении и понимании «русскости», уже откровенно переходящих на расистские позиции. Они полагают государствообразующим этносом России «славянскую расу» (род «Русичи») и их исконную веру – родоверие (язычество). Христианство полагается выдумкой «нечестивого народа» (ярый антисемитизм), сконструировавшего «искусственную религию для господства», а Россия управляется не славянским руководством, которое ведет сознательную политику постепенной эрозии славянского населения через их замещение мигрантами (Славянский щит (16 000 подписчиков, https://vk.com/public215227974); Центр изучения этнической преступности (5079 подписчиков, https://vk.com/public184640001)).

В рамках этой радикальной расистской группы националистов существуют радикальные паблики на грани призывов к насильственным действиям, правда, пока они небольшие, по несколько сотен человек. Некоторые уже объявляют «набор добровольцев в Охранные Отряды, наш русский ответ на вызовы чуждых и враж-

дебных нам этнических группировок» (Охранные отряды!!! (662 участника, https://vk.com/rus_ohrana)) и организацию «движения националистов – против деруссификации России и интернациональной диктатуры! Против Путина, замещающей миграции и русофобии! За лучшее будущее, свободу и процветание всех славянских народов!» (Марш за отставку Путина. Колонна Националистов (836 участников, https://vk.com/event77187523)); Движение Националистов (278 подписчиков, https://vk.com/nationalism14)).

7.1.4. *Православные монархисты*, объединяемые лозунгом «Бог! Царь! Нация!» (Русская империя (65 000 участников, https://vk.com/russkajaimperia); Черная сотня (14 000 подписчиков, https://vk.com/chernosotnia)). Антикоммунизм, антисоветизм, крайне неприязненное отношение к современной российской власти – вполне органично следуют из тотального самозабвенного монархического восторга, царящего в этих пабликах. Ставят задачу не только пропаганды монархической идеи, но и «освобождения русского народа», которым «еще командует Советская власть» (Православная Самодержавная Монархия (20 000 подписчиков, https://vk.com/orthodox_autocratic_monarchy); Монархическая партия России (24 000 подписчиков, https://vk.com/monpartyamos)).

7.2. Модуль леворадикалов

Общие идеологические мотивы и темы левых радикалов: угнетение, эксплуатация, обман – основы современного социально-экономического, идеолого-мировоззренческого и нравственного положения; требование радикальных и решительных изменений (реформ или же революции); идеалы равенства, социальной справедливости и свободы как фундамента будущего социума; рациональность, просвещение и наука; интернационализм.

7.2.1. *Реставрационный коммунизм (социализм)*, безусловно, преобладает по числу пабликов и участников в левом секторе «ВКонтакте». Это 102 сообщества из 152 и 1 190 191 участник из 1 475 373, или соответственно 67% числа пабликов и 80% числа подписчиков.

Практически все они очень догматичны. Несмотря на то что большинство «населения» этих сообществ составляют молодые люди до 40 лет, их мышление отформатировано в соответствии со стандартными клише скорее советского марксизма, т.е. схематизированного, упрощенного и до крайности идеализированного, без всяких там модернистских и постмодернистских корректив. Можно видеть изобилие пабликов, посвященных советской политической практике (компартиям, ВЛКСМ, РКСМ и пр.), Ленину, Сталину, СССР. И все это орнаментировано мощнейшей ностальгией по «золотому веку», хотя бы и по рассказам-мифам постсоветского сознания.

7.2.2. *Новые левые* – это те сторонники социалистического развития, которые как раз и заняты ревизией, модернизацией идеологии – в соответствии с уроками прошлого и обстоятельствами современности. Это настоящие «романтики революции», и здесь мы можем встретить довольно-таки медийно известных персон

(Удальцов, Платошкин, нацболы Лимонова). И манифесты их также выполнены в соответствующей тональности: «индустриально-финансовый клещ [мировой капитализм. – *В.К.*] раздулся до планетарных масштабов… придет время, когда наши многочисленные железные батальоны пролетариата мерным шагом пройдут по всей стране, взяв то, что нашим трудом создано, то, что нам должно принадлежать» (Вестник Бури (56 000 участников, https://vestnikburi.com/vestnik-buri-manifest/)). В грядущей революционной ситуации «квазимонархический кремлевский режим» не выстоит, и потребуются радикальные изменения социально-экономического курса развития России, главные из которых все же марксистски хрестоматийны: национализация природных ресурсов, стратегических отраслей, банков. Разве что будут социал-демократические добавления в духе западных моделей «социального государства» (Левый фронт (17 000 участников, https://vk.com/leftfront); Манифест Левого Фронта (https://www.leftfront.org/?page_id=563); Левый блок (16 000 подписчиков, https://vk.com/public101966743)).

7.2.3. *Анархисты* – традиционный персонаж левого политического ландшафта, несмотря на большой плюрализм в названиях, течениях и направлениях: мютюэлисты, агористы, волюнтаристы, геолибертарианцы, левые ротбардианцы, зеленые либертарианцы, диалектические либертарианцы, минархисты и мн. др., их онлайн-сообщества невелики, не превышая несколько тысяч, а, как правило, несколько сотен, причем контент часто повторяется (Свидетели Махновы. Анархисты всех сортов (4499 подписчиков, https://vk.com/svidetelimahnovi)). Традиционно они яростно выступают против этатизма, милитаризма, культурной нетерпимости (включая сексизм, расизм и гомофобию) и господствующего корпоративистского капитализма, ложно называемого «свободным рынком» (Конфедерация анархистских движений (КАД) (291 подписчик, https://vk.com/kad_ifa)). Идеал будущего – децентрализованное общество самоуправляющихся сообществ и рабочих мест, добровольно объединенных в федерацию. Главная стратегия освобождения – пропаганда, прямые действия по созданию альтернативных институтов и новой социальной реальности, вне существующей, индоктринированной эксплуататорами.

7.2.4. *Антифа* в России появилась около 20 лет назад – как левая реакция на взлет в конце прошлого века и начале нынешнего правого движения, носившего весьма агрессивный характер. Идеологически Антифа близка всем остальным, особенно анархистам. Однако концептуально их теоретическая платформа четко не оформлена, их объединяет именно «анти», радикальное отрицание правых взглядов и особенно их практики. Причем отрицание напрямую связано с активными физическими действиями, насилием. Это антипод ультраправых, т.е. ультралевые. С упадком в 2010-х гг. правого движения произошел аналогичный спад и Антифа, который в последнее время усугублен их антивоенной позицией, что приводит к эмиграции и пресечению их активности в социальной сети. В настоящее время «ВКонтакте» найдены лишь несколько более или менее крупных пабликов (Леворадикальный антифашистский союз/Антифа (4253 подписчика, https://vk.com/public38872186); АНТИФА (4246 участников, https://vk.com/antifa_fm)), ос-

тальные насчитывают в своем составе по несколько десятков членов, многие просрочены либо закрыты.

7.2.5. *Левый «микс»* – совсем уже «экзоты», к примеру маоисты, монархо-коммунисты, христианские коммунисты; взгляды их соответственно эклектичны (РМП/Российская маоистская партия (3550 подписчиков, https://vk.com/rusmaoparty); Монархо-коммунизм (1454 участника, https://vk.com/monarchokommunism); Рупор Христианского Коммунизма (1028 участников, https://vk.com/rupor_hristokoma)).

7.3. Модуль политизированного гендера

На почетном третьем месте после леворадикалов – радикально-ориентированные гендерные онлайн-сообщества «ВКонтакте»: феминистки и маскулисты. Причем дамы превалируют – по числу подписчиков их в два раза больше: 1 266 526 в 64 пабликах против 38 пабликов «маносферы» (так называется «информационное пространство прозревших мужчин») с их 604 489 подписчиками.

Справедливости ради, следует отметить, что действительно политических радикалов в гендерно-озабоченных сообществах все же немного, тех, кто гендерные отличия переводит в политическую риторику половой (биологически классовой) борьбы.

Большинство остаются в рамках личных обид неудачного опыта общения с противоположным полом и сформировавшейся половой (женской, мужской) солидарности: «все они такие», и на заметно бóльших по составу женских и мужских форумах, где обмениваются горестным опытом и наставляют молодежь, уча ее уму-разуму реального общения. Их идеологическим форматом являются нерадикальный феминизм и традиционно-патриархатные взгляды (мужчин).

Вообще феминистских пабликов сотни. Однако многие из них вполне либерального типа; также много пабликов женской взаимопомощи и обмена рассказами о мужских россказнях и насилии, равно как и советов жизненно умудренных подруг, женского видения мира, женского искусства, поэзии, литературы, критики, выдающихся женщин и мн. др. Многие паблики реально закрыты, т.е. как минимум не обновляются в текущем году. Вместе с тем лишь ручной перебор результатов (несколько сотен адресов) поиска парсера «Групп со схожей аудиторией» позволил выявить искомое: не просто радикальный феминизм, но 32 паблика, политизированных и агрессивных.

Радфемки требуют аболиционизма (борьбы против рабства) – «отмены сексиндустрии, репродуктивного контроля и принуждения, системного насилия над женщинами, их трудовой дискриминации и принуждения к неоплачиваемому труду и гражданского полноправия». «Женщинам нужны оружие, боевая подготовка, организации, подпольные сети и политическое образование, знания о том, что собой представляет наше угнетение» (Womenation quotes (18+) (6043 подписчицы, https://vk.com/radfem_citati)).

Радикальный феминизм стремится к сепаратизму во всех сферах, создавая пространства *male-free* (Феминизм навсегда: как правильно все запрещать (3402 подписчицы, https://vk.com/feminism_forever)). Сепаратизм бывает двух видов: эска-

пистский (защита от патриархата) и активистский (освобождение от него) (e mot de la fin/последние слова (30 000 подписчиц, https://vk.com/oceanwillz)). Наиболее решительные дамы доводят его до лесбосепаратизма (Лесбиянки-феминистки (2823 подписчицы, https://vk.com/lsfem); Сепаратистский феминизм ~ Выбери женщину (2686 подписчиц, https://vk.com/public194075748)). Самые отчаянные призывают: «Борись, сестра! Движение женщин за власть» (Борись, сестра! Движение женщин за власть (2455 подписчиц, https://vk.com/sestd); Бойчиха (Женщина-боец) #дерись_как_девчонка (3877 участниц, https://vk.com/femalefighter)).

Маскулисты, т.е. та часть мужчин, которые по каким-то причинам стали озабочены «сопротивлением феминистской ненависти к мужчинам» (Мужские новости/Мужской клуб (3092 подписчика, https://vk.com/mensclub2015y0)), представляют собой, по всей видимости, такую же обиженную часть, как и среди феминисток, но с другой стороны. И теми и другими, как известно, не рождаются. Наиболее ярко эта обида выражается в концепции «бабораба». Это выведенная многовековыми женскими усилиями «особая порода мужчин – законченных генетических рабов». У них фатально снижены ментальная и волевая функции, они живут по указаниям своих жен и начальства (Бабораб (13 000 подписчиков, https://vk.com/baborabb)).

Но это все гендерные разборки. Политическая риторика начинается, когда маскулисты начинают делать социальные выводы и притязать на государственные изменения. Так, они полагают, что настоящая причина демографической катастрофы в России – это матриархат, усиленный феминизмом (Мужское Движение (2638 подписчиков, https://vk.com/public197384382)). Государство паразитирует на мужчинах, т.е. эксплуатирует, контролирует (при помощи специфической политики брака-развода), ослабляет (спаивает, разрушает традиционные ценности), потому его называют «антимужским государством», которое превращает мужчин в неспособных к сопротивлению рабов (Мужчины идут своим путем #MGTOW (6533 подписчика, https://vk.com/mgtow_sila)). И риторика доходит до того, что обещают «повесить всю кремлевскую кодлу» (PRO-Ш News (6410 подписчиков, https://vk.com/proshnews)).

7.4. Модуль радикальных либералов

Следует иметь в виду, что радикальные либералы (далее – радлибы) представляют собой радикализовавшуюся часть довольно большой популяции просто людей либеральных взглядов, или, так сказать, умеренных, которых появилось много вследствие того, что по сути все предшествующие почти четверть столетия после 1991 г. либерализм (либеральный капитализм) был почти что официальной идеологией государства. Люди, социализировавшиеся или же прошедшие инкультурацию в это время (1991–2014 гг.), воспринимают данную идеологию почти как «естественную установку». Потому не удивительно, что в «ВКонтакте» довольно много онлайн-сообществ в умеренно-либеральном духе (Классический либерал (24 000 подписчиков, https://vk.com/classical_liberal); Демократический выбор/Республиканцы (141 подписчик, https://vk.com/demchoice); Национал-либералы (1685 участников, https://vk.com/national_liberalism)).

Не будем разбирать причины радикализации части либералов – примем это как факт. Однако по степени радикализации в модуле радлибов отчетливо просматриваются три группы.

7.4.1. Первая из них – это те, кого условно можно назвать «*идеологическими радлибами*», ограничивающимися, судя по контенту их пабликов, весьма выразительной, в градусе мировоззренческого ненавистничества, но все же лишь идеологической риторикой, не выходя в поле политической. Содержание их текстов и мемов: ярый антикоммунизм, пафосные антилевацкие, антисоветские темы. «Мы живем в матрице, созданной совками», которая управляется «автократией, держащей крепко за горло Россию из тьмы минувших веков» (Декоммунизация (15 000 подписчиков, https://vk.com/deccomunization); Сила Слова Атлантов Коммунистической Идеи (14 000 подписчиков, https://vk.com/ssaki_communists); Прямая демократия в России (14 000 подписчиков, https://vk.com/public137033037); КАСС 2.0 – Коалиция АнтиСоветских Сообществ (12 000 участников, https://vk.com/anti_soviet_coalition2_0); Сказки Совков (8059 подписчиков, https://vk.com/skazkisovkov); Госпартия. Разбираем левый бред (6984 подписчика, https://vk.com/commibred); Обозревание бреда леваков (3718 подписчиков, https://vk.com/obozrevaniebl)).

7.4.2. Вторая группа – это «*радлибы «цветной революции*»», классические «дети Сороса» или люди, свято верящие в идеологические конструкции «смены власти путем мирной демократической революции». Как и во многих случаях, свидетелями чего мы являлись последние три десятилетия и в Восточной Европе, и в Азии, и в Африке, они верят, что и в Москве, и во всех крупных городах России на площади выйдут многие сотни тысяч людей, воодушевленных, естественно, требованием демократии. «Дети Сороса» истово надеются, что, как и в других ранее прошедших «цветных революциях», будут созданы палаточные лагеря и в результате длительного, но мирного противостояния власть капитулирует из-за внутренней слабости и раскола элит. В правительство переходного периода войдут лидеры мирной демократической революции, которые проведут первоочередные демократические реформы: люстрацию, честные выборы, независимый суд, свободу слова и пр. Основное их требование – отставка «неэффективного и коррумпированного президента» (Мы Вместе (2593 участника, https://vk.com/smenavlasti?w=club51140553); Бессрочка/Бессрочный Протест (2360 подписчиков, https://vk.com/public171828808); 4 декабря я иду голосовать против Единой России (3582 участника, https://vk.com/event30886138); Проект 13 (4281 подписчик, https://vk.com/illuminat_news)).

7.4.3. Ну и наконец, *радлибы экстремистского толка* (те, которых даже сами люди либеральных взглядов называют «демшизой»). Ненавистнический пафос здесь просто зашкаливает, вполне в духе начала 90-х гг. прошлого столетия. «Кремлевские бандиты стремятся возродить труп Советского Союза», «Украине – победу, России – свободу!» (Протест неформалов!!! Мы тоже люди!! (2488 участников, https://vk.com/club15393370); Комитет 6 мая (1638 подписчиков, https://vk.com/6mayorg); Смотрим и распространяем правду про Путина (260 участников, https://vk.com/club113305672)). И это реально функционирующие в настоящее время паблики.

7.5. Модуль сатанистов

В отношении религиозного экстремизма именно в среде «*VK*» можно сказать следующее: прямые радикальные высказывания, тем более политизированного

свойства, обнаружить здесь практически невозможно, ну, может быть, за исключением намеков и эзопова языка. Это следует объяснить как действенным антиэкстремистским администрированием, так и соответствующим вырабатывавшимся самоцензурированием религиозных сообществ. Особенно это касается традиционных конфессий в России. Конечно, невозможно в силу трудоемкости обработать вручную всевозможные паблики христианской, исламской, иудаистской и буддистской направленности, однако выборочные ознакомления подтверждают этот тезис. Также подобное, и даже в более усиленном варианте, можно сказать и о других религиозных разновидностях – они еще более осторожны, не допуская радикализма.

Вместе с тем есть яркое исключение сообществ, возможно, скорее «псевдо»-религиозного свойства, которые настаивают именно на ложности либо условности господствующей системы моральных нормативных представлений и поведенческих рамок. Это так называемые сатанисты.

Однако, как говорится, «не так страшен черт, как его малюют» – бóльшая часть «темной сферы» «ВКонтакте» имеет скорее художественно-эстетический либо коммерческий характер. Много пабликов музыкальных: *black & death metal*, Мерлин Мэнсон и т.п. Самые большие направления здесь не религиозны, а скорее привлекают, так сказать, «художественную» публику направления «темная эстетика». Здесь мы можем видеть четыре паблика с сотнями и десятками тысяч подписчиков, крупнейшие из которых: *Insanity gallery* (259 000 подписчиков, https://vk.com/galleryhorror); Пляска смерти (66 000 подписчиков, https://vk.com/dancemacabree); Сатанизм (41 000 участников, https://vk.com/satanas_official), Православие головного мозга. Эстетика Сатанизма и Оккультизма (ЭСО) (25 000 подписчиков, https://vk.com/satan_aest). Есть и «мутная» околорелигиозная сфера простонародного невежественного суеверия и предрассудков: сотни пабликов посвящены демонологии, магии (каббале, Вуду и пр.), а также много так называемых ведьм-колдунов – с соответствующими ценниками за «магические услуги».

Кроме того, предостаточно и темной метафизики (в пику «белой», светоносной). Однако в ней есть не только богоборческие тенденции, но и антисоциальные, ибо традиционные религии являются все же «традиционными скрепами» социума.

Сложился консенсус, что самые радикальные религиозные сообщества (или псевдорелигиозные) – это сатанисты, которые вызывают неприятие всех остальных мало-мальски религиозно настроенных людей или просто являются «страшилками» для обывателей. Их общий идеологический и тематический форматы: антихристианизм (они все-таки не вступают в полемику, к примеру, с буддистами или конфуцианцами), переворачивание значений традиционных бинарных оппозиций (добро-зло, прекрасное-безобразное и др.) на 180 градусов, эгоизм крайнего толка, космополитизм, антитрадиционализм, аморализм (условность морали). Здесь, среди тех, кто позиционирует себя «сатанистами», явственно выделяются, в том числе и ими самими, две категории: «лавеисты» (последователи Антона Шандора ЛаВея) и остальные, в разной степени всерьез относящиеся к кандидатуре Сатаны на роль настоящего Бога. Первые, в строгом смысле слова, не религиозны, скорее это контркультурный феномен, современное (с 60-х гг. XX в.) поп-выраже-

ние атеистической скептической традиции. Вторые пытаются играть в ряженых – с разной степени серьезностью и самоосознанностью.

Тем не менее радикализм и тех и других имеет потенциально негативный политический подтекст, ибо разрушает позитивное, на основе традиционных ценностей добра, мира и семьи, мировидение, поддерживаемое согласием основных присутствующих в социуме конфессий. Итак, существует две ипостаси сатанистов.

7.5.1. *Сатанисты лавеистского направления*. О социальном ненавистническом активизме контркультуры сатанизма говорил и сам его основатель, Антон Шандор ЛаВей: «Нам всегда недостаточно было быть просто атеистами – мы научились *крушить* религиозное невежество, играя в их собственные игры, используя страхи, сфабрикованные самими же христианами, *против них* [курсив мой. – *В.К.*]» (Лавеизм (1521 участник, https://vk.com/club23797313)). Наиболее крупных пабликов лавеистов мы насчитали восемь с общим числом подписчиков 63 894, крупнейший из них – Хаос (57 000 подписчиков, https://vk.com/chaos_brand_tm).

7.5.2. *«Религиозные» сатанисты*. Однако «лавеизм» занимает относительно небольшую долю этого «темного» спектра онлайн-религиозности «ВКонтакте» и довольно маргинальную, скорее для скептически настроенных интеллектуалов. Гораздо значительнее масса недалеких молодых людей, для которых выворачивание смыслов, так сказать, «наоборот» – со светлого на темное – представляется новым откровением и последним заветом. Таких, с позволения сказать, «религиозных» сатанистов мы нашли в «*VK*» 34 актуальных паблика с совокупным числом подписчиков 242 751, т.е. почти в четыре раза больше, чем «лавеистов». Самый большой паблик – Восход Люцифера/*Lucifer Rising* (40 000 участников, https://vk.com/lucifer_rising666). Таким образом, общее число сатанистов в «*VK*» – 42 сообщества с числом участников 306 645.

Заключение

Итак, можно сказать, что топография виртуального пространства радикальных онлайн-сообществ с политизированной риторикой «ВК» предстает в виде пяти основных модулей.

1) модуль правых радикалов с секторами:

– государственников, объединяемых на основе национально-государственной идеи;

– националистов, сплотившихся национальной идеей («политических русских»);

– расистов, в основе общности которых лежит идея «славянской расы» (рода «русичей»);

– православных монархистов, соединенных идеями «самодержавия, православия и народности»;

2) модуль леворадикалов с сегментами:

– реставрационного коммунизма (социализма), объединенных верой-ностальгией в правоту советского марксизма и советской политической практики;

– новых левых, сторонников модернизации идеологии социалистического развития;

– анархистов, интегрированных критикой этатизма, милитаризма и культурной нетерпимости; за создание децентрализованного общества самоуправляющихся сообществ;

– Антифа, консолидированных радикальным отрицанием правых взглядов и особенно фашистских практик;

3) модуль политизированного гендера с частями:

– радикальных феминисток, солидаризованных идеями борьбы против «женского рабства» и «патриархата», за женский сепаратизм и пространства *male-free*;

– маскулистов, группирующихся борьбой против «матриархата, осложненного феминизмом», «антимужского государства»;

4) модуль радикальных либералов с фракциями:

– «идеологических радлибов», объединенных антикоммунистической и антисоветской риторикой;

– «радлибов «цветной революции»», верящих в идеологические конструкции «смены власти путем мирной демократической революции»;

– радлибов экстремистского толка, спаянных фанатичной убежденностью в безоговорочной правоте основных современных леволиберальных мифов, которые следует реализовать с «большевистской» насильственной решимостью;

5) модуль сатанистов в ипостасях:

– сатанисты лавеистского направления, для которых Сатана – скорее социокультурный символ свободомыслия, вольнодумства, скепсиса, морального релятивизма, воли к самоутверждению, рационализма против суеверия, контркультурное выражение атеизма;

– «религиозные» сатанисты, в разной степени всерьез относящиеся к кандидатуре Сатаны на роль настоящего Бога.

Между модулями существует ряд связей, как однозначных, так и неоднозначных:

– модули представляют собой, как правило, совокупность разных частей, спаянных, идеологически и тематически, отношениями комплементарности, хотя и не без разногласий;

– единственное, но серьезное исключение из внутренних отношений комплементарности среди модулей радикалов – гендерный модуль, разрываемый антагонистическими отношениями, хотя и на основе имманентного «полового притяжения»; феминистки находятся в комплементарных отношениях с модулем радикальных либералов, маскулисты – с модулем правых радикалов;

– между правыми и левыми радикалами связи в целом антагонистичны, за исключением создания «химер» (например, «монархо-коммунизм», «национал-либералы»);

– в силу «левизны» мейнстрима современных радикальных либералов у них наблюдаются некоторые притяжение и симпатия к ряду левых идеологий (анархизм, Антифа) и антагонизм в целом к модулю правых радикалов;

– модуль сатанистов в силу его религиозно-культурной токсичности находится в целом в изоляции от других, за исключением, разве что анархистов.

В результате проведенного исследования как подтвердились некоторые наши предположения, так и были выявлены тенденции непредвиденные. Хотя, как и ожи-

далось, основу радикализма и сейчас образуют правые и левые, доминирование левых сменилось доминированием правых. Джихадистский экстремизм, долгое время преобладавший в России в составе религиозного радикализма, ушел, по всей видимости, в рецессив или по крайней мере не представлен значимым образом (зачищен?) в виртуальном пространстве «ВКонтакте». Вместе с тем подтвердилось предположение по поводу сатанизма как влиятельной и активной деструктивной силы, требующей существенного внимания и регулятивных действий. Ожидаемое сильное присутствие в социальной сети «*VK*» радикальной несистемной оппозиции не подтвердилось. Можно констатировать успешность активного администрирования в отношении пабликов радикальных либералов. Подтвердилось предположение об активизации националистических и патриотических пабликов в связи со спецификой переживаемого момента.

Итак, обнаруженные новые аспекты в конфигурации виртуального пространства «ВКонтакте» можно суммировать следующим образом: переход лидерства к правому сектору политического поля, в том числе и под влиянием текущих событий, рост ультра-патриотизма, вызванного СВО; сохранение статуса-кво численности левых; уход из легального онлайн-поля радикального джихадизма, в том числе и под влиянием улучшения администрирования социальной сети; существенное уменьшение влияния и числа радикальных либералов; непропорционально большое количество пабликов и численности сатанистов, вызванное, вероятно, игнорированием этой проблемы со стороны традиционных конфессий и других, нравственно благонадежных религиозных течений.

Пристатейный библиографический список

1. *Кузьмин А. Г.* «Правый» Интернет в России : специфика развития и проблемы противодействия // Политекс. 2008. Т. 4. № 3.

2. Статистика социальных сетей. Возраст и пол авторов // Brand Analytics : сайт. URL: https://br-analytics.ru/statistics/author/vk/202305/20 (дата обращения: 09.03.2023).

3. *Пырма Р. В.* Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 1.

4. *Бизина М. Ю.* Сравнительный анализ понятия «радикализм» с правовой и общественной точек зрения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63.

5. *Савельева Е. Н. и др.* Политическая активность в сети как просьюмерская деятельность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44.

6. *Никитина Т. А., Терентьева И. А.* Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 3.

7. *Бутенко А. С.* Экстремизм в сети Интернет : понятие и сущность // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89).

8. *Буткевич С. А.* Экстремизм и терроризм в киберпространстве : выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД. 2018. № 1 (39).

9. *Нерубенко А. С., Елисеева Е. С.* Экстремизм как социально-правовое явление : распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 1.

10. *Пащенко И. В.* Идеология террористических сообществ в сети Интернет : технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (2).

11. *Негров Е. О.* Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2021. Т. 23. № 1.

12. *Титов В. В.* Стратегии социального протеста молодежи в Рунете : сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2020. № 3.

13. *Пырма Р. В.* Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6.

14. *Иванов А. В., Козлов В. Е.* Конструирование радикальной субкультурной идентичности в культурно сложном обществе // Казанский педагогический журнал. 2020. № 5.

15. *Курбатов В. И. и др.* Молодежная субкультура в сетевых сообществах : приоритеты молодежи в социальных сетях и трансформация социально-информационного поведения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10.

16. *Isenhardt A. et al.* Identity Diffusion and Extremist Attitudes in Adolescence // Front. Psychol. 2021. No. 12.

17. *Nivette A. et al.* Understanding Changes in Violent Extremist Attitudes During the Transition to Early Adulthood // Journal Quant. Criminol. 2022. No. 38.

18. *Van den Bos K.* Unfairness and Radicalization // Annu. Rev. Psychol. 2020. No. 71.

19. *Kruglanski A.W. et al.* The Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives, and Networks. Oxford: Oxford University Press, 2019.

20. *Bäck E. A. et al.* The Quest for Significance: Attitude Adaptation to a Radical Group Following Social Exclusion // Int. J Dev. Sustain. 2018. No. 12.

21. *Schils N. et al.* Understanding How and Why Young People Enter Radical or Violent Extremist Groups // Int. J Confl. Violence. 2017. No. 11.

22. *Кашпур В. В. и др.* Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа : специфика контента и индекс активности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467.

23. *Платонов К. А., Юдина Д. И.* Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 5.

24. *Федорченко С. Н.* Политические идентичности в социальных сетях Интернета // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 2.

25. *Федорченко С. Н.* Глобальное исследование политизации социальных сетей // Обозреватель-Observer. 2016. № 8 (319).

26. *Суслов С. И.* Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ «ВКонтакте» // Вестник СПбГУ. Сер. 12 : Социология. 2016. Вып. 4.

27. *Багненко В. А.* Идентификация современных направлений русского национализма // Colloquium-journal. 2019. № 2 (26).

28. *Кочетков А. В.* Азовский черный интернационал // Вопросы национализма. 2018. № 1 (31).

29. *Лукичев П. Н.* Пограничные идеологемы правого радикализма в студенческой среде Ростовской области // Озор. НЦПТИ. 2018. Вып. 1 (12).

30. *Поцелуев С. П.* Мигрирующие концепты правого радикализма в аттитюдах студенческой молодежи Дона // Политическая наука. 2018. № 4.

31. *Самойлов С. Ф.* Внешние признаки субкультуры участников праворадикального движения нс-скинхедов // Общество и право. 2016. № 1 (55).

32. Русский национализм : идеология и настроение / сост. : А. Верховский. М. : Центр «Сова», 2006.

33. *Miagkov M. et al.* A Comparative Analysis of Right-Wing Radical and Islamist Communities' Strategies for Survival in Social Networks (Evidence from the Russian Social Network VKontakte) // Media, War & Conflict. 2020. No. 13 (4).

34. *Голев Н. Д.* Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44).

35. *Colley T., Moore M.* The Challenges of Studying 4chan and the Alt-Right : "Come on in the Water's Fine" // New Media & Society. 2022. No. 24 (1).

36. *Thorleifsson C.* From Cyberfascism to Terrorism : On 4chan/pol/ Culture and the Transnational Production of Memetic Violence // Nations and Nationalism. 2022. No. 28 (1).

37. *Pasieka A.* "Tomorrow Belongs to Us" : Pathways to Activism in Italian Far-Right Youth Communities // Comparative Studies in Society and History. 2022. No. 64 (1).

38. *Kleinberg B. et al.* The Temporal Evolution of a Far-Right Forum // J Comput. Soc. Sc. 2021. No. 4.

39. *Thompson J., Hawley G.* Does the Alt-Right Still Matter? An Examination of Alt-Right Influence Between 2016 and 2018 // Nations and Nationalism. 2021. No. 27 (4).

40. *van der Vegt I.* et al. Online Influence, Offline Violence: Language Use on YouTube Surrounding the "Unite the Right" Rally // J Comput. Soc. Sc. 2021. No. 4.

41. *Forscher P. S., Kteily N. S.* A Psychological Profile of the Alt-Right // Perspectives on Psychological Science. 2020. No. 15 (1).

42. *Hodge E., Hallgrimsdottir H.* Networks of Hate: The Alt-Right, "Troll Culture", and the Cultural Geography of Social Movement Spaces Online // Journal of Borderlands Studies. 2020. No. 35 (4).

43. *Klein O., Muis J.* Online Discontent : Comparing Western European Far-Right Groups on Facebook // European Societies 2019. Vol. 21 (4).

44. *Bliuc A.-M. et al.* Collective Identity Changes in Far-Right Online Communities : The Role of Offline Intergroup Conflict // New Media & Society. 2019. No. 21 (8).

45. *Самойлов С. Ф., Алексеенко И. Л.* История формирования и социальная структура современной российской леворадикальной среды // Общество и право. 2018. № 4 (66).

46. *Кузьмин А. Г.* Субкультура антифа как социально-политический феномен : опыт изучения в г. Сыктывкаре // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2016. № 1 (25).

47. *Дьорич М.* Идеологические и коммуникационные аспекты современного ультралевого экстремизма и терроризма // Государственное управление. 2015. Вып. 53.

48. *Сергеев С. А.* Левые радикалы в российской провинции // Политэкс. 2013. № 1.

49. *Беликов С. В.* Антифа. Молодежный экстремизм в России. М. : Алгоритм. 2012.

50. *Голев Н. Д., Шанина А. В.* Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием (сопоставительное лингвистическое исследование) // Политическая лингвистика 2013. № 2 (44).

51. *Alizadeh M. et al.* Psychology and Morality of Political Extremists: Evidence from Twitter Language Analysis of Alt-Right and Antifa // EPJ Data Sci. 2019. No. 8.

52. *Arlow J.* Antifa Without Fascism : The Reasons Behind the Anti-Fascist Movement in Ireland // Ir Polit Stud. 2020. No. 35 (1).

53. *Klein A.* From Twitter to Charlottesville : Analyzing the Fighting Words Between the Alt-Right and Antifa // International Journal of Communication. 2019. No. 13.

54. *LaFree G.* Is Antifa a Terrorist Group? // Society. 2018. No. 55 (3).

55. *Пащенко И. В.* Идеология террористических сообществ в сети Интернет : технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. No. 1 (2).

56. *Излученко Т. В.* Использование методов интерпретативной антропологии в исследовании исламского экстремизма // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение» 2017. Т. 19.

57. *Султанахмедова З. Г.* Специфика исламского экстремизма // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 2.

58. *Стышинский М.* Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59).

59. *Farooqui J. F., Kaushik A.* Growing Up as a Muslim Youth in an Age of Islamophobia : A Systematic Review of Literature // Cont. Islam. 2022. No. 16.

60. *Lucas K., Baldino D.* White Knights, Black Armour, Digital Worlds : Exploring the Efficacy of Analysing Online Manifestos of Terrorist Actors in the Counter Terrorism Landscape // Counter-Terrorism, Ethics and Technology: Advanced Sciences and Technologies for Security Applications. Cham : Springer, 2021.

61. *Nilsson M.* Jihadiship : From Radical Behavior to Radical Beliefs // Studies in Conflict & Terrorism. 2021. No. 44 (3).

62. *Cottee C., Cunliffe J.* Watching ISIS : How Young Adults Engage with Official English-Language ISIS Videos // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. No. 43(3).

63. *Pearson E.* Online as the New Frontline : Affect, Gender, and ISIS-Take-Down on Social Media // Studies in Conflict & Terrorism. 2018. No. 41(11).

64. *Awan I.* Cyber-Extremism : ISIS and the Power of Social Media // Society. 2017. No. 54.

65. *Кузнецов С. А. и др.* Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной сети // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 59.

66. *Карпова А. Ю. и др.* Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52.

67. *Красиков В. И.* «Хейтеры» в российском сегменте Интернета // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59.

68. *Красиков В. И., Фоменко Е. В.* Группы ненависти в Рунете : ареалы интернет-распространения и типология // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4.

69. *Красиков В. И., Фоменко Е. В.* Радикальные интернет-позиции неполитического формата : узнаваемость и влиятельность среди современной российской студенческой молодежи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : История и право. 2020. Т. 10. № 6.

70. *Комалова Л. Р.* Язык вражды в публичном дискурсе Интернета // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание. 2021. № 2.

71. *Громова Н. С.* Конституирующие признаки экстремистского дискурса // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65).

72. *Аверина О. Р., Байков Н. М.* Экстремистская символика в интернет-пространстве как фактор угрозы социализации молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80).

73. *Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.* Социолингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44).

74. *Chiril P. et al.* Emotionally Informed Hate Speech Detection : A Multi-Target Perspective // Cogn. Comput. 2022. No. 14.

75. *Salminen J. et al.* Developing an Online Hate Classifier for Multiple Social Media Platforms // Hum. Cent. Comput. Inf. Sci. 2020. No. 10 (1).

76. *Campedelli G. et al.* A Complex Networks Approach to Find Latent Clusters of Terrorist Groups // Appl. Netw. Sci. 2019. No. 59 (4).

77. *Miró-Llinares F. et al.* Hate Is in the Air! But Where? Introducing an Algorithm to Detect Hate Speech in Digital Microenvironments // Crime. Sci. 2018. No. 15 (7).

78. *Burnap P., Williams M. L.* Us and Them : Identifying Cyber Hate on Twitter Across Multiple Protected Characteristics // EPJ Data Sci. 2016. No. 11 (5).

References

1. *Kuzmin A. G.* "Right" Internet in Russia: Specifics of Development and Problems of Countermeasures. *Politex*, 2008, vol. 4, no. 3. (In Russ.)

2. Social Network Statistics. Age and Gender of the Authors. URL: https://br-analytics.ru/statistics/author/vk/202305/20 (date of the application: 09.03.2023). (In Russ.)

3. *Parma R. V.* Modern Interpretation of Political Radicalism in Civil Activity. *Humanities. Bulletin of Financial University*, 2022, vol. 12, no. 1. (In Russ.)

4. *Bizina M. Iu.* Comparative Analysis of the Concept of "Radicalism" from the Legal and Social Points of View. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, no. 63. (In Russ.)

5. *Savelieva E. N. et al.* Political Activity in the Network as a Prosumer Activity. *Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art History*, 2021, no. 44. (In Russ.)

6. *Nikitina T. A., Terentieva I. A.* Countering the Spread of Extremist Ideology in the Information Space of Russia. *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2019, vol. 19, no. 3. (In Russ.)

7. *Butenko A. S.* Extremism on the Internet: Concept and Essence. *Lawyer*, 2019, no. 2 (89). (In Russ.)

8. *Butkevich S. A.* Extremism and Terrorism in Cyberspace: Detection, Neutralization and Prevention. *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs*, 2018, no. 1 (39). (In Russ.)

9. *Nerubenko A. S., Eliseeva E. S.* Extremism as a Social and Legal Phenomenon: Distribution of Extremist Materials on the Internet. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1. (In Russ.)

10. *Pashchenko I. V.* Ideology of Terrorist Communities on the Internet: Technologies of Distribution and Specifics of Counteraction. *Caucasian Science Bridge*, 2018, no. 1 (2). (In Russ.)

11. *Negrov E. O.* The Role and Features of Youth Political Online Activism in Modern Russia. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 2021, vol. 23, no. 1. (In Russ.)

12. *Titov V. V.* Social Protest Strategies of Youth in Runet: Comparative Analysis of Generations Y and Z. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, 2020, no. 3. (In Russ.)

13. *Pyrma R. V.* Protest Moods of Russian Youth in the Digital Network. *Humanities. Bulletin of Financial University*, 2019, no. 9 (6). (In Russ.)

14. *Ivanov A. V., Kozlov V. E.* Construction of a Radical Subcultural Identity in a Culturally Complex Society. *Kazan Pedagogical Journal*, 2020, no. 5. (In Russ.)

15. *Kurbatov V. I. et al.* Youth Subculture in Online Communities: Youth Priorities in Social Networks and the Transformation of Social and Informational Behavior. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 2019, no. 10. (In Russ.)

16. *Isenhardt A. et al.* Identity Diffusion and Extremist Attitudes in Adolescence. *Front. Psychol.*, 2021, no. 12.

17. *Nivette A. et al.* Understanding Changes in Violent Extremist Attitudes During the Transition to Early Adulthood. *Journal Quant. Criminol.*, 2022, no. 38.

18. *Van den Bos K.* Unfairness and Radicalization. *Annu. Rev. Psychol.*, 2020, no. 71.

19. *Kruglanski A. W. et al.* The Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives, and Networks. Oxford: Oxford University Press, 2019.

20. *Bäck E. A. et al.* The Quest for Significance: Attitude Adaptation to a Radical Group Following Social Exclusion. *Int. J Dev. Sustain.*, 2018, no. 12.

21. *Schils N. et al.* Understanding How and Why Young People Enter Radical or Violent Extremist Groups. *Int. J Confl. Violence*, 2017, no. 11.

22. *Kashpur V. V. et al.* Representation of Radical Communities in Russian Social Media: Content Specificity and Activity Index. *Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 467. (In Russ.)

23. *Platonov K. A., Iudina D. I.* The Agenda of the Protest Online Communities of St. Petersburg on VKontakte. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 5. (In Russ.)

24. *Fedorchenko S. N.* Political Identities in Social Networks of the Internet. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2017, no. 2. (In Russ.)

25. *Fedorchenko S. N.* Global Study of the Politicization of Social Networks. *Obozrevatel-Observer*, 2016, no. 8 (319). (In Russ.)

26. *Suslov S. I.* Clusters of St. Petersburg Political Online Communities "VKontakte". *Bulletin of St. Petersburg State University, Ser.* 12*: Sociology*, 2016, issue 4. (In Russ.)

27. *Bagnenko V. A.* Identification of Modern Trends in Russian Nationalism. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 2 (26). (In Russ.)

28. *Kochetkov A. V.* Azov Black International. *Issues of Nationalism*, 2018, no. 1 (31). (In Russ.)

29. *Lukichev P. N.* Borderline Ideologemes of Right-Wing Radicalism in the Student Environment of the Rostov Region. *Ozor. NCPTI*, 2018, issue 1 (12). (In Russ.)

30. *Potseluev S. P.* Migrating Concepts of Right-Wing Radicalism in the Attitudes of Don Students. *Political Science*, 2018, no. 4. (In Russ.)

31. *Samoilov S. F.* External Signs of the Subculture of Participants in the Right-Wing Radical Movement of NS-Skinheads. *Society and Law*, 2016, no. 1 (55). (In Russ.)

32. *Verkhovskii A. (ed.).* Russian Nationalism. Moscow: Center "Owl", 2006. (In Russ.)

33. *Miagkov M. et al.* A Comparative Analysis of Right-Wing Radical and Islamist Communities' Strategies for Survival in Social Networks (Evidence from the Russian Social Network VKontakte). *Media, War & Conflict*, 2020, no. 13 (4). (In Russ.)

34. *Golev N. D.* Ordinary Political Discourse on Runet Websites with Fascist and Anti-Fascist Content. *Political Linguistics*, 2013, no. 2 (44). (In Russ.)

35. *Colley T., Moore M*. The Challenges of Studying 4chan and the Alt-Right: "Come on in the Water's Fine". *New Media & Society*, 2022, no. 24 (1).

36. *Thorleifsson C.* From Cyberfascism to Terrorism: On 4chan/pol Culture and the Transnational Production of Memetic Violence. *Nations and Nationalism*, 2022, no. 28 (1).

37. *Pasieka A*. "Tomorrow Belongs to Us": Pathways to Activism in Italian Far-Right Youth Communities. *Comparative Studies in Society and History*, 2022, no. 64 (1).

38. *Kleinberg B. et al.* The Temporal Evolution of a Far-Right Forum. *J Comput. Soc. Sc.*, 2021, no. 4.

39. *Thompson J., Hawley G*. Does the Alt-Right Still Matter? An Examination of Alt-Right Influence Between 2016 and 2018. *Nations and Nationalism*, 2021, no. 27 (4).

40. *van der Vegt I. et al.* Online Influence, Offline Violence: Language Use on YouTube Surrounding the "Unite the Right" Rally. *J Comput. Soc. Sc.*, 2021, no. 4.

41. *Forscher P.S., Kteily N.S.* A Psychological Profile of the Alt-Right. *Perspectives on Psychological Science*, 2020, no. 15(1).

42. *Hodge E., Hallgrimsdottir H*. Networks of Hate: The Alt-Right, "Troll Culture", and the Cultural Geography of Social Movement Spaces Online. *Journal of Borderlands Studies*, 2020, no. 35(4).

43. *Klein O., Muis J.* Online Discontent: Comparing Western European Far-Right Groups on Facebook. *European Societies*, 2019, no. 21 (4).

44. *Bliuc A.-M. et al.* Collective Identity Changes in Far-Right Online Communities: The Role of Offline Intergroup Conflict. *New Media & Society*, 2019, no. 21 (8).

45. *Samoilov S. F., Alekseenko I. L.* The History of the Formation and Social Structure of the Modern Russian Radical Left Environment. *Society and Law*, 2018, no. 4 (66). (In Russ.)

46. *Kuzmin A. G.* Antifa Subculture as a Socio-Political Phenomenon: The Experience of Studying in Syktyvkar. *News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 1 (25). (In Russ.)

47. *Diorich M.* Ideological and Communication Aspects of Modern Ultra-Left Extremism and Terrorism. *Public Administration*, 2015, issue 53. (In Russ.)

48. *Sergeev S. A.* Left Radicals in the Russian Provinces. *Politex*, 2013, no. 1. (In Russ.)

49. *Belikov S. V.* Antifa. Youth Extremism in Russia. Moscow: Algorithm, 2012. (In Russ.)

50. *Golev N. D., Shanina A. V*. Ordinary Political Discourse on Runet Websites with Fascist and Anti-Fascist Content (Comparative Linguistic Research). *Political Linguistics*, 2013, no. 2 (44). (In Russ.)

51. *Alizadeh M. et al.* Psychology and Morality of Political Extremists: Evidence from Twitter Language Analysis of Alt-Right and Antifa. *EPJ Data Sci.*, 2019, no. 8.

52. *Arlow J.* Antifa Without Fascism: The Reasons Behind the Anti-Fascist Movement in Ireland. *Ir Polit Stud*., 2020, no. 35 (1).

53. *Klein A.* From Twitter to Charlottesville: Analyzing the Fighting Words Between the Alt-Right and Antifa. *International Journal of Communication*, 2019, no. 13.

54. *LaFree G.* Is Antifa a Terrorist Group? *Society*, 2018, no. 55(3).

55. *Pashchenko I. V.* Ideology of Terrorist Communities on the Internet: Technologies of Distribution and Specifics of Counteraction. *Caucasian Science Bridge*, 2018, no. 1 (2). (In Russ.)

56. *Izluchenko T. V.* Using the Methods of Interpretive Anthropology in the Study of Islamic Extremism. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies"*, 2017, vol. 19. (In Russ.)

57. *Sultanakhmedova Z. G.* The Specifics of Islamic Extremism. *Islamic Studies*, 2017, vol. 8, no. 2. (In Russ.)

58. *Styshinskii M.* Jihadist Propaganda on the Internet and Social Media. *Political Linguistics*, 2016, no. 5 (59). (In Russ.)

59. *Farooqui J. F., Kaushik A.* Growing Up as a Muslim Youth in an Age of Islamophobia: A Systematic Review of Literature. *Cont. Islam.*, 2022, no. 16.

60. *Lucas K., Baldino D.* White Knights, Black Armour, Digital Worlds: Exploring the Efficacy of Analysing Online Manifestos of Terrorist Actors in the Counter Terrorism Landscape. In Counter-Terrorism, Ethics and Technology: Advanced Sciences and Technologies for Security Applications. Cham: Springer, 2021.

61. *Nilsson M.* Jihadiship: From Radical Behavior to Radical Beliefs. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2021, no. 44 (3).

62. *Cottee C., Cunliffe J.* Watching ISIS: How Young Adults Engage with Official English-Language ISIS Videos. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2020, no. 43 (3).

63. *Pearson E.* Online as the New Frontline: Affect, Gender, and ISIS-Take-Down on Social Media. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2018, no. 41 (11).

64. *Awan I.* Cyber-Extremism: Isis and the Power of Social Media. *Society*, 2017, no. 54.

65. *Kuznetsov S. A. et al.* Automated Detection of Cross-Links of Users of Ultra-Right Communities in a Social Network. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, no. 59. (In Russ.)

66. *Karpova A. Iu. et al.* New Technologies for Identifying Far-Right Extremist Communities in Social Media. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2019, no. 52. (In Russ.)

67. *Krasikov V. I.* "Haters" in the Russian Segment of the Internet. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, no. 59. (In Russ.)

68. *Krasikov V. I., Fomenko E. V.* Hate Groups in Runet: Areas of Internet Distribution and Typology. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2020, no. 4. (In Russ.)

69. *Krasikov V. I., Fomenko E. V.* Radical Internet Positions of a Non-Political Format: Recognizability and Influence Among Modern Russian Student Youth. *Bulletin of South-Western State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 6. (In Russ.)

70. *Komalova L. R.* Hate Speech in the Public Discourse of the Internet. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 6, Linguistics*, 2021, no. 2. (In Russ.)

71. *Gromova N. S.* Constituent Signs of Extremist Discourse. *Political Linguistics*, 2017, no. 5 (65). (In Russ.)

72. *Averina O. R., Baikov N. M.* Extremist Symbols in the Internet Space as a Threat to the Socialization of Youth. *Power and Management in the East of Russia*, 2017, no. 3 (80). (In Russ.)

73. *Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ia.* Sociolinguistic Markers of Extremist Text. *Humanitarian Vector*, 2015, no. 4 (44). (In Russ.)

74. *Chiril P. et al.* Emotionally Informed Hate Speech Detection: A Multi-Target Perspective. *Cogn. Comput.*, 2022, no. 14.

75. *Salminen J. et al.* Developing an Online Hate Classifier for Multiple Social Media Platforms. *Hum. Cent. Comput. Inf. Sci.*, 2020, no. 10 (1).

76. *Campedelli G. et al.* A Complex Networks Approach to Find Latent Clusters of Terrorist Groups. *Appl. Netw. Sci.*, 2019, no. 59 (4).

77. *Miró-Llinares F. et al.* Hate Is in the Air! But Where? Introducing an Algorithm to Detect Hate Speech in Digital Microenvironments. *Crime. Sci.*, 2018, no. 15 (7).

78. *Burnap P., Williams M. L.* Us and Them: Identifying Cyber Hate on Twitter Across Multiple Protected Characteristics. *EPJ Data Sci.*, 2016, no. 11 (5).

Сведения об авторе:

В. И. Красиков – доктор философских наук, профессор.

Information about the author:

V. I. Krasikov – Doctor of Philosophy, Professor.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted to the editorial office 06.07.2023; approved after reviewing 21.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Научная статья
УДК 342.5
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-38-56

РАСПАД УКРАИНЫ КАК СЛЕДСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Александр Акимович Караман

Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры, 119331, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 29

alexman-k@mail.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования, безусловно, определяется теми процессами, что происходят в Украине начиная с 2014 г. и по настоящее время. Цель работы заключается в доказательстве причинно-следственной связи распада Украины с событиями конца 2013 – начала 2014 гг. Сегодня очевидно, что той Украины, которая была до 2014 г., уже нет. Рубиконом, который разделил Украину на «до» и «после», стал государственный переворот 2014 г. Часть территорий Украины не признали незаконную власть и воспользовались своим правом на сопротивление ей (власти) и на самоопределение. Сегодня эти территории являются шестью новыми субъектами Российской Федерации. В процессе написания работы использованы общенаучные методы исследования: системный, логический, анализа и синтеза, сравнительный. В ходе анализа также применялись исторический и ретроспективный методы. Новизна исследования состоит в том, что в рамках одной статьи изложены не только предпосылки и процесс самого государственного переворота, но и прямые его последствия в виде разрушения территориальной целостности Украины. В ходе анализа автор пришел к выводу, что процесс потери территорий Украиной не завершен и еще неизвестно, какой она будет в дальнейшем.

Ключевые слова: Евроинтеграция; НАТО; Майдан; государственный переворот; распад Украины.

Для цитирования: *Караман А. А.* Распад Украины как следствие государственного переворота // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 38–56. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-38-56

Research Article

THE COLLAPSE OF UKRAINE AS A CONSEQUENCE OF THE COUP D'ETAT

Alexander A. Karaman

International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture,
29 Vernadskii Ave., Moscow, 119331, Russia

alexman-k@mail.ru

Abstract

The relevance of this study, of course, is determined by the processes that have been taking place in Ukraine since 2014 and up to the present. The purpose of the work is to prove the causal relationship of the collapse of Ukraine with the events of late 2013 – early 2014. Today it is obvious that the Ukraine that was before 2014 is no longer there. The rubicon that divided Ukraine into "before" and "after" was the coup d'etat of 2014. Part of the territories of Ukraine did not recognize the illegal government and used their right to resist the illegal government and to self-determination. Today these territories are six new subjects of the Russian Federation. In the course of the research, general scientific research methods were used: systematic, logical, analysis and synthesis, comparative. The study also used historical and retrospective research methods. The novelty of the study is in the fact that, within the framework of one article, not only the prerequisites and the process of the coup itself are outlined, but also its direct consequences in the form of the destruction of the territorial integrity of Ukraine. In the course of the study, the author came to the conclusion that the process of losing territories by Ukraine has not been completed and it is still unknown what it will be, in general, in the future.

Keywords: European integration; NATO; Maidan; coup d'etat; disintegration of Ukraine.

For citation: *Karaman A. A.* The Collapse of Ukraine as a Consequence of the Coup d'Etat. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 38–56. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-38-56

Введение

Истории так было угодно распорядиться, что разбрасывание российских земель, доставшихся в наследство от русских царей и императоров, началось с тех областей, которые Советская власть в лице Совнаркома (читай: В. И. Ленин) признала в качестве нового государства – Украинской Народной Республики (УНР) [1, с. 76–77].

Признание независимости УНР целиком и полностью вписывалось в ленинскую теорию о праве наций на самоопределение путем отделения от нации угнета-

ющей. Следует напомнить, что в составе Российской империи какого-либо административно-территориального образования, в названии которого упоминался бы этноним «украинская», не существовало. Но, поскольку В. И. Ленин питал особые симпатии к украинцам, которые, как он считал, в царской России были угнетаемы великороссами, Советская Россия сразу признала независимость УНР.

Украинская Народная Республика была провозглашена III Универсалом Украинской Центральной Рады 7 ноября 1917 г., о чем прямо изложено в Универсале: «Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов» [2].

Территория УНР была определена произвольно Секретариатом УНР, в котором должность Генерального секретаря внутренних дел УНР занимал В. К. Виниченко, известный В. И. Ленину как один из основателей Украинской социал-демократической рабочей партии. Власть Центральной Рады УНР тогда распространялась на территорию девяти губерний: Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической (без Крыма). Эти территории были определены произвольно В. К. Виниченко, поэтому с подачи В. И. Ленина территория УНР называлась «географией Виниченко».

Поскольку Совнарком признал УНР, но не признал Центральную Раду, на части территории УНР стали формироваться Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и было решено образовать альтернативное Советское правительство, для чего было постановлено провести украинский съезд Советов. К тому времени, в феврале 1918 г., на территории Донецкого и Криворожского бассейнов была провозглашена Донецко-Криворожская Советская Республика как автономия в составе РСФСР.

Именно о «географии Виниченко» идет речь в письме В. И. Ленина к Г. К. Орджоникидзе: «Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что, как бы они ни ухитрялись выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину» [3, с. 50].

Решение В. И. Ленина отдать Донецкий бассейн Украине было оформлено на следующий день: «На созванный украинский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов должны поехать товарищи со всей Украины, в том числе и из Донецкого бассейна. Донецкий бассейн рассматривается как часть Украины… О Крымской республике решено отложить объявить ее независимой» [4, с. 607].

Таким образом, В. И. Лениным было отказано в признании Донецко-Криворожской Республики российской территорией. Очередь до Крымской Республики дойдет в 1954 г., когда она будет подарена Украинской ССР к 300-летию подписания Переяславской Рады.

Первым звеном в череде целого ряда неправомерных нормативных актов по Крыму было Постановление Президиума ЦК КПСС от 25 января 1954 г., подписанное Секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, в котором устанавливалось: «1. Утвердить с поправками, принятыми на заседании, прилагаемый проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР

в состав УССР» [5]. Указ Президиума Верховного Совета СССР был издан 19 февраля 1954 г. [6]

Спустя 60 лет было положено начало восстановлению исторической справедливости и возвращению переданных Украине территорий.

1. Теоретический анализ предпосылок государственного переворота в Украине

Несмотря на то что в работе будут изложены исторические и правовые аспекты исследуемой проблемы, невозможно обойти вниманием основные геополитические факторы, поскольку именно они оказались решающими в развитии всех анализируемых событий.

С одной стороны, не следует преувеличивать, но, с другой стороны, не следует и преуменьшать роль Збигнева Бжезинского в геополитических преобразованиях Европы в целом, в том числе в судьбе Союза ССР. По крайней мере многие его прогнозы сбылись именно в том ключе, в котором он их обрисовывал.

Так, он излагает, как еще во второй половине 1996 г. Франция последней из стран НАТО одобрила вступление Польши в НАТО и Европейский Союз. Именно через Польшу, страну, примыкающую к Германии, виделось усиление влияния Германии на север, имелось в виду на республики Балтии, и на восток – на Украину и Беларусь, т.е. на те государства, которые непосредственно граничили с Россией. Только тогда, считал З. Бжезинский, можно будет добиться компромиссов от России или решать задачу построения Европы независимо от возражений Москвы [7, гл. 7].

Сегодня мы являемся свидетелями того, что практически все прогнозы Збигнева Бжезинского стали реальностью. Мадридский саммит НАТО, состоявшийся 8–9 июля 1997 г., дал толчок расширению НАТО на Восток. Результатом саммита стало приглашение Венгрии, Польши и Чешской Республики вступить в НАТО. Кроме того, между НАТО и Украиной была подписана Хартия об особом партнерстве, в соответствии с которой была создана Комиссия Украина-НАТО и установлены отношения между блоком НАТО и Украиной [8].

Оправдались прогнозы и в отношении Польши. Именно через Польшу осуществлялось и осуществляется основное сотрудничество Украины с Евросоюзом и НАТО, поступают военная техника, вооружение и боеприпасы, проникают иностранные наемники. Именно Польша играла и играет основную роль в дестабилизации обстановки в Белоруссии, именно Польша является связующим мостом, через который страны Балтии стали членами Европейского Союза и НАТО и осуществили блокаду Калининградской области. Практически решенным является вопрос и о вступлении Финляндии и Швеции в НАТО.

Следует согласиться с З. Бжезинским, что самым тяжелым последствием разрушения Союза ССР стала потеря Украины, поскольку она лишила Россию ее господствующего положения на Черном море, где Россия потеряла не только крупнейшие черноморские порты, но и осталась со спорным вопросом с Украиной о правах на базирование в Крыму остатков советского Черноморского флота.

Именно вопрос базирования Черноморского военного флота в Крыму волновал США и блок НАТО, поскольку данный военный флот обеспечивал морскую и воз-

душную безопасность России со стороны Черного и Средиземного морей. Поэтому для США и НАТО крайне важным было с помощью Украины лишить Россию возможности содержания Черноморского флота на арендованных у Украины военно-морских и военно-воздушных базах в Крыму.

С этой целью США и НАТО с первых дней независимости Украины приложили огромные политические и экономические усилия для окончательного и бесповоротного удаления Украины из всех сфер влияния России и ее политической, экономической и военной интеграции в европейские и евроатлантические структуры.

О роли США в событиях на Украине пишет и М. Н. Стебаков: «США видят в ситуации на Юго-Востоке Украины платформу для решительного продвижения своих геополитических и военно-политических интересов» [9, с. 72–80].

Официальные отношения между НАТО и Украиной начались уже в 1991 г., когда Украина присоединилась к Совету Североатлантического сотрудничества (затем его сменил Совет Евроатлантического пространства) [10, с. 78–85].

В 1994 г. Украина стала первым государством – членом СНГ, присоединившимся к программе «Партнерство ради мира». Справедливости ради следует сказать, что Россия в лице министра иностранных дел А. Козырева 22 июня 1994 г. тоже присоединилась к Программе. Это был период, когда Россия была «очарована» Западом и стремилась к интеграции с Западом, в том числе и с НАТО.

В рамках указанной Программы Россия подписала Соглашение от 19 июня 1995 г. [11] и Дополнительный протокол к нему от 19 июня 1995 г. [12]. Соглашение и Дополнительный протокол были ратифицированы Российской Федерацией 7 июня 2007 г. с приложенным заявлением [13].

В развитие всех подписанных соглашений Россия и НАТО установили фактически дипломатические отношения на уровне представительств и постоянных представителей. Не вдаваясь в подробности взаимоотношений, следует отметить, что после возвращения Крыма в состав России сотрудничество России с НАТО было приостановлено в 2014 г., а с 2018 г., после отзыва официальных представителей, практически заморожено.

Основные вехи сближения Украины и НАТО отображены на официальной странице НАТО [14].

Правовая база, которая регламентировала условия и сроки пребывания Черноморского флота России на территории Украины, состояла из трех нормативных правовых актов:

1) Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота от 28 мая 1997 г. [15];

2) Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины [16];

3) Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины, от 28 мая 1997 г. [17]

Все три Соглашения были ратифицированы Россией 3 июля 1999 г. и вступили в силу 12 июля 1999 г. По сроку действия они были рассчитаны до 2017 г. Срок

действия Соглашения мог автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Сторон не уведомит письменно другую Сторону о прекращении действия Соглашения не позднее, чем за один год до истечения срока его действия.

Прошло два пятилетних срока, и стороны решили заключить новое соглашение. 21 апреля 2010 г. между Президентом Украины В. Януковичем и Президентом России Д. Медведевым прошли важные переговоры, главным итогом которых стали новые договоренности по вопросам пребывания Черноморского флота на территории Украины, вошедшие в историю как «Харьковские соглашения».

Стороны подписали новое Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 21 апреля 2010 г., главным пунктом в котором было согласие сторон продлить действие Соглашения после 2017 г. сразу на 25 лет, т.е. до 2042 г.

Данное событие вызвало шок у националистической, прозападной оппозиции и их западных кураторов. В Российской Федерации Соглашение было ратифицировано без проблем [18]. В Киеве же оно сопровождалось бурными действиями оппозиции. В зале заседаний Верховной Рады завязалась массовая драка между сторонниками и противниками ратификации. Несмотря на протесты и беспорядки, Соглашение было ратифицировано Верховной Радой 27 апреля 2010 г. [19]

После ратификации Харьковских соглашений ее противники предприняли четыре попытки денонсации, но все они оказались безуспешными [20].

Таким образом, попытки США лишить Россию возможности базировать свой Черноморский флот в Крыму, т.е. в исконных местах его базирования начиная с времен Екатерины II, провалились.

Второй ощутимый удар США и Европейский Союз получили, когда Президент Украины отказался подписывать Соглашение с Европейским Союзом. Переговоры о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и ЕС были начаты еще в марте 2007 г. 22 июля 2008 г. было объявлено, что между Украиной и Европейским Союзом будет подписано соглашение, подобное соглашению «Стабилизация и ассоциация». Согласование текста Соглашения об ассоциации заняло более четырех лет.

Полный текст Соглашения был опубликован в августе 2013 г. на официальном портале кабинета министров Украины. 28 октября 2013 г. в Вильнюсе начал свою работу саммит «Восточное партнерство», на котором должна была решаться судьба украинского соглашения об ассоциации с ЕС. В день открытия саммита представители Евросоюза пытались убедить Президента Украины В. Януковича не откладывать подписание документа, ради этого даже была проведена незапланированная встреча с главой Еврокомиссии. Но В. Янукович заявил, что Украина не будет подписывать соглашение.

Форсированный отрыв Украины от торгово-экономического пространства СНГ и Таможенного союза гарантировал Украине наступление социально-экономического коллапса. На долю Таможенного союза приходилось 40% всего товарооборота Украины, и потеря этих всех продаж грозила потерей рабочих мест и социальными потрясениями. Евросоюз же выдвигал ряд жестких требований, которые также могли привести к социальному взрыву – повышению тарифов, заморозке зарплат и пенсий [21].

В ответ США и их западные союзники во второй раз прибегли к уже испытанному средству – организации массовых, практически круглосуточно действующих протестных манифестаций. В первый раз это средство борьбы с государственной властью и смены государственной власти было успешно использовано в 2004 г.

И в первый, и во второй раз массовые протесты проходили по схеме демонизации высшей власти на Украине, придания ей характеристики как преступной власти, с последующей ее делегитимацией и демонтажом.

Первая такая волна была развернута с целью смещения Президента Л. Д. Кучмы. Для этого были использованы изощренные провокации с участием в том числе спецслужб самой Украины. Как известно, кампания началась с громкого политического и уголовного скандала, связанного с пропажей журналиста Г. Гонгадзе, который высказывал критические замечания и грозил некими разоблачениями в адрес Л. Д. Кучмы [22, с. 171–177].

По расчетам политтехнологов США, на выборах должен был победить В. Ющенко, однако победил В. Янукович. По утверждению Д. В. Потапова, спецслужбы и финансируемые США неправительственные организации сыграли в данной кампании основную роль: «Массовые протесты на улицах Западной и Центральной Украины, начавшиеся после победы В. Януковича на выборах 2004 г., достигли своих целей: результаты были аннулированы, а к власти пришел прозападный кандидат В. Ющенко» [23, с. 144–147].

Действительно, результатом первого майдана, который назовут «оранжевой революцией», станет уникальное явление в мировой избирательной практике – третий тур выборов и избрание Президентом Украины ярого прозападного политика В. Ющенко, супруга которого была гражданкой США.

Известный польский исследователь украинского национализма В. В. Полищук, который с 1981 г. проживал в Канаде, напишет, что выборы Президента Украины фактически олицетворяли собой не борьбу двух кандидатов, а борьбу США за отрыв Украины от России [24, с. 41–49].

21 ноября 2013 г. в центре Киева начался второй в истории Украины майдан – массовая многомесячная акция протеста, на этот раз получившая название «Евромайдан», поскольку она началась в ответ на приостановку украинским правительством подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. После разгона палаточного городка оппозиции в ночь с 29 на 30 ноября протестная акция приняла резко антипрезидентский и антиправительственный характер. 30 ноября 2013 г. для защиты Евромайдана началось формирование отрядов «самообороны». И уже 1 декабря в Киеве произошли массовые столкновения между участниками протестов и милицией. Новые столкновения имели место и в ночь на 11 декабря, когда власти еще раз попытались силой очистить площадь Независимости.

После того как Верховная Рада приняла 16 января 2014 г. ряд законов, в том числе вводящих достаточно жесткие санкции за участие в массовых беспорядках и налагавших жесткие ограничения на ряд гражданских и политических свобод, в том числе на свободу собраний, свободу выражения мнений и свободу ассоциаций, 19 января 2014 г. произошел новый всплеск силового противостояния, не

только в Киеве, но и за его пределами. В ходе столкновений 19–20 января были ранены сотни людей, появились первые погибшие.

Наиболее резкое обострение ситуации произошло 18 февраля, что привело к гибели более 100 человек, в том числе сотрудников правоохранительных органов. Многие погибли от пуль якобы неустановленных снайперов, хотя огласке были преданы многочисленные факты, в том числе видеосъемки и имена наемных снайперов.

2. Государственный переворот и начало распада Украины

21 февраля 2014 г. в Киеве при посредничестве России, Германии, Польши и Франции Президент Украины В. Ф. Янукович и лидеры трех ведущих оппозиционных партий – В. Кличко, А. Яценюк и О. Тягнибок подписали соглашение об урегулировании политического кризиса.

Гарантами соглашение выступили представители внешнеполитических ведомств ФРГ, Польши и Франции – соответственно Ф.-В. Штайнмайер, Р. Сикорский и Э. Фурнье [25]. Присутствовавший при этом В. Лукин, Уполномоченный по правам человека России, Соглашение не подписал.

Однако на следующий день оппозиция отказалась от выполнения соглашения, более того, были предприняты попытки по захвату Президента В.. Ф. Януковича, вследствие чего он был вынужден выехать из страны на территорию России. Верховная Рада, в которой большинство принадлежало прозападным политическим силам, отстранила В. Ф. Януковича от должности и назначила новые, досрочные выборы президента [26].

Тем самым фактически в Киеве был совершен антиконституционный переворот и власть была захвачена националистическими силами, действия которых очень скоро приобретут неонацистский и ярко выраженный антирусский характер. Все эти действия незаконной власти не получили поддержки со стороны населения на юго-востоке государства – как только власть перешла в руки прозападных националистов, в городах Донецкой, Луганской, Харьковской, Одесской областей начались антиправительственные протесты. Стали высказываться идеи по федерализации Украины, признанию русского языка в качестве второго государственного. Раздавались призывы о непризнании нового правительства и неподчинении ему [27, с. 59–68].

Ни для кого не секрет, что без идеологической, логистической и финансовой помощи США не могли состояться ни первый, ни второй майданы. О размерах и источниках финансирования изложено в статье Д. С. Крысенко [28, с. 15–29].

После того, как 7 апреля 2014 г. была провозглашена Донецкая Народная Республика, исполняющий обязанности Президента Украины, Председатель Верховной Рады Украины А. В. Турчинов подписал 14 апреля Указ, которым было введено в действие решение Совета национальной безопасности и обороны Украины от 13 апреля 2014 г. «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранение территориальной целостности Украины»: «1. Ввести в действие решение (прилагается, тайно)» [29].

В. В. Введенская утверждает, что в дальнейшем Антитеррористический центр при Службе безопасности Украины скорректировал дату начала антитеррорис-

тической операции на территории Донецкой и Луганской областей, установив ее 7 апреля 2014 г. [30, с. 27–38]

Казалось бы, большой разницы между 7 и 14 апреля нет. Однако юридический факт состоит в том, что именно 7 апреля была провозглашена Донецкая Народная Республика и сразу же началось применение вооруженных формирований Украины. Следовательно, всем действиям силовых структур Украины, предпринятым с 7 по 14 апреля, задним числом был придан якобы правовой характер.

Поскольку вышеперечисленные нормативные правовые акты являются подзаконными, 2 сентября 2014 г. был принят законодательный акт, в ст. 1 которого установлено, что периодом проведения антитеррористической операции является время между датой вступления в силу вышеизложенного указа от 14 апреля 2014 г. № 405/2014 и датой вступления в силу указа Президента Украины о завершении антитеррористической операции или военных действий на территории Украины [31].

На протяжении всех лет позиция официальных органов государственной власти Украины не менялась: «Позиция украинских властей в отношении конфликта фактически неизменна с апреля 2014 г.: проводится Операция Объединенных сил (ООС) против вооруженных группировок на Востоке Украины; территории ДНР и ЛНР признаются Киевом в качестве «временно оккупированных» [32].

Первые результаты государственного переворота Украина почувствует уже через месяц. В Автономной Республике Крым население отказалось признавать легитимность нового украинского правительства, поскольку жителям русскоязычного Крыма сразу стали очевидны последствия проведения политики украинских националистов для русскоязычного населения.

В ответ на неприятие жителями Крыма и г. Севастополя «новой киевской власти» лидеры праворадикальных группировок Украины выступили с призывами о необходимости «наказать» жителей Крыма за неподчинение незаконной власти. Например, ранее судимый за терроризм активист организации «Патриот Украины» И. Мосейчук выступил с инициативой направления на захват Крыма так называемых поездов дружбы, сформированных из праворадикальных боевиков-националистов. Автор не видит необходимости цитировать здесь украинских неонацистов, об этом изложено в подборке событий того времени [33, с. 18–35].

Населению Крыма тогда удалось максимально быстро организовать и провести референдум. В Крыму 16 марта прошел референдум о статусе республики, в ходе которого за независимость и вхождение Крыма в состав России проголосовали 96,77% избирателей.

По результатам референдума, проведенного 16 марта 2014 г., Республика Крым была признана Россией в качестве суверенного и независимого государства [34].

И уже на следующий день был подписан Договор, в соответствии с которым Республика Крым была принята в состав России и были образованы два новых субъекта – Республика Крым и город федерального значения Севастополь [35].

Руководствуясь нормами законодательного акта от 17 декабря 2001 г. [36], 21 марта 2014 г. Республика Крым была принята в состав России и были образованы два новых субъекта [37].

С принятием в состав России Республики Крым и образованием двух новых субъектов потеряли свою значимость все российско-украинские соглашения по Черноморскому флоту, в связи с чем Федеральное Собрание России прекратило их действие [38].

Точку в этом вопросе поставило Министерство иностранных дел России, которое 24 апреля 2014 г. оповестило об этом международное сообщество [39].

Выше было изложено, что 7 апреля 2014 г. была провозглашена Донецкая Народная Республика. А 27 апреля была провозглашена Луганская Народная Республика. Для этих двух Республик борьба за выживание только начиналась, и восьмилетний путь к независимости и свободе будет сопряжен с огромными материальными и человеческими потерями.

Еще до недавнего времени экспертами строились разные прогнозы возможного развития событий на Юго-Востоке Украины [32].

Все прогнозы рухнули в феврале 2022 г., когда были признаны Донецкая и Луганская народные республики. Затем, 4 октября 2022 г., по такой же правовой схеме, как и в случае с Республикой Крым, после проведенных референдумов в состав России были приняты еще четыре субъекта, входивших после разрушения СССР в состав Украины. Это Донецкая Народная Республика [40], Луганская Народная Республика [41], Запорожская [42] и Херсонская [43] области.

Заключение

Наверное, если бы не разрушение в 1991 г. Союза ССР, то и дискуссий вокруг правомерности передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР не было бы. Но, скорее всего, дискуссии так бы и остались дискуссиями. Историческая справедливость в отношении Крыма была восстановлена самим народом Крыма, воспользовавшимся своим правом на самоопределение, вследствие непризнания им неонацистских политических сил, захвативших власть в результате государственного переворота.

Народ Донбасса и территории, ранее называвшиеся Новороссией, также самоопределились, образовав Донецкую и Луганскую народные республики, однако восстановление исторической справедливости в отношении Донбасса затянулось на восемь лет кровопролитной вооруженной борьбы.

Изложенное в настоящей статье подтверждает то, с чего она начиналась: «…для США Украина является лишь одной из фигур (может быть, даже на уровне пешки) на шахматной доске, которую в любой момент можно либо разменять, либо ею пожертвовать» [44, с. 51–59].

С. В. Лавров, выступая на внеочередном заседании Государственной Думы, заявил об уверенности, что и следующий комплект конституционных законов будет одобрен [45].

Автор полагает, что следующий комплект конституционных законов, скорее всего, будет предусматривать возвращение в состав России других исконно русских земель, в том числе Николаевской и Одесской областей.

Вместе с тем перспектива оставшейся территории Украины зависит не только от волеизъявления народа соответствующих ее регионов. Сегодня обвинители

России в якобы аннексии украинских территорий сами не против получить свою долю от Украины.

Признанием истинных задумок и целей событий в Украине стали откровения А. Меркель, бывшего Канцлера ФРГ, одной из стран, выступивших в 2014 г. гарантом территориальной целостности Украины [46].

Румыния претендует на возврат Северной Буковины [47].

Под видом необходимости защиты прав венгров, проживающих в Закарпатье, о готовности к чрезвычайным мерам заявила Венгрия [48].

Сегодня откровенно о претензиях на приграничные украинские территории заявляет Польша [49]. Похоже, Украина не будет сильно сопротивляться такому развитию событий. Более того, Верховная Рада Украины уже приняла к рассмотрению законопроект об особых гарантиях для поляков [50].

Пристатейный библиографический список

1. Декрет Совнаркома от 4 декабря 1917 г. «О признании Советом Народных Комиссаров Народной Украинском Республики и о предъявленном Центральной Раде ультиматуме в виду ее контрреволюционной деятельности» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942.

2. III Универсал Украинской Центральной Рады (7 ноября 1917 года) // Вістник Генерального Секретаріяту Української Народньої Республіки. 1917. 23 листопада. № 2.

3. *Ленин В. И.* Письмо Г. К. Орджоникидзе. 14 (1). III. 1918 г. / *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 50.

4. Выписка из протокола заседания пленума ЦК РКП(б) по поводу образования единого Советского Правительства Украины и создания единого фронта обороны против австро-германских интервентов. 15 марта 1918 г. // История Гражданской войны в СССР. 1918–1922 : сборник документов и материалов : в 3 т. Т. 1 (май 1918 – март 1919). М. : Советская Россия, 1960.

5. Протокол от 25 января 1954 г. № 49 заседания Президиума ЦК КПСС «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Архив Аппарата Правительства РФ Ф.3. Оп.10. Д.65 Л.1,4-б.

6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Ведомости ВС СССР. 1954. № 4 (798). Ст. 64.

7. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (The Grand Chessboard) / пер с англ. : О. Ю. Уральская. М. : Международные отношения, 2009.

8. Хартия «Об особом Партнерстве» между Организацией Североатлантического Договора и Украиной от 9 июля 1997 г. // NATO : сайт. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (дата обращения: 02.11.2022).

9. *Стебаков М. Н.* Ситуация на Юго-Востоке Украины : геополитические цели акторов // Евразийская интеграция : экономика, право, политика. 2018. № 4 (26).

10. *Баранов В. П.* Украина-НАТО : проект анти-Россия // Военная мысль. 2022. № 1.

11. Соглашение между государствами – участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их Сил от 19 июня 1995 г., подписанное от имени Российской Федерации в г. Вильнюсе 21 апреля 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Дополнительный протокол к Соглашению между государствами – участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их Сил от 19 июня 1995 г., подписанный от имени Российской Федерации в г. Софии 28 апреля 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс».

13. Федеральный закон от 7 июня 2007 г. № 99-ФЗ «О ратификации Соглашения между государствами – участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их Сил от 19 июня 1995 года и Дополнительного протокола к нему» // СПС «КонсультантПлюс».

14. NATO – Topic: Отношения с Украиной // Turbopages : сайт. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.946e5fa6-635f6e17-d960b79a-74722d776562/https/www.nato.int/cps/en/natohq/topics_37750.htm (дата обращения: 02.11.2022).

15. Федеральный закон от 3 июля 1999 г. № 123-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота от 28 мая 1997 года» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Федеральный закон от 3 июля 1999 г. № 124-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 года» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Федеральный закон от 3 июля 1999 г. № 125-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 года» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Федеральный закон от 29 апреля 2010 г. № 67-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Пленарное заседание шестой сессии Верховной Рады Украины шестого созыва // Парламентский клуб «Российский парламентарий» : сайт. URL: http://www.parlament-club.ru/articles,special,1,686.htm (дата обращения: 02.11.2022).

20. *Бовал В.* Украинский парламент отказался денонсировать соглашения по Черноморскому флоту // Военное обозрение : сайт. URL: https://topwar.ru/29994-ukrainskiy-parlament-otkazalsya-denonsirovat-soglasheniya-po-chernomorskomu-flotu.html (дата обращения: 02.11.2022).

21. Представителям Евросоюза не удалось убедить Виктора Януковича подписать ассоциацию с ЕС // Первый канал : сайт. URL: https://www.1tv.ru/news/2013-11-29/54859-predstavitelyam_evrosoyuza_ne_udalos_ubedit_viktora_yanukovicha_podpisat_assotsiatsiyu_s_es (дата обращения: 02.11.2022).

22. *Смирнов Д. Н.* Реализация средств делегитимации в ходе оранжевой революции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. : История. Политология. Экономика. 2008. Т. 7. № 45.

23. *Потапов Д. В.* Феномен Майдана и «Оранжевой революции» в Украине // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4 (17).

24. *Полищук В. В.* Оранжевая революция (пер. с польского) // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 4.

25. Соглашение об урегулировании кризиса в Украине // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20140221/996319889.html (дата обращения: 02.11.2022).

26. Постановление ВР Украины от 22 февраля 2014 г. № 757-VII «О самоустранении Президента Украины от выполнения конституционных полномочий и назначении внеочередных выборов Президента Украины» // Ведомости Верховной Рады. 2014. № 11. Ст. 158.

27. *Дробышева Т. В.* Украинский конфликт : истоки и динамика // Политика и общество. 2018. № 3.

28. *Крысенко Д. С.* Роль США в организации движения «Евромайдан» на Украине (ноябрь 2013 – февраль 2014 гг.) // Архонт. 2021. Вып. 1 (22).

29. Указ Президента Украины от 14 апреля 2014 г. № 405/2014 «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 13 апреля 2014 года «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранению территориальной целостности Украины»» // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=66980 (дата обращения: 02.11.2022).

30. *Введенская В. В.* Зарождение государственности Донецкой Народной Республики : хронология украинского законодательства // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 11А.

31. Закон Украины от 2 сентября 2014 г. № 1669-VII «О временных мерах на период проведения антитеррористической операции» // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31614413 (дата обращения: 02.11.2022).

32. *Абаев Л. Ч., Стебаков М. Н.* Развитие ситуации на Юго-Востоке Украины : моделирование и прогноз // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. Вып. 3 (840).

33. Как Украина готовила захват Крыма в 2014-м году с помощью «поездов дружбы» // News Front : сайт. URL: https://news-front.info/2020/06/02/kak-ukraina-gotovila-zahvat-kryma-v-2014-m-godu-s-pomoshhyu-poezdov-druzhby/ (дата обращения: 02.11.2022).

34. Указ Президента РФ от 17 марта 2014 г. № 147 «О признании Республики Крым» // СПС «КонсультантПлюс».

35. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

36. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

37. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Рос-

сийской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СПС «КонсультантПлюс».

38. Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 38-ФЗ «О прекращении действия соглашений, касающихся пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» // СПС «КонсультантПлюс».

39. Официальное сообщение Министерства иностранных дел РФ от 24 апреля 2014 г. «О прекращении действия соглашений, касающихся пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201404240040 (дата обращения: 02.11.2022).

40. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // СПС «КонсультантПлюс».

41. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // СПС «КонсультантПлюс».

42. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» // СПС «КонсультантПлюс».

43. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» // СПС «КонсультантПлюс».

44. *Гурьянов П. А.* Два Майдана на Украине : предпосылки, особенности и геополитические последствия // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. 2014. № 41 (278).

45. Выступление официального представителя Президента Российской Федерации, Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на пленарном заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросу о ратификации договоров между Российской Федерацией и ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областями и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, Москва, 3 октября 2022 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1832337/ (дата обращения: 02.11.2022).

46. Меркель назвала истинную цель Минских соглашений // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20221207/merkel-1836973812.html (дата обращения: 02.11.2022).

47. *Савичева А.* Сейчас самый подходящий момент : Румыния претендует на украинскую Северную Буковину // Блокнот : сайт. URL: https://bloknot.ru/politika/sejchas-samy-j-podhodyashhij-moment-rumy-niya-pretenduet-na-ukrainskuyu-severnuyu-bukovinu-948960.html (дата обращения: 02.11.2022).

48. *Романенко М.* «Украину ждет раздел». Будапешт намерен защитить венгров в Закарпатье // ИА REGNUM : сайт. URL: https://regnum.ru/news/3648000.html (дата обращения: 02.11.2022).

49. *Алкснис И.* Польская мечта о Западной Украине близка к исполнению // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20221201/polsha-1835428731.html (дата обращения: 02.11.2022).

50. Рада приняла законопроект об особых гарантиях для поляков // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20220728/polsha-1805620899.html (дата обращения: 02.11.2022).

References

1. Decree of the Council of People's Commissars of 4 December 1917 "On the Recognition by the Council of People's Commissars of the People's Ukrainian Republic and on the Ultimatum Presented to the Central Rada in View of its Counter-Revolutionary Activities". In Collection of Laws and Orders of the Government for 1917–1918. Moscow: Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars, 1942. (In Russ.)

2. III Universal of the Ukrainian Central Rada (7 November 1917). *Vistnik of the General Secretariat of the Ukrainian People's Republic*, 23 October 1917, no. 2. (In Russ.)

3. *Lenin V. I.* Letter to G. K. Ordzhonikidze. 14 (1). III. 1918. In *Lenin V. I.* Complete Works. 5th ed. Moscow: Politizdat, 1970. Vol. 50. (In Russ.)

4. Extract from the Minutes of the Meeting of the Plenum of the Central Committee of the RCP(B) on the Formation of a United Soviet Government of Ukraine and the Creation of a United Front of Defense Against the Austro-German Interventionists. 15 March 1918. In History of the Civil War in the USSR. 1918–1922: Collection of Documents and Materials. In 3 vols. Vol. 1 (May 1918 – March 1919). Moscow: Soviet Russia, 1960. (In Russ.)

5. Protocol of 25 January 1954 No. 49 on the Meeting of the Presidium of the CPSU Central Committee "On the Transfer of the Crimean Region from the RSFSR to the Ukrainian SSR". *Archive of the Office of the Government of the Russian Federation*, f.z. op.10. d.65 l.1,4-B. (In Russ.)

6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 19 February 1954 "On the Transfer of the Crimean Region from the RSFSR to the Ukrainian SSR". *Vedomosti of USSR*, 1954, no. 4 (798), art. 64. (In Russ.)

7. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard (The Grand Chessboard). Moscow: International Relations, 2009. (In Russ.)

8. Charter "On Special Partnership" Between the North Atlantic Treaty Organization and Ukraine of 9 July 1997. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

9. *Stebakov M. N.* Situation in the South-East of Ukraine: Geopolitical Goals of Actors. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2018, no. 4 (26). (In Russ.)

10. *Baranov V. P.* Ukraine-NATO: Anti-Russia Project. *Military Thought*, 2022, no. 1. (In Russ.)

11. Agreement Between the States – Participants of the North Atlantic Treaty and Other States Participating in the Program "Partnership for Peace" on the Status of Their

Forces of 19 June 1995, Signed on Behalf of the Russian Federation in Vilnius on 21 April 2005 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. Additional Protocol to the Agreement Between the States-Participants of the North Atlantic Treaty and Other States Participating in the Program "Partnership for Peace" on the Status of Their Forces of 19 June 1995, Signed on Behalf of the Russian Federation in Sofia on 28 April 2006 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Federal Law of 7 June 2007 No. 99-FZ "On Ratification of the Agreement Between the States Parties to the North Atlantic Treaty and Other States Participating in the Partnership for Peace Program on the Status of Their Forces of 19 June 1995 and the Additional Protocol Thereto" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. NATO – Topic: Relations with Ukraine. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.946e5fa6-635f6e17-d960b79a-74722d776562/https/www.nato.int/cps/en/natohq/topics_37750.htm (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

15. Federal Law of 3 July 1999 No. 123-FZ "On Ratification of the Agreement Between the Russian Federation and Ukraine on the Parameters of the Division of the Black Sea Fleet from 28 May 1997" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

16. Federal Law of 3 July 1999 No. 124-FZ "On Ratification of the Agreement Between the Russian Federation and Ukraine on the Status and Conditions of Stay of the Black Sea Fleet of the Russian Federation on the Territory of Ukraine from 28 May 1997" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

17. Federal Law of 3 July 1999 No. 125-FZ "On Ratification of the Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Government of Ukraine on Mutual Settlements Related to the Division of the Black Sea Fleet and the Stay of the Black Sea Fleet of the Russian Federation on the Territory of Ukraine from 28 May 1997" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

18. Federal Law of 29 April 2010 No. 67-FZ "On Ratification of the Agreement Between the Russian Federation and Ukraine on the Stay of the Black Sea Fleet of the Russian Federation on the Territory of Ukraine" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

19. Plenary Meeting of the Sixth Session of the Verkhovna Rada of Ukraine of the Sixth Convocation. URL: http://www.parlament-club.ru/articles,special,1,686.htm (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

20. *Boval V.* Ukrainian Parliament Refused to Denounce the Agreements on the Black Sea Fleet. URL: https://topwar.ru/29994-ukrainskiy-parlament-otkazalsya-denonsirovat-soglasheniya-po-chernomorskomu-flotu.html (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

21. EU Representatives Failed to Convince Viktor Yanukovych to Sign the Association with the EU. URL: https://www.1tv.ru/news/2013-11-29/54859-predstavitelyam_evrosoyuza_ne_udalos_ubedit_viktora_yanukovicha_podpisat_assotsiatsiyu_s_es (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

22. *Smirnov D. N.* Realization of the Means of Delegitimization During the Orange Revolution. *Scientific Journal of Belgorod State University. Series: History. Political Science. Economics*, 2008, vol. 7, no. 45. (In Russ.)

23. *Potapov D. V.* Phenomenon of Maidan and "Orange Revolution" in Ukraine. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2010, no. 4 (17). (In Russ.)

24. *Polishchuk V. V.* Orange Revolution (Translated From Polish). *Political Expertise: Politex*, 2008, vol. 4, no. 4. (In Russ.)

25. Agreement on the Settlement of the Crisis in Ukraine. URL: https://ria.ru/20140221/996319889.html (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

26. Resolution of the Verkhovna Rada of Ukraine of 22 February 2014 No. 757-VII "On the Self-Removal of the President of Ukraine from the Exercise of Constitutional Powers and the Appointment of Extraordinary Elections of the President of Ukraine". *Vedomosti of the Verkhovna Rada*, 2014, no. 11, art. 158. (In Russ.)

27. *Drobysheva T. V.* Ukrainian Conflict: Origins and Dynamics. *Politics and Society*, 2018, no. 3. (In Russ.)

28. *Krysenko D. S.* The Role of the United States in the Organization of the Euromaidan Movement in Ukraine (November 2013 – February 2014). *Archont*, 2021, issue 1 (22). (In Russ.)

29. Decree of the President of Ukraine of 14 April 2014 No. 405/2014 "On the Decision of the National Security and Defense Council of Ukraine of 13 April 2014 'On Urgent Measures to Overcome the Terrorist Threat and Preserve the Territorial Integrity of Ukraine'". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=66980 (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

30. *Vvedenskaia V. V.* The Birth of the Statehood of the Donetsk People's Republic: Chronology of Ukrainian Legislation. *Issues of Russian and International Law*, 2016, vol. 6, no. 11A. (In Russ.)

31. Law of Ukraine of 2 September 2014 No. 1669-VII "On Temporary Measures for the Period of the Antiterrorist Operation". URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31614413 (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

32. *Abaev L. Ch., Stebakov M. N.* Development of the Situation in the South-East of Ukraine: Modeling and Forecasting. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2020, issue 3 (840). (In Russ.)

33. How Ukraine Prepared the Seizure of Crimea in 2014 with the Help of "Friendship Trains". URL: https://news-front.info/2020/06/02/kak-ukraina-gotovila-zahvat-kryma-v-2014-m-godu-s-pomoshhyu-poezdov-druzhby/ (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

34. Decree of the President of the Russian Federation of 17 March 2014 No. 147 "On the Recognition of the Republic of Crimea" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

35. Treaty Between the Russian Federation and the Republic of Crimea on the Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the Formation of New Entities Within the Russian Federation of 18 March 2014 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

36. Federal Constitutional Law of 17 December 2001 No. 6-FKZ "On the Procedure for Admission to the Russian Federation and the Formation of a New Subject of the Russian Federation Within It" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

37. Federal Constitutional Law of 21 March 2014 No. 6-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the Formation of New Entities Within the Russian Federation – The Republic of Crimea and the City of Federal Significance Sevastopol" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

38. Federal Law of 3 April 2014 No. 38-FZ "On the Termination of Agreements Concerning the Stay of the Black Sea Fleet of the Russian Federation on the Territory of Ukraine" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

39. Official Message of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation of 24 April 2014 "On the Termination of the Agreements Concerning the Stay of the Black Sea Fleet of the Russian Federation on the Territory of Ukraine". URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201404240040 (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

40. Federal Constitutional Law of 4 October 2022 No. 5-FKZ "On the Admission of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation and the Formation of a New Subject in the Russian Federation – The Donetsk People's Republic" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

41. Federal Constitutional Law of 4 October 2022 No. 6-FKZ "On the Admission of the Lugansk People's Republic into the Russian Federation and the Formation of a New Subject – The Lugansk People's Republic in the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

42. Federal Constitutional Law of 4 October 2022 No. 7-FKZ "On the Admission of Zaporozhye Oblast into the Russian Federation and the Formation of a New Subject – Zaporozhye Oblast – Within the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

43. Federal Constitutional Law of 4 October 2022 No. 8-FKZ "On the Adoption of the Kherson Region into the Russian Federation and the Formation of a New Subject – The Kherson Region – Within the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

44. *Gurianov P. A.* Two Maidans in Ukraine: Prerequisites, Peculiarities and Geopolitical Consequences. *National Interests: Priorities and Security*, 2014, no. 41 (278). (In Russ.)

45. Speech by the Official Representative of the President of the Russian Federation, Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov at the Plenary Session of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on the Ratification of Treaties Between the Russian Federation and the DNR, LNR, Zaporizhzhya and Kherson Regions and the Formation of New Entities Within the Russian Federation, Moscow, 3 October 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1832337/ (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

46. Merkel Named the True Goal of the Minsk Agreements. URL: https://ria.ru/20221207/merkel-1836973812.html (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

47. *Savicheva A.* Now Is the Most Suitable Moment: Romania Claims the Ukrainian Northern Bukovina. URL: https://bloknot.ru/politika/sejchas-samy-j-podhodyashhij-moment-rumy-niya-pretenduet-na-ukrainskuyu-severnuyu-bukovinu-948960.html (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

48. *Romanenko M.* "Ukraine Is Waiting for Partition". Budapest Intends to Protect Hungarians in Transcarpathia. URL: https://regnum.ru/news/3648000.html (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

49. *Alksnis I.* Polish Dream About Western Ukraine Is Close to Fulfillment. URL: https://ria.ru/20221201/polsha-1835428731.html (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

50. Rada Passed the Bill on Special Guarantees for Poles. URL: https://ria.ru/20220728/polsha-1805620899.html (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)

Сведения об авторе:
А. А. Караман – кандидат юридических наук.

Information about the author:
A. A. Karaman – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 05.12.2022; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья
УДК 34.01
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-57-65

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК В 1960-Х ГГ. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Андрей Вячеславович Родин

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

rodinav1102@gmail.com

Аннотация

Обеспечение обороны и безопасности государством своей территории во все времена является особой задачей, для которой характерны различные правовые регламентации, которые не имеются в других задачах. В настоящее время, с учетом внешнеполитической обстановки, вызывает интерес генезис правового регулирования в сфере территориального планирования объектов обороны и безопасности, поскольку проблемы правовой регламентации рассматриваемой сферы в России обладают историческим опытом и требуют глубокого изучения. В ходе исследования автором проведен анализ правовых актов, послуживших основанием территориального планирования специальных моторизированных частей милиции в 1960-х гг., которые по своим функциям относились к объектам обороны и безопасности страны. Цель представленной работы заключается в исследовании правового регулирования территориального планирования специальных моторизированных частей милиции. Новизна работы состоит в анализе слабо изученного имеющегося советского опыта правового регулирования территориального планирования объектов обороны и безопасности. Методологическую основу исследования составили общенаучные (диалектики, анализа, синтеза, сравнения, аналогии) и частнонаучные методы (историзма, сравнительно-правовой). По итогам автором сделаны выводы об отнесении распорядительных актов Совета Министров СССР, направленных на размещение специальных моторизированных частей

милиции, к средствам правового регулирования территориального планирования и о недостаточности использования в рассматриваемый период иных имевшихся средств правового регулирования. Внесены предложения о необходимости комплексного историко-правового анализа всех средств правового регулирования размещения объектов обороны и безопасности советского периода.

Ключевые слова: объекты обороны и безопасности; территориальное планирование; внутренние войска; специальные моторизованные части милиции; войска национальной гвардии.

Для цитирования: *Родин А. В.* Правовое регулирование территориального планирования отдельных объектов обороны и безопасности внутренних войск в 1960-х гг. (историко-правовой аспект) // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 57–65. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-57-65

Research Article

LEGAL REGULATION OF TERRITORIAL PLANNING OF INDIVIDUAL OBJECTS OF DEFENSE AND SECURITY OF INTERNAL TROOPS IN THE 1960S (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Andrey V. Rodin

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 1 Piliutov Pilot St., St. Petersburg, 198206, Russia

rodinav1102@gmail.com

Abstract

Ensuring the defense and security of the state of its territory at all times is a special task, which is characterized by various legal regulations that are not available in other tasks. Currently, taking into account the foreign policy situation, the genesis of legal regulation in the field of territorial planning of defense and security facilities is of interest, since the problems of legal regulation of the sphere in question in Russia have historical experience and require in-depth study. In the course of the study, the author analyzed the legal acts that served as the basis for the territorial planning of special motorized police units in the 1960s, which by their functions related to the objects of defense and security of the country. The purpose of the presented work is to study the legal regulation of territorial planning of special motorized police units. The novelty of the work consists

in the study of the poorly studied existing Soviet experience of legal regulation of territorial planning of defense and security facilities. The methodological basis of cognition was made up of general scientific methods (dialectics, analysis, synthesis, comparison, analogy) and private scientific methods (historicism, comparative law). Based on the results, the author draws conclusions about the attribution of administrative acts of the Council of Ministers of the USSR aimed at placing special motorized police units to the means of legal regulation of territorial planning and the insufficient use of other available means of legal regulation in the period under review. Proposals have been made on the need for a comprehensive historical and legal analysis of all means of legal regulation of the placement of defense and security facilities of the Soviet period.

Keywords: defense and security facilities; territorial planning; internal troops; special motorized militia units; national guard troops.

For citation: *Rodin A. V.* Legal Regulation of Territorial Planning of Individual Objects of Defense and Security of Internal Troops in the 1960s (Historical and Legal Aspect). *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 57–65. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-57-65

Введение

Реформы, проводившиеся в 60-х гг. XX в., отразились на обеспечении внутренней безопасности страны. С ликвидацией в январе 1960 г. общесоюзного Министерства внутренних дел СССР вопросы безопасности были переданы на региональный уровень, войска, обеспечивавшие внутреннюю безопасность, распределены по республикам, на территориях которых они дислоцировались. В рассматриваемое время в Советском государстве появлялись новые источники угрозы внутренней безопасности, именуемые «массовыми антиобщественными беспорядками» [1, с. 65]. Указанное явление вызывало потребность в проведении на государственно-правовом уровне работы, направленной на улучшение службы в системе Министерства внутренних дел СССР [2, с. 271; 3] и осуществление территориального планирования объектов обороны и безопасности внутренних войск.

1. История создания и территориального размещения специальных моторизованных частей милиции

В августе 1962 г. постановлением Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР МВД РСФСР и другие аналогичные республиканские министерства, учреждения в областях и городах переименовывались в министерства (управления) охраны общественного порядка [4], основными функциями которых были охрана общественного порядка, пресечение преступности, перевоспитание осужденных лиц, что по сути соответствовало наименованию нового ведомства [5, с. 3–4].

Большую роль в создании объектов обороны и безопасности, обеспечения общественного правопорядка сыграло принятое в июле 1966 г. Постановление Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Минист-

ров СССР, предусматривающее образование Министерства охраны общественного порядка союзно-республиканского уровня [6, с. 174], коллегия которого много внимания уделяла развитию внутренних войск и обеспечению внутренней безопасности. Министерством предлагалось в составе внутренних войск сформировать специальные подразделения для обеспечения общественного порядка. Согласно приказу министра охраны общественного порядка начиная с сентября 1966 г. в составе внутренних войск началось формирование специальных моторизированных частей милиции [7].

В результате проведенной работы к началу 1967 г. было сформировано 43 дополнительных подразделения внутренних войск, что очевидно требовало проведения территориального планирования объектов обороны и безопасности, которое представляло собой микроуровень планирования, так как осуществлялось размещение отдельных частей милиции без изменения структуры (состава) округов внутренних войск (макроуровня территориального планирования). Подразделения были сформированы в крупных городах, в том числе полки в г. Москве, г. Киеве, г. Ленинграде, отдельные батальоны в г. Уфе, г. Свердловске, г. Алма-Ате, г. Куйбышеве, г. Баку, г. Фрунзе, г. Ереване и других крупных и промышленных центрах. Общая численность указанных подразделений составляла 10 тыс. человек на момент их формирования и в последующем периодически изменялась.

Особенность специальных моторизованных частей милиции была связана с несением патрульно-постовой службы на улицах, стадионах, в парках и других общественных местах [8]. Такая черта предполагала проведение мер территориального планирования объектов обороны и безопасности, в которых они размещались с учетом минимальной удаленности от административных центров, возможности выполнения внезапно возникающих служебно-оперативных задач. Территориальное планирование размещения частей предполагало специфику их подчиненности. В качестве примера: полк, находившийся в г. Москве, был в подчинении Отдельной мотострелковой ордена Ленина Краснознаменной дивизии особого назначения им. Ф. Э. Дзержинского, батальоны РСФСР были в подчинении отделов конвойной охраны Министерства, расположенных в крупных городах (Ростов-на-Дону, Горький, Куйбышев, Иркутск, Ленинград и пр.). Подразделения, дислоцируемые в союзных республиках, подчинялись управлениям внутренних войск, внутренней и конвойной охраны, соответствующих республик. Подобная территориальная специфика была в автономных республиках, где части подчинялись отделам внутренней и конвойной охраны министерств. Так, в г. Риге батальон подчинялся отделу внутренней и конвойной охраны, входившему в состав Министерства охраны и общественного порядка Литовской ССР [9, с. 44]. При этом общее руководство осуществлялось соответствующим министром и начальником внутренних войск и конвойной охраны [10].

Моторизированные части милиции заняли во внутренних войсках место, связанное с оказанием советской милиции помощи в охране общественного порядка, что предполагало необходимость их тесного взаимодействия и учета данного условия при территориальном планировании вновь формируемых частей.

Эффективное территориальное планирование размещения и использования специальных моторизированных частей милиции в административных центрах

городов порождало запросы на создание подобных подразделений в городах, где подобные части отсутствовали. Первые обращения от местных органов власти по вопросу необходимости создания подобных частей поступили из г. Тольятти, г. Симферополя и г. Астрахани; по результату их рассмотрения распорядительными актами Совета Министров СССР созданы специальные моторизированные части милиции: в 1968 г. в Симферополе [11], в 1969 г. в Тольятти [12], в 1970 г. в Астрахани [13]. В последующие годы подобными распорядительными актами, являющимися по своему содержанию средством правового регулирования территориального планирования объектов обороны и безопасности, были созданы части в г. Грозном, г. Тюмени, г. Сыктывкаре, г. Владивостоке, г. Пензе и г. Уфе, в результате чего их общая численность достигла 11 400 человек [14].

2. Правовое регулирование территориального планирования специальных моторизованных частей милиции и отдельные его итоги

Рассматривая территориальное планирование отдельных объектов обороны и безопасности внутренних войск, необходимо отметить, что в государстве уже имелся подобный опыт в отношении объектов, выполнявших задачи по обеспечению общественного порядка [15, с. 801–811; 16, с. 49–56]. Кроме того, в данный период в целях осуществления территориального планирования объектов общевойскового назначения действовало положение по выбору земельных участков, утвержденное Министерством вооруженных сил СССР. Документ являлся одним из средств территориального планирования объектов обороны и обеспечения безопасности СССР и устанавливал, что выбор необходимого участка осуществляется комиссиями, действующими на основании приказов.

Комиссии устанавливали принадлежность земельных участков, отвечающих требованиям планируемого объекта, получали в уполномоченных органах решения о возможности их использования в интересах обороны и безопасности, а также осуществляли иные организационные действия [17, с. 36].

По своему содержанию Основное положение можно определить как предшественника современного акта Правительства РФ, регулирующего работу территориального планирования военных объектов, выполняющих задачи по обороне и безопасности государства [18]. Порядок определения места размещения планируемых объектов обороны и безопасности, содержащийся в Основном положении и действующем акте Правительства РФ, во многом схож, однако требует отдельного правового анализа.

При этом, несмотря на имеющийся предвоенный и последующий опыт территориального планирования объектов обороны и безопасности войск, обеспечивающих внутреннюю безопасность страны, имелись прецеденты недостаточной работы по определению места дислокации планируемых частей. Так, группой исследователей установлено, что некоторые специальные моторизованные части милиции, расположенные в г. Ростове, г. Ленинграде, г. Перми, г. Ташкенте, г. Ростове, г. Астрахани, имели трудности в связи с размещением личного состава, нехваткой необходимой инфраструктуры для выполнения служебно-боевых задач [19, с. 273]. Указанные недостатки свидетельствуют об отсутствии территориаль-

ного планирования в рассмотренных случаях и недостаточном учете имеющегося опыта по планированию размещения воинских частей.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1960-е гг. были очередным этапом территориального планирования объектов обороны и безопасности внутренних войск, имеющим свои средства правового регулирования и выраженным в размещении специальных моторизированных частей милиции.

Работу по размещению частей милиции на территории страны можно определить как микроуровень территориального планирования.

Распорядительные акты в форме распоряжений Совета Министров СССР по размещению частей милиции по своему содержанию являлись средством правового регулирования территориального планирования. При этом не в полной мере учитывались предшествующий опыт в данной сфере и положения, содержащиеся в Основном положении, определяющем подробный порядок выбора земельного участка для военных объектов.

На современном этапе необходим комплексный анализ всех средств правового регулирования размещения объектов обороны и безопасности советского периода, а также учет предшествующего опыта размещения таких объектов.

Пристатейный библиографический список

1. *Володина Е. И.* Административно-правовой статус внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

2. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М. : Изд-во Объед. ред. МВД России, 1996.

3. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 25 октября 1956 г. № 1443-719 «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР» // Государственный архив РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 315. Л. 140-146.

4. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 17 августа 1962 г. № 900-387 «О мерах по улучшению советской милиции».

5. Советская милиция. 1962. № 10.

6. *Некрасов В. Ф.* Внутренние войска Советского государства (1917–1977 гг.). М. : Академия МВД СССР, 1980.

7. Центральный архив МВД России. Ф. 48. Оп. 1. Д. Л. 4.

8. Центральный архив войск национальной гвардии РФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 43. Л. 167.

9. *Хомяков И. Д.* Организационно-правовые основы участия внутренних войск МВД СССР в охране общественного порядка во второй половине XX в. (историко-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2013.

10. Положение о специальных моторизованных частях милиции, утв. Постановлением Совета министров СССР // Центральный архив войск национальной гвардии РФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 43. Л. 169.

11. Решение Совета министров СССР от 23 апреля 1968 г. № 5356с // Центральный архив войск национальной гвардии РФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 612. Л. 261.

12. Распоряжение Совета министров СССР от 12 мая 1969 г. № 941-рс // Центральный архив войск национальной гвардии РФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 612. Л. 262.

13. Распоряжение Совета министров СССР от 7 декабря 1970г. № 2518-рс // Центральный архив войск национальной гвардии РФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 612. Л. 263.

14. Центральный архив войск национальной гвардии РФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 984. Л. 188.

15. *Дерюгин А. А., Родин А. В.* Развитие территориального планирования СССР в интересах обеспечения внутренней безопасности государства // Государство и право : эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2022.

16. *Дерюгин А. А., Родин А. В.* Взаимосвязь территориального планирования СССР в 1920–1940 годы и развития войсковых структур, обеспечивающих внутреннюю безопасность государства // От СССР к Российской Федерации : история, события, факты (к 100-летию образования СССР) : материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2022.

17. Основное положение по выбору участков для объектов общевойскового строительства МВС СССР / Квартирно-эксплуатационное упр. Вооруж. Сил СССР. М. : Воен. изд-во, 1948.

18. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 1220 «О составе, порядке подготовки и согласования проекта схемы территориального планирования Российской Федерации в области обороны страны и безопасности государства, а также порядке внесения изменений в такую схему» // СЗ РФ. 2021. № 8 (ч. 2). Ст. 1375.

19. *Баранов В. П., Беркутов А. С., Климов А. А., Марценюк Ю. А., Ченцов А. С.* История внутренних войск МВД России. Т. 4 (1945–1991 гг.) : военно-исторический труд. М. : Ред. журн. «На боевом посту» ВВ МВД России, 2011.

References

1. *Volodina E. I.* Administrative-Legal Status of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)

2. Bodies and Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Brief Historical Sketch. Moscow: Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. (In Russ.)

3. Resolution of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers of 25 October 1956 No. 1443-719 "On Measures to Improve the Work of the USSR Ministry of Internal Affairs". *State Archive of the Russian Federation*, F. R-9401, Op. 12, D. 315, L. 140-146. (In Russ.)

4. Resolution of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers of 17 August 1962 No. 900-387 "On Measures to Improve the Soviet Police".

5. *Soviet Militia*, 1962, no. 10. (In Russ.)

6. *Nekrasov V. F.* Internal Troops of the Soviet State (1917–1977). Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. (In Russ.)

7. *Central Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, F. 48, Op. 1, D. L. 4. (In Russ.)

8. *Central Archive of the National Guard Troops of the Russian Federation*, F. 94, Op. 1, D. 43, L. 167. (In Russ.)

9. *Khomiakov I. D.* Organizational and Legal Foundations of the Participation of Internal Troops of the USSR Ministry of Internal Affairs in the Protection of Public Order in the Second Half of the Twentieth Century (Historical and Legal Aspect): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)

10. Regulations on Special Motorized Units of the Militia, Approved by the Decree of the Council of Ministers of the USSR. *Central Archive of the National Guard Troops of the Russian Federation*, F. 94, Op. 1, D. 43, L. 169. (In Russ.)

11. Decision of the Council of Ministers of the USSR of 23 April 1968 No. 5356s. *Central Archive of the National Guard Troops of the Russian Federation*, F. 94, Op. 1, D. 612, L. 261. (In Russ.)

12. Order of the Council of Ministers of the USSR of 12 May 1969 No. 941-Rs. *Central Archive of the National Guard Troops of the Russian Federation*, F. 94, Op. 1, D. 612, L. 262. (In Russ.)

13. Order of the Council of Ministers of the USSR of 7 December 1970 No. 2518-Rs. *Central Archive of the National Guard Troops of the Russian Federation*, F. 94, Op. 1, D. 612, L. 263. (In Russ.)

14. *Central Archive of the National Guard Troops of the Russian Federation*, F. 94, Op. 1, D. 984, L. 188. (In Russ.)

15. *Deriugin A. A., Rodin A. V.* Development of Territorial Planning of the USSR in the Interests of Internal Security of the State. In State and Law: Evolution, Current State, Prospects of Development (to the 100th Anniversary of the Formation of the USSR): Proceedings of the XIX International Scientific-Practical Conference. In 2 parts. Part 2. St. Petersburg, 2022. (In Russ.)

16. *Deriugin A. A., Rodin A. V.* Interrelation of Territorial Planning of the USSR in 1920–1940 and the Development of Military Structures Providing Internal Security of the State. From the USSR to the Russian Federation: History, Events, Facts (to the 100th Anniversary of the Formation of the USSR): Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference. St. Petersburg, 2022. (In Russ.)

17. Basic Provision on the Selection of Sites for the Objects of General Military Construction of the USSR Ministry of Internal Affairs. Moscow: Military Publishing House, 1948.

18. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26 November 2012 No. 1220 "On the Composition, the Procedure for Preparation and Approval of the Draft Scheme of Territorial Planning of the Russian Federation in the Field of National Defense and Security of the State, as Well as the Procedure for Making Changes to Such a Scheme". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 8 (part 2), art. 1375. (In Russ.)

19. *Baranov V. P., Berkutov A. S., Klimov A. A., Martseniuk Iu. A., Chentsov A. S.* History of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Vol. 4 (1945–1991): A Military-Historical Work. Moscow: Editor Office of the Journal "On Combat Duty" of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2011. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. В. Родин – заместитель начальника отдела Росгвардии, адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Information about the author:

A. V. Rodin – Deputy Head, Department of Rosgvardiya, Adjunct, Faculty of Training of Highly Qualified Personnel and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023; одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 03.05.2023; approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-66-75

ПОНЯТИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА КАК ПРЕДМЕТА СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Марина Михайловна Васягина[1]

Александр Викторович Шигуров[2]

[1,2] Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

[1] wasjagina_mm@mail.ru

[2] arshigurov@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы обусловлена противоречиями в позициях высших судебных органов России в части регламентации понятия официального документа как предмета служебного подлога. Цель исследования – разработать предложения по решению указанной проблемы. Методологию исследования составили общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания. В статье проанализированы позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, российских ученых по вопросу о понятии и признаках категории «официальный документ» при квалификации служебного подлога, выявлены пробелы и коллизии в толковании данного понятия, обоснованы предложения по изменению ст. 292 Уголовного кодекса РФ. Вывод: коллизия между дефиницией понятия «официальный документ» (ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ) и складывающейся практикой судов общей юрисдикции должна быть устранена законодателем. Авторы предлагают закрепить в ст. 292 УК РФ определение официального документа. Новизна проведенного исследования обусловлена комплексным анализом при рассмотрении проблемы толкования «официального документа», использованием новейшей судебной практики, позиций высших судебных инстанций, авторским

подходом при оценке позиций ученых, разработкой новых предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное право; служебный подлог; официальный документ; коллизия; Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ.

Для цитирования: *Васягина М. М., Шигуров А. В.* Понятие официального документа как предмета служебного подлога: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 66–75. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-66-75

Research Article

THE CONCEPT OF AN OFFICIAL DOCUMENT AS A SUBJECT OF OFFICIAL FORGERY: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Marina M. Vasyagina[1]

Alexander V. Shigurov[2]

[1,2] Middlene-Volzhskii Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

[1] wasjagina_mm@mail.ru

[2] arshigurov@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic is due to the contradictions in the positions of the highest judicial bodies of Russia in terms of regulating the concept of an official document as a subject of official forgery. The purpose of the study: to develop proposals for solving this problem. The research methodology was composed of general scientific (analysis, synthesis, comparison) and private scientific (formal legal, comparative legal) methods of cognition. The article analyzes the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, Russian scientists on the concept and features of the category "official document" in the qualification of forgery, identified gaps and conflicts in the interpretation of this concept, substantiated proposals to change Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation. Conclusion: the conflict between the definition of "official document" (Article 5 of the Federal Law of 29 December 1994 No. 77-FZ), and the emerging practice of courts of general jurisdiction should be eliminated by the legislator. The authors propose to fix in Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation def-

inition of an official document. The novelty of the study is due to a comprehensive analysis when considering the problem of interpreting the "official document", the use of the latest judicial practice, the positions of the highest judicial instances, the author's approach in assessing the positions of scientists, and the development of new proposals for improving criminal legislation.

Keywords: criminal law; official forgery; official document; conflict; Constitutional Court of the Russian Federation; Supreme Court of the Russian Federation.

For citation: *Vasyagina M. M., Shigurov A. V.* The Concept of an Official Document as a Subject of Official Forgery: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement Practice. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 66–75. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-66-75

Введение

Одним из обязательных признаков состава преступления «служебный подлог», уголовная ответственность за которое закреплена в ст. 292 Уголовного кодекса РФ [1] (далее – УК РФ), является его предмет – официальный документ. Необходимость научного анализа данного понятия обусловлена тем, что уголовный закон не раскрывает понятия или признаков, характеризующих официальный документ применительно к ст. 292 УК РФ.

1. Понятие и признаки официального документа

В судебной практике толкования термина «официальный документ» также нет единообразия. В частности, позиция высшего органа конституционного контроля по данному вопросу была сформулирована в определении Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1236-О-О [2]. Поводом для вынесения данного решения стало обращение Ю. С. Мигутиной, которая обратила внимание на отсутствие в УК РФ разъяснений употребленного в законе понятия «официальный документ», что, по мнению заявительницы, позволяет произвольно толковать данный термин суду. Конституционный Суд РФ отказался принимать жалобу к рассмотрению, указав, что никакой неопределенности нет: понятие «официальный документ» закреплено в ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» [3] и привел следующие его признаки:

– официальный документ принимается указанными в законе субъектами: органами законодательной, исполнительной и судебной власти;

– официальный документ должен иметь обязательный, рекомендательный или информационный характер.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 278-ФЗ [4] данное понятие было существенно изменено: во-первых, к числу органов, документы которых признавались официальными, были отнесены все органы государственной власти РФ и субъектов РФ; во-вторых, официальными документами были признаны лишь те, которые были опубликованы вышеуказанными публичными субъектами либо от их имени.

Однако, как мы видим, данное понятие не включает в себя документы, принимаемые органами местного самоуправления, государственными, муниципальными учреждениями. Кроме того, требование признавать официальным документом только те, которые были опубликованы, существенно сузило бы сферу применения уголовного закона, оставив без уголовно-правовой охраны многие документы, имеющее официальный характер.

В связи с этим неудивительно, что позиция Верховного Суда РФ в вопросе толкования понятия официального документа и, как следствие, всех судов общей юрисдикции принципиально отличается от позиции Конституционного Суда РФ. В п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 [5] закреплены следующие признаки официального документа, отсутствующие в установленной законом дефиниции:

во-первых, официальный документ удостоверяет факты, которые влекут какие-либо юридические последствия, например, предоставляют или лишают прав, возлагают на лицо обязанность или освобождают от нее, изменяют объем прав и обязанностей;

во-вторых, официальный документ составляется, изменяется должностными лицами либо государственными или муниципальными служащими.

Кроме того, в противоречие с установленным законом понятием и признаками официального документа Пленум Верховного Суда РФ привел ряд примеров, в который вошли, например, документы, выдаваемые образовательной организацией (вуз, колледж) и заполняемые преподавателем (зачетная книжка и экзаменационный лист), выдаваемая также не государственным органом, а уполномоченной Роспотребнадзором организацией медицинская книжка.

В связи с наличием вышеуказанных пробелов и коллизий в определении понятия официального документа связанные с этим проблемы активно исследуется в научной литературе. Так, например, В. К. Дуюнов предлагает собственное определение официального документа, в котором в дополнение к вышеуказанным признакам называет еще и следующие признаки:

– письменная форма документа;

– наличие у документа обязательных реквизитов [6, с. 717].

Мы согласны с данной позицией в части необходимости наличия у документов обязательных реквизитов, это, собственно, делает информацию документом.

По поводу письменной формы мы также согласны с данной позицией и считаем возможным ее уточнить. В настоящее время в связи с развитием информационных технологий недопустимо ограничивать понятие официального документа лишь документами, изготовленными в письменной форме на бумажном носителе.

2. Официальный документ как предмет служебного подлога

Если документ в соответствии с требованиями законодательства может быть составлен в письменной и электронной форме и при этом такой электронный документ отвечает всем остальным требованиям, предъявляемым к официальным документам, в том числе он способен удостоверять факты, которые влекут какие-либо юридические последствия, то он должен признаваться предметом служебного подлога наряду с бумажными документами.

Позицию о возможности рассмотрения в качестве предмета служебного подлога электронных официальных документов закреплена в учебнике В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой [7, с. 730]. Данные авторы также считают, что предметом служебного подлога могут быть и документы, которые созданы не должностными лицами и служащими, а иными физическими или юридическими лицами, но находятся в распоряжении органов и должностных лиц, если в данные документы были внесены изменения должностными лицами и служащими (завещания, договоры, доверенности и т.п.). Считаем, что данная позиция полностью соответствует требованиям к официальному документу, которые закреплены в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 [5].

Анализ судебной практики Республики Мордовия и Верховного Суда РФ показывает, что в качестве официальных документов при привлечении к уголовной ответственности признаются различные документы, в том числе:

а) протоколы радиационного контроля (Ш.С.И., занимая должность заведующей лабораторией ионизирующего и неионизирующего излучения и физических факторов – врача по радиационной гигиене Рузаевского филиала ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии по железнодорожному транспорту» и выполняя функции должностного лица контролирующего органа, без проведения радиационного контроля вносила заведомо ложные сведения и давала заключение от отсутствии дозы гамма-излучения на поверхности металлолома и транспортного средства [8]);

б) ветеринарные свидетельства (М.Т.А., занимая должность главного ветеринарного врача эпизоотического отряда ГБУ «Инсарская РСББЖ», которая отнесена к должностям государственной гражданской службы Республики Мордовия, без фактического выполнения обязанностей, связанных с осмотром крупного рогатого скота, составила и выдала ветеринарное свидетельство, содержащие заведомо ложные сведения о проведении осмотра крупного рогатого скота и подтверждающее, что животное было здорово, его мясо и продукты животного происхождения могут перевозиться и реализовываться на территории Российской Федерации [9]; аналогичное преступление было совершено М.Л.П. [10]);

в) справки о доходах физического лица (М.В.В., являясь главой администрации Ковылкинского района Республики Мордовия, внесла в свою справку о доходах заведомо ложные сведения и была привлечена к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 292 УК РФ [11]);

г) выписки из похозяйственной книги (А.Г.А., занимая должность главы Мордовско-Давыдовского сельского поселения Кочкуровского муниципального района Республики Мордовия, изготовила вышеуказанный документ, включив в него заведомо ложные сведения об отсутствии поголовья свиней в личном подсобном хозяйстве А.Г.В., указала в качестве изготовителя документа заместителя главы сельского поселения Ф.М.В., не посвященную в ее преступные намерения, поставила от ее имени подпись и заверила ее гербовой печатью сельского поселения [12]; выписка из похозяйственной книги была признана официальным документом, поскольку в соответствии с законодательством Республики Мордовия данный документ являлся необходимым для начисления и последующей выплаты субсидии А.Г.В.);

д) протоколы судебного заседания (А., занимая должность мирового судьи, дал указание секретарю судебного заседания изготовить протокол судебного заседания и внести в него заведомо ложные сведения о состоявшемся 18 августа 2014 г. судебном заседании; составленный протокол подписал и приобщил к материалам дела [13]);

е) листки временной нетрудоспособности (П.В.П., будучи наделен полномочиями по выдаче заболевшим гражданам листков о временной нетрудоспособности, дважды выписал данные официальные документы в отношении М., содержащие заведомо ложные сведения о наличии у нее заболевания [14]);

ж) зачетные книжки и экзаменационные листы (В.Л.С., работающая в государственном университете преподавателем за взятку внесла в зачетную книжку и экзаменационный лист обучающегося заведомо ложные сведения о результатах экзамена без фактической сдачи экзамена [15]) и др.

Безусловно, вышеуказанный перечень можно продолжать с учетом разнообразной практики Республики Мордовия и вышестоящих судов. Однако мы приведем лишь еще один пример, который показывает наличие ошибок в толковании термина «официальный документ».

Суд первой инстанции признал Г.А.А. виновным в служебном подлоге, совершенном при следующих обстоятельствах. Г.А.А., занимая должность следователя территориального органа СК РФ по субъекту в ходе расследования без фактического проведения соответствующих процессуальных действий и приглашения участников самостоятельно составил ряд процессуальных документов (протоколы о наложении ареста на имущество, протоколы ознакомления обвиняемого и его защитника с заключениями экспертиз, постановления о привлечении в качестве гражданского ответчика и соответствующие им протоколы о разъяснении обвиняемому его прав, постановление о привлечении в качестве обвиняемого и протокол допроса обвиняемого, протокол уведомления об окончании следственных действий, протокол ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела), поставил в них за участников подписи и приобщил к материалам уголовного дела.

Позиция суда первой инстанции о том, что вышеуказанные документы относятся к числу официальных документов следователя, полностью соответствует позиции Верховного Суда РФ, однако судом апелляционной инстанции обвинительный приговор был отменен и вынесен апелляционный приговор, в котором суд признал вышеуказанные документы не официальными и оправдал подсудимого. По мнению суда апелляционной инстанции не все документы, составленные следователем, могут быть признаны официальными. В рамках проведенного Г.А.А. расследования официальными документами следует признавать лишь те из них, которые инициировали уголовное преследование Ф. и способствовали правильному установлению фактических обстоятельств происшествия. Заявленные стороной обвинения как предмет служебного подлога процессуальные документы следователя лишь отражают «общение» следователя с участниками уголовного судопроизводства, позволяют контролировать соблюдение их прав, свобод и законных интересов, вследствие чего сами по себе не порождают факты, влекущие юридические пос-

ледствия. Потому внесение в них Г.А.А. недостоверных сведений не может расцениваться как существенное нарушение прав и законных интересов Ф., потерпевших, либо охраняемых законом интересов общества или государства [16].

Лишь после отмены кассационной инстанцией вышеуказанного решения при повторном апелляционном рассмотрении вышеуказанного дела Г.А.А. был обоснованно признан виновным в служебном подлоге [17].

В научной литературе предлагаются разные варианты решения возникающих на практике проблем при оценке того, является ли конкретный документ официальным. Так, например, С. Н. Помнина верно отмечает, что в действующем уголовном законодательстве отсутствует нормативно-закрепленная дефиниция официального документа, а ее отсутствие порождает трудности в квалификации деяния как преступления [18, с. 65].

С другой стороны, многие исследователи отмечают, что данная проблема решена Пленумом Верховного Суда РФ. Например, В. Ф. Щепельков ссылается на то, что в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ даны следующие характерные признаки документа, являющегося предметом служебного подлога:

– документ имеет официальный характер;

– документ имеют удостоверяющее значение;

– факты, которые документ удостоверяет, влекут юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей [19, с. 10].

Безусловно, Пленум Верховного Суда РФ определил ряд признаков официального документа и упорядочил судебную практику, однако проблему отсутствия в уголовном законодательстве четко определенного термина «официальный документ» Пленум Верховного Суда РФ решить не способен. Ее должен решить законодатель. Применяемые судами со ссылкой на Пленум Верховного Суда РФ признаки официального документа не соответствуют понятию «официальный документ», закрепленному в ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» [3].

Заключение

В связи с вышесказанным необходимо закрепить в ст. 292 УК РФ определение официального документа, содержащее в себе указание на следующие его признаки:

1) документ составляется и (или) изменяется должностными лицами либо государственными или муниципальными служащими;

2) документ должен удостоверять факты, которые влекут какие-либо юридические последствия, например, предоставлять или лишать прав, возлагать на лицо обязанности или освобождать от них, изменять объем прав и обязанностей;

3) документ должен иметь письменную форму документа (в том числе он может иметь электронную, цифровую форму);

4) документ должен иметь определенные в законодательстве обязательные реквизиты, позволяющие использовать его для удостоверения фактов, имеющих юридические последствия.

Закрепление в уголовном законе данных признаков позволит обеспечить законность привлечения к уголовной ответственности за служебный подлог и устранит существующую сегодня коллизию между позициями Конституционного и Верховного судов по вопросу о толковании термина «официальный документ» применительно к уголовной ответственности за служебный подлог.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1236-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Ю. С. на нарушение ее конституционных прав положениями ст. 292 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 1.

4. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов»» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4211.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля.

6. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. В. К. Дуюнова. 6-е изд. М. : РИОР ; ИНФРА-М, 2020.

7. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М. : Контракт, 2015.

8. Постановление Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 17 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-167/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/hE4DZsNsUfL8/ (дата обращения: 21.02.2023).

9. Постановление Инсарского районного суда Республики Мордовия от 21 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-13/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/euHkrsfGqwxR/ (дата обращения: 21.02.2023).

10. Постановление Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 15 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-135/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/NNZ4OkBSaYl0/ (дата обращения: 21.02.2023).

11. Постановление президиума Верховного суда Республики Мордовия от 14 марта 2019 г. по уголовному делу № 1-58/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/AxwaTf2Tsh6x/ (дата обращения: 21.02.2023).

12. Приговор Кочкуровского районного суда Республики Мордовия от 26 ноября 2018 г. по уголовному делу № 1-25/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/B4BfKq8Vfhbg/ (дата обращения: 21.02.2023).

13. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 16-АПУ18-4 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 января 2014 г. № 36-АПУ13-13 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2012 г. № 47-О12-50 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Апелляционный приговор Белгородского областного суда от 11 ноября 2020 г. по делу № 22-1319/2020 // Белгородский областной суд : сайт. URL: https://oblsud--blg.sudrf.ru/modules.php?name= sdp2#id=3_8cbef6c7617e168ad423540fef1688cc& (дата обращения: 21.02.2023).

17. Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 11 ноября 2020 г. по делу № 22-448/2021 // Белгородский областной суд : сайт. URL: https://oblsud--blg.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2#id=3_22d0fef936ec075576cccfd9a423b422& (дата обращения: 21.02.2023).

18. *Помнина С. Н.* Некоторые вопросы определения предмета служебного подлога // Вестник Мордовского университета. 2014. № 4.

19. *Щепельков В. Ф.* Позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации служебного подлога // Криминалистъ. 2015. № 2 (17).

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25. Art. 2954. (In Russ.)

2. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13 October 2009 No. 1236-O-O-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Migutina Iu. S. Migutina on Violation of Her Constitutional Rights by the Provisions of Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

3. Federal Law of 29 December 1994 No. 77-FZ "On the Mandatory Copy of Documents". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1995, no. 1, art. 1. (In Russ.)

4. Federal Law of 3 July 2016 No. 278-FZ "On Amendments to the Federal Law 'On the Mandatory Copy of Documents'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 27 (part 1), art. 4211. (In Russ.)

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 July 2013 No. 24 "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes". *Rossiiskaia Gazeta*, 17 July 2013. (In Russ.)

6. *Duiunov K. K. (ed.).* Criminal Law of Russia. General and Particular Parts: Textbook. 6th ed. Moscow: Rior; Infra-M, 2020. (In Russ.)

7. *Koniakhin V. P., Prokhorova M. L. (eds.).* Russian Criminal Law. Special Part: Textbook for Universities. Moscow: Kontrakt, 2015. (In Russ.)

8. Resolution of the Ruzaevskii District Court of the Republic of Mordovia of 17 July 2020 on Criminal Case No. 1-167/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/he4dzsnsufl8/ (date of the application: 21.02.2023). (In Russ.)

9. Resolution of the Insara District Court of the Republic of Mordovia of 21 May 2020 on Criminal Case No. 1-13/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/euhkrsfgqwxr/ (date of the application: 21.02.2023). (In Russ.)

10. Resolution of the Ruzaevskii District Court of the Republic of Mordovia of 15 May 2020 on Criminal Case No. 1-135/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nnz4okbsayl0/ (date of the application: 21.02.2023). (In Russ.)

11. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Mordovia of 14 March 2019 on Criminal Case No. 1-58/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/axwatf2tsh6x/ (date of the application: 21.02.2023). (In Russ.)

12. Verdict of the Kochkurovskii District Court of the Republic of Mordovia of 26 November 2018 on Criminal Case No. 1-25/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/b4bfkq8vfhbg/ (date of the application: 21.02.2023). (In Russ.)

13. Appellate Determination of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 20 June 2018 No. 16-APU18-4 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. Appellate Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 13 January 2014 No. 36-APU13-13 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

15. Cassation Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 13 November 2012 No. 47-O12-50 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

16. Appellate Verdict of the Belgorod Regional Court of 11 November 2020 in Case No. 22-1319/2020. URL: https://oblsud--blg.sudrf.ru/modules.php?name= sdp2#id=3_8cbef6c7617e168ad423540fef1688cc& (date of the application: 21.02.2023). (In Russ.)

17. Appellate Ruling of the Belgorod Regional Court of 11 November 2020 in Case No. 22-448/2021. URL: https://oblsud--blg.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2#id=3_22d0fef936ec075576cccfd9a423b422& (date of the application: 21.02.2023). (In Russ.)

18. *Pomnina S. N.* Some Issues of Determining the Subject of Official Forgery. *Bulletin of Mordovian University*, 2014, no. 4. (In Russ.)

19. *Schepelkov V. F.* Positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Regarding the Qualification of Official Forgery. *Criminalist*, 2015, no. 2 (17). (In Russ.)

Сведения об авторах:

М. М. Васягина – кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Шигуров – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

M. M. Vasyagina – PhD in Law, Associate Professor.

A. V. Shigurov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 10.05.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья
УДК 342,98
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-76-90

К ВОПРОСУ О ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ – СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Татьяна Викторовна Воротилина[1,2]

Елена Анатольевна Иванченко[3]

Ирина Сергеевна Шульженко[4]

[1] Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36

[2] Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2

[3] Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

[4] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[1,2] vorotilina@mail.ru

[3] kvi-elena@yandex.ru

[4] irina_shulzhenko@bk.ru

Аннотация

Вопросы ответственности государственных служащих по возмещению вреда, причиненного ненадлежащим исполнением публичных обязанностей, актуальны, так как не имеют должного регулирования. В статье авторы предприняли попытку осмысления отдельных теоретико-прикладных проблем деликтной ответственности государства за вред, причиненный при исполнении должностных обязанностей лица, наделенного властными полномочиями. Предметом исследования выступают судебная практика, материальное и процессуальное законодательство, а также отечественные и зарубежные доктринальные труды. Цель – в разрешении вопроса, должен ли вред возмещаться за счет бюджетных средств или иск может быть обращен непосредственно к государственному служащему, совершив-

шему противоправное деяние, влекущее за собой восстановительную, компенсаторную гражданско-правовую ответственность. Методологическая основа исследования базируется на совокупности всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов. В качестве основных приемов исследования применялись диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, технико-юридический и другие методы с приемами анализа, синтеза и описания. Научная новизна – в попытке осмысления и комплексного анализа проблем юридической ответственности государства за вред, причиненный различным субъектам неправомерными действиями представителей публичных органов. Авторы приходят к выводу, что деликтная ответственность государства и должностного лица – непосредственного причинителя вреда может быть солидарной. При этом в целом право на возмещение государством вреда, причиненного гражданину действиями (бездействием) должностного лица, является комплексным правовым институтом, что влечет за собой ряд прикладных особенностей применения мер юридической ответственности. Осознавая, что выводы исследования небесспорны, авторы полагают, однако, что они могут быть использованы как в дальнейших теоретических разработках отмеченной проблематики, так и в правозащитной деятельности государства.

Ключевые слова: деликтная ответственность; государство; государственные служащие; должностные лица; правоохранительная деятельность.

Для цитирования: *Воротилина Т. В., Иванченко Е. А., Шульженко И. С.* К вопросу о деликтной ответственности государства и ответственности государственных служащих – сотрудников правоохранительных органов // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 76–90. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-76-90

Research Article

ON THE TORT RESPONSIBILITY OF THE STATE AND THE RESPONSIBILITY OF CIVIL SERVANTS – LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Tatiana V. Vorotilina[1,2]

Elena A. Ivanchenko[3]

Irina S. Shulzhenko[4]

[1] Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia

[2] Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradskii Ave., Moscow, 125167, Russia

[3] Legal Institute of North Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol, 355017, Russia

[4] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[1,2] vorotilina@mail.ru

[3] kvi-elena@yandex.ru

[4] irina_shulzhenko@bk.ru

Abstract

The issues of responsibility of civil servants for compensation for damage caused by improper performance of public duties are relevant, since it does not have proper regulation. In the article, the authors have attempted to comprehend some theoretical and applied problems of tort liability of the state for harm caused in the performance of official duties of a person with authority. The subject of the study is judicial practice, substantive and procedural legislation, as well as domestic and foreign doctrinal works. The goal is to resolve the issue of whether the damage should be compensated at the expense of budgetary funds or the claim can be addressed directly to a civil servant who has committed an illegal act entailing restorative, compensatory civil liability. The methodological basis of the research is based on a set of general, general scientific and private scientific methods. Dialectical, formal-logical, comparative-legal, technical-legal and other methods with methods of analysis, synthesis and description were used as the main methods of research. Scientific novelty is in an attempt to comprehend and comprehensively analyze the problems of legal responsibility of the state for harm caused to various subjects by illegal actions of representatives of public authorities. The authors come to the conclusion that the tort liability of the state and the official – the direct causer of harm – can be joint and several. At the same time, in general, the right to compensation by the state for harm caused to a citizen by the actions (inaction) of an official is a complex legal institution, which entails a number of applied features of the application of legal liability measures. Realizing that the conclusions of the study are indisputable, the authors believe, however, that they can be used both in further theoretical developments of the mentioned issues and in the human rights activities of the state.

Keywords: tort liability; state; civil servants; officials; law enforcement.

For citation: *Vorotilina T. V., Ivanchenko E. A., Shulzhenko I. S.* On the Tort Responsibility of the State and the Responsibility of Civil Servants – Law Enforcement Officers. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 76–90. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-76-90

Введение

Вопрос о соотношении персональной ответственности должностного лица правоохранительного органа и ответственности государства возместить вред, причиненный в связи с ненадлежащим исполнением публичных обязанностей, не потерял своей актуальности и по настоящий момент. Сложность заключается в отсутствии единства в теоретическом и правоприменительном подходах, что отмечают большинство авторов. Так, отсутствие единства в правоприменительной практике констатировал в 2006 г. в своем диссертационном исследовании, посвященном рассматриваемой тематике, И. А. Минаков [1]; в свою очередь, уже в 2022 г. А. А. Маркелова [2] отмечает в своей диссертации аналогичное состояние проблемы, что позволяет авторам утверждать, что концептуально вопрос о соотношении персональной ответственности должностного лица и ответственности государства не получил надлежащего разрешения по сегодняшний день.

Субъекты правоохранительной деятельности продолжают выявлять и пресекать должностные преступления, так, по данным статистики МВД России, преступлений коррупционной направленности в среднем совершается 25 тыс. за полугодие, и значение этого показателя в среднем остается практически стабильным на протяжении уже относительного длительного времени [3].

В современной практике встречаются также случаи причинения вреда должностными лицами, выразившиеся в побоях, причинения вреда здоровью, жизни, чести и достоинства граждан, не сопряженные с личной корыстной, коррупционной заинтересованности виновных лиц. Такие факты также должны оцениваться с точки зрения возможности предъявления иска к виновному, а не компенсации причиненного потерпевшему вреда исключительно за счет средств государственной казны.

Таким образом, целью данной публикации авторы ставят попытку разрешения вопроса о том, должен ли причиненный в указанных ситуациях вред возмещаться за счет бюджетных средств (с правом последующего регрессного иска к лицу, совершившему должностное преступление) или иск о возмещении вреда может быть сразу обращен к служащему органа публичной власти, совершившему коррупционное преступление или причинившему вред жизни и здоровью потерпевшего.

1. Право на возмещение вреда как многокомпонентное правовое явление

В юридических источниках встречаются разные концепции соотношения ответственности государства и его служащего, высказанные мнения должны быть подвергнуты предметному анализу с точки зрения формальной логики с целью выбора наиболее адекватной и сбалансированной модели возмещения причиненного вреда. Адекватность такой модели должна оцениваться с точки зрения общеправовой теории о социальной справедливости, ее сбалансированность – с точки зрения экономической эффективности.

Отдельного внимания требует оценка конституционности предлагаемой модели, так как буквальная формулировка ст. 53 Конституции РФ обязывает государство обеспечить безусловную компенсацию вреда, причиненного гражданину государственным органом власти путем действия (бездействия) его должностных лиц,

т.е., как справедливо отмечает Р. В. Граф, на самом высоком уровне нормативно закреплена ответственность государства за причиненный противоправный вред [4, с. 45]. Таким образом, данное субъективное конституционное право порождает безусловный публично-правовой характер обязанности государства загладить причиненный действиями (бездействием) должностных лиц вред.

Реализация ответственности государства за действия должностных лиц на сегодняшний день осуществляется в общем порядке, однако, несмотря на определенные преимущества в виде большей индивидуализации возмещения вреда, как абсолютно основательно отмечает в своем диссертационном исследовании Р. В. Граф, такой подход содержит в себе существенный недостаток – конституционную неопределенность, так как не в полной мере соответствует публичной природе рассматриваемого субъективного конституционного права [5, с. 4].

Никакой специальный правовой статус не ограничивает рассматриваемое субъективное конституционное право требовать компенсации от государства за вред, причиненный его служащим, принадлежит всем физическим лицам без исключения и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах и условиях, включая и время действия специальных правовых режимов.

Таким образом, право на возмещение вреда – это сложное и многокомпонентное правовое явление, поэтому реализация данного права уверенно может рассматриваться как межотраслевой институт, применяемый во многих отраслях национального права: уголовно-процессуальном, гражданском, административном и некоторых других. Данный межотраслевой институт базируется на субъективном конституционном праве физического или юридического лица, группы граждан, даже относительно большой – народности или иной социальной общности (и такие случаи в правоприменительной практике также имели место быть, например, при признании незаконности депортации), потребовать от государства возместить причиненный неправомерными действиями его государственных органов вред.

2. Особенность ответственности: несовпадение субъекта – причинителя вреда и субъекта, возмещающего вред

Рассматриваемое право характеризуется одной существенной особенностью – несовпадением субъекта – причинителя вреда и субъекта, возмещающего вред. Рассуждая о данной особенности, А. А. Маркелова обращается к идее «корректирующей справедливости», согласно которой деликтоспособность должностного лица зависит от того, является ли оно субъектом соответствующих отношений [2, с. 87], и авторы статьи не могут отказать исследователю в обоснованности высказанного мнения.

Облаченное публичной властью, наделенное соответствующими полномочиями и исполняя обязанности от имени государства, должностное лицо становиться невидимым для частных правоотношений, следовательно, возмещение вреда за его счет в принципе неправомерно. В случае неумышленного выхода за пределы полномочий, должностное лицо не вступает в частные правоотношения, оно продолжает реализовывать обязанности государства. Иная картина образуется в случае умышленного превышения или злоупотребления полномочиями, когда долж-

ностное лицо сознательно нарушает нормативно закрепленные границы должного поведения, руководствуется личным мотивом и нарушает права и законные интересы физического или юридического лица путем совершения противоправного действия или в силу аналогично противоправного бездействия. В последнем случае должностное лицо способно в полной мере стать субъектом гражданско-правовой ответственности.

Отдельные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность государственных органов власти, содержат прямое указание на возможность такой ответственности и прямо корреспондируют к ст. 16, 16.1, 1069, 1070, 1071 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Так, в качестве примера этому Е. Г. Чернова приводит ст. 53 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в которой закреплено право любого субъекта обжаловать действия сотрудника полиции, и ст. 33 того же Закона, в которой установлена обязанность сотрудника понести ответственность за любые противоправные действия (бездействие) и отдаваемые приказы (распоряжения) [6, с. 124].

При этом необходимо руководствоваться пониманием, что отдельные виды публичной деятельности предполагают причинение потенциального вреда правам и законным интересам физических и юридических лиц, в частности, таким видом является правоохранительная деятельность. Например, имущественный ущерб может быть причинен гражданину вследствие принудительной остановки управляемого им автотранспортного средства, входная дверь квартиры может быть непоправимо повреждена, при отказе добровольно впустить в жилище сотрудников правоохранительного органа и т.д. Следовательно, основным критерием при оценке обоснованности и виновности должностного лица в причинении имущественного вреда будет служить правомерность или противоправность совершенных им действий.

На практике вызывают обоснованные затруднения случаи, когда производимые правоохранителем действия были сами по себе законны и обоснованы, но тактический порядок их проведения вызывает вопросы к правомерности причинения имущественного вреда. Так, в качестве примера приведем обыск, производимый в жилом помещении, на производство которого получено соответствующее судебное разрешение, процессуальный порядок производства данного следственного действия был соблюден, но сотрудники правоохранительного органа не стали дожидаться приезда проживающего в домовладении лица – гражданина N, у которого при себе имелся ключ от сейфа, и произвели вскрытие сейфа, чем привели указанное имущество в негодное состояние, несмотря на то, что супруга проживающего гражданина убеждала подождать его, так как гражданина N выехал в сторону дома, узнав о производимом обыске. Правомерность действий сотрудников в указанном случае должна подлежать тщательной оценки со стороны судебного органа на предмет правомерности или неправомерности причиненного имущественного вреда.

Так, в свою очередь, В. В. Казаненко приводит другой случай из судебно-следственной практики о гражданине К, у которого сотрудники правоохранительного органа забрали в ходе личного обыска ключи от сейфа и дверей, но данными

ключами не воспользовались вообще, используя при обыске для вскрытия дверей в жилище исключительно болгарку и лом, между тем, как указывает В. В. Казаненко, суд отказал гражданину в удовлетворении его исковых требований о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда из-за того, что «двери и сейф на момент их повреждения не осмотрены, их состояние не оценено, возможность восстановления (реставрации, замены отдельных элементов) не исследована» [7, с. 213–214].

Другим примером может служить вскрытие дверей квартиры – совместной собственности гражданки N и ее супруга, выступающего фигурантом уголовного дела, приведшее к повреждению двери. Так как гражданка N не являлась участником уголовного судопроизводства, то причиненный вред ее имуществу следует признать неправомерным и, по мнению суда, достаточным с точки зрения возникновения гражданско-правовой ответственности.

Соответственно, это в полной мере доказывает высказанное выше положение, что основным критерием для оценки достаточности оснований для возникновения гражданско-правовой ответственности является противоправность или правомерность действий сотрудников правоохранительного органа. Однако приведенные примеры очень показательно иллюстрируют отсутствие единства судебной практики по рассматриваемому вопросу и такую ситуацию затруднительно назвать удовлетворительной с точки зрения реализации права-гарантии (т.е. права, выступающего гарантом для реализации иных прав и свобод граждан) на возмещение государством вреда.

Таким образом, целесообразно рассмотреть аспект о случаях причинения должностным лицом вреда умышленного, при котором он существенно выходит за пределы своих полномочий, руководствуясь мотивами, противоречащим интересам государственной службы. В таких случаях о дистрибутивной справедливости (по А. А. Маркеловой [8, с. 88]), ограничивающей должностное лицо от прямого иска гражданина, которому был причинен вред, говорить не обоснованно – данные условия (обстоятельства) будут выступать достаточным основанием для солидарной ответственности должностного лица и государства, наделившего его соответствующими полномочиями, границами которых должностное лицо умышленно пренебрегло.

В. А. Власов предлагает следующие два признака юридической сущности, составляющей гражданско-правовую природу ответственности государства за вред, причиненный действиями должностных лиц правоохранительных органов. По мнению указанного автора, первым из них является направленность на возмещение вреда, вторым – использование при возмещении именно гражданско-правовых средств и способов расчетов [9, с. 23], при этом основными аргументами выступают положения гражданского законодательства.

3. Солидарная ответственность государства и правоохранительного субъекта

Детальный анализ ст. 1070 ГК РФ показывает, что данная норма не предусматривает солидарную ответственность государства и одного из видов правоохрани-

тельных субъектов, названных в указанной статье. При этом, по нашему мнению, следует градировать незаконные действия (бездействие) правоохранительного органа и незаконные действия (бездействие) сотрудника правоохранительного органа. В первом случае, речь не может идти о солидарной ответственности органа и государства, во втором случае, когда сотрудник правоохранительного органа умышленного выходит за пределы своих полномочий, говорить о солидарной гражданско-правовой ответственности вполне уместно, при этом нужно ориентироваться на главный принцип гражданско-правового института деликтных обязательств, согласно которому причинение вреда одним субъектом другому формирует бесспорную обязанность данный вред возместить, а лицо, которому причинен указанный вред, освобождается от обязанности доказывания противоправного характера действий причинителя вреда.

Предлагаемое решение о солидарной ответственности не вступает в диссонанс с учением о ретробутивной справедливости (соответствии действий причинителя вреда представлениям об общей пользе, приносимой обществу). К правоохранительному субъекту, сознательному допустившему выход за пределы своих полномочий вопреки интересам службы, справедливо допустим любой вид предусмотренной законом ответственности, в том числе и гражданско-правовой в порядке регресса. Это, по мнению авторов, в полном объеме соответствует представлению о справедливости, сложившемуся в гражданско-правовой науке, прежде всего как гармоничного соответствия равенства, меры и возмездия.

Интересно по данному поводу рассуждение М. Е. Поскребнева, считающего, что возложение на должностного лица обязанности доказывать законность своих действий вопреки общему правилу состязательности (принципу «*onus probandi*», согласно которому обязанность доказывать доводы возлежит на субъекте, предоставляющие данные доводы) справедливо «сглаживает» фактическое неравенство гражданина и субъекта в досудебных отношениях, таким образом, суд становится местом, где происходит абсолютное справедливое уравнивание субъектов [10, с. 23].

Аргументы в пользу солидарной ответственности государства и правоохранительного субъекта, по глубокому убеждению авторов, кроме всего прочего, имеют также высокий превентивный потенциал из-за понимания неизбежности личной (персональной) ответственности должностного лица – сотрудника правоохранительного органа перед лицом, которому оно причиняет вред. Понимание того, что имущественную ответственность будет нести не публично-властный субъект, а она будет обращена к непосредственному причинителю вреда в порядке предъявления регрессного иска (даже существенно усеченного по объему), существенно повлияет на формирование мотивации реализовывать свои полномочия исключительно в рамках, установленных законодательством.

На несомненную актуальность научного осмысления института регрессного иска к сотруднику правоохранительного органа в случае совершения им неправомерных действий в отношении граждан справедливо указывают А. Р. Ахунова, В. К. Белокобыльская, Ю. В. Болтенкова, Р. В. Бочаров, В. В. Родин, Н. В. Сумина, некоторые иные авторы. На страницах научной печати данные исследователи обос-

нованно указывают на отсутствие необходимой адекватной и сформированной нормативной базы, достаточной для доказывания правомерности или неправомерности действий (бездействия) сотрудника правоохранительного органа, но и фундаментальных научных исследований по рассматриваемой тематике. Кроме отсутствия исследований, констатируют ученые, сложилась негативная практика отсутствия надлежащих ведомственных рекомендаций для субъектов отдельных направлений правоохранительной деятельности, для понимания ими реальной возможности обращения к ним соответствующего регрессного иска, реальности регрессивной ответственности. Сказанное еще раз доказывает необходимость детальной проработки вопросов, связанных с правом регресса на теоретическом и законодательном уровнях, как обоснованно отмечает В. К. Белокобыльская, анализ законодательной базы о регрессных единовременных выплатах сотрудников правоохранительных органов за вред, причиненный гражданам при исполнении должностных полномочий, «не позволяет обнаружить прогрессивного развития в отношении регрессного требования» [11, с. 48].

В качестве позитивных изменений, на взгляд авторов статьи, следует признать расширение практики обращения прокуроров с регрессным требованием к должностным лицам, в том числе и правоохранительных органов, в порядке реализации полномочий, предоставленных ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ, данную позитивную правоприменительную тенденцию фиксируют в своей публикации также А. А. Овчинникова [12, с. 149] и некоторые другие исследователи.

Обращаясь снова к необходимости формирования надлежащий мотивации к правомерному поведению должностных правоохранительных органов, необходимо отметить, что в настоящий момент она сведена до трех направлений государственной деятельности. С одной стороны, государство организует соответствующий квалификационный отбор (путем аттестации сотрудников), при положительном результате которого фактически подтверждает соответствие сотрудника занимаемой должности и способность его надлежащим образом выполнять должностные служебные обязанности. С другой стороны, с сотрудниками на систематической основе проводятся соответствующие мотивационные мероприятия, в том числе и антикоррупционного характера. Третье направление выражено к организации надлежащего государственного, в том числе, ведомственного контроля за правомерностью действий субъектов правоохранительной деятельности и законностью принимаемых ими решений. Таким образом, можно уверенно утверждать, что государство в лице своих публичных институтов принимает на себя ответственность за поведение сотрудников правоохранительных органов, выступая определенным гарантом их соответствия занимаемой должности. Это, как обоснованно отмечают в своей публикации *E. A. Posner* и *A. O. Sykes* [13, с. 5–9], и делает справедливым правило о солидарной ответственности государства и должностных лиц, в том числе ответственности гражданско-правовой.

Однако решающее значение приобретает необходимость доказывания в судебном разбирательстве того, что должностное лицо правоохранительного органа, причинившее вред, умышленно допустило нарушение полномочий и такое нарушение было продиктовано желанием достичь личных противоправных целей.

В обратном случае, как указывает А. А. Маркелова, на лицо будет нарушение дистрибутивной справедливости из-за несоразмерности бремени ответственности [8, с. 89], так как сотрудник, допустивший неумышленное причинение вреда, причинил его при решении публичных задач, а не руководствуясь личными мотивами.

Необходимо отметить, что в российских юридических источниках встречается мнение о возможности предъявлять прямые иски должностным лицам правоохранительных органов, если допущенное ими нарушение должностных обязанностей было существенным, умышленным, грубым и повлекло причинение гражданам значительного вреда [14; 15]. Встречается и отдельная судебная практика, соответствующая данной позиции. Однако это, на взгляд авторов, отнюдь не уточняет теоретическую конструкцию гражданско-правовой ответственности должностных лиц – причинителей вреда, так как идет вразрез с позицией по данному вопросу Пленума Верховного Суда РФ, называющего государство ответственным за противоправные действия должностных лиц в силу прямого действия ст. 1069 ГК РФ [16], непосредственно ориентируя судебные органы на возмещения ущерба за счет казны, а не личного имущества виновного должностного лица, даже в случае умышленного использования им должностных полномочий в целях, не соответствующих интересам государственной службы.

Данная ситуация, по мнению авторов, делают рассуждения о возможности прямого иска к должностному лицу не совсем убедительными, более обоснованно в таких ситуациях говорить о возможности предъявления иска регрессного.

Существуют в юридической литературе и обоснованные доводы в пользу прямого иска к должностному лицу, в частности, они сводятся к тому, что, допуская существенные, умышленные, грубые и повлекшие причинение гражданам значительного вреда действия, должностное лицо действует в личных противоправных целях, что делает его вполне деликтоспособным с точки зрения гражданско-правовой ответственности. Тем не менее, на наш взгляд, точку в данном споре ставит положение ст. 124 ГК РФ, согласно которому должностное лицо не является субъектом гражданского права.

При этом положение п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ вполне обосновывает деликтоспособность должностного лица, допуская предъявление ему от лица государства регрессного иска. Все обозначенное еще раз подтверждает необходимость проведения соответствующих теоретических исследований указанной тематики, делая ее безусловно актуальной, есть смысл пересмотреть законодательную систематизацию субъектов гражданского права по аналогии с субъектами административного права, например, по аналогии с систематизацией, предложенной Е. Ю. Стрекаль [17, с. 63–64], безусловно, есть смысл рассмотреть и иные предложенные в юридической литературе подходы к классификации.

По аналогии с другим Высшим судом нашего государства, Конституционный Суд РФ также придерживается позиции о безусловной ответственности государства за действия должностных лиц [18; 19 и др.], снимает ли такая определенность необходимость дискуссии на указанную тему? Безусловно, нет. При грубом несоответствии умышленных поступков должностного лица правоохранительного органа интересам государственной службы вопрос о его солидарной с государством

ответственности соответствует всем представлениям о справедливости, сложившимся в теории права, необходима лишь разработка надлежащего теоретического обоснования.

Заключение

В статье авторами была предпринята попытка рассмотреть теоретические представления о правовой природе ответственности государства за гражданско-правовой, деликтный вред, причиненный при исполнении должностных обязанностей сотрудником правоохранительного органа с учетом особенностей, формируемых его публичным статусом как лица, наделенного государством соответствующими властными полномочиями.

Проведенный анализ позволил сформировать следующие выводы:

1. Право на возмещение государством вреда, причиненного гражданину действиями (бездействием) должностного лица, – комплексный правовой институт, базирующийся на нормах конституционного, гражданского, уголовно-процессуального и некоторых иных отраслей национального права, а также нормах международного права.

Данное право принадлежит и может реализовываться не только гражданином, но и общностью граждан, в том числе народностью, а также юридическим лицом.

Реализация рассмотренного права характеризуется следующими особенностями:

– оно является разновидностью реализации юридической ответственности государства;

– отсутствует совпадение непосредственного субъекта-причинителя вреда и субъекта, его возмещающего.

Право на возмещение государством вреда, причиненного гражданину действиями (бездействием) должностного лица, относится к общим правам и не зависит от особенностей правового статуса определенного лица, не может ограничиваться не при каких условиях, в том числе обстоятельствах чрезвычайного характера.

Исходя из механизма реализации, данное право необходимо отнести к группе активных прав, так как требует от субъекта, которому причинен вред, активных действий – обращения в орган судебной власти.

Такой способ возмещения причиненного вреда не выступает позитивной ответственностью государства, это – частный механизм реализации права, закрепленного в ст. 53 Конституции РФ.

2. Частноправовой характер ответственности государства за причиненный вред предполагает, что особенности возмещения вреда, причиненного государством, не могут уменьшать гарантии возмещения вреда частному лицу по сравнению с общими правилами деликтного права.

Общим основанием ответственности государства за противоправные действия (бездействия) должностных лиц правоохранительных органов, является ненадлежащее исполнение государством публичных управленческих функций.

Противоправность (незаконность) действий (бездействия) должностных лиц правоохранительных органов является единственным системообразующим условием для возникновения деликтной ответственности государства.

Отсутствие прямой вины конкретного должностного лица в нарушении прав гражданина, общности граждан, юридического лица отнюдь не свидетельствует автоматически об отсутствии вины государства, ненадлежащее выполнение государством публичных обязанностей управления может быть установлено судебным органом и в случае неполного, ненадлежащего урегулирования какого-либо определенного вопроса, существования правовой неопределенности, в том числе в компетенции органа, полномочиях должностного лица, установления пробелов в организации какого-либо вида правоохранительной деятельности.

3. В случае причинения вреда гражданину, общности граждан, юридическому лицу должностным лицом правоохранительного органа, если установлена несомненная умышленность и противоправность действий (бездействия) и вынесенных решений, а также то, что должностное лицо руководствовалось личными (не обязательно только корыстными) целями, не соответствующими интересам и цели государственной службы, речь может обоснованно идти о солидарной ответственности государства и должностного лица – непосредственного причинителя вреда.

Пристатейный библиографический список

1. *Минаков И. А.* Гражданско-правовое регулирование возмещения государством вреда, причиненного органами государственной власти и их должностными лицами : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

2. *Маркелова А. А.* Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными, муниципальными органами и их должностными лицами : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.

3. Статистика по коррупции в России 2022. Данные за январь–июль от МВД // Общероссийская общественная организация содействия реализации гражданских антикоррупционных инициатив «Комиссия по борьбе с коррупцией» : сайт. URL: https://komiss-korrup.ru/статистика-по-коррупции-в-россии-2022/ (дата обращения: 29.03.2023).

4. *Граф Р. В.* Нормативные основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц // Правовая культура. 2020. № 2 (41).

5. *Граф Р. В.* Конституционное право на возмещение государством вреда: нормативное содержание и механизм реализации : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2021.

6. *Чернова Е. Г.* Актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50).

7. *Казаненко В. В.* Не вызванное необходимостью повреждение имущества при производстве обыска как основание возникновения права на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства // Следственная деятельность : проблемы, их решение, перспективы развития : материалы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2018 г. / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета РФ, 2019.

8. *Маркелова А. А.* Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными, муниципальными органами и их должностными лицами : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.

9. *Власов В. А.* Основание и условия гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов : некоторые вопросы теории и практики // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 3 (28).

10. *Поскребнев М. Е.* Действуют ли древние представления о справедливости в современном гражданском процессе? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 6.

11. *Белокобыльская В. К., Сумина Н. В.* Совершенствование порядка взыскания денежных средств с должностных лиц таможенных органов // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2021. Т. 1. № 2 (33).

12. *Овчинникова А. А.* Об определении органа, уполномоченного представлять публично-правовое образование в рамках регрессного иска к виновному должностному лицу // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2020. № 1-2 (102-103).

13. *Posner E. A., Sykes A. O.* An Economic Analysis of State and Individual Responsibility under International Law (Law and Economics Working Paper). 2006.

14. *Бабаков В. А.* Гражданско-правовая защита интересов государства : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.

15. *Бабаков В. А.* Непосредственное возмещение вреда должностными лицами в контексте механизма осуществления гражданско-правовой защиты государством // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».

17. *Стрекаль Е. Ю.* Особенности правового статуса субъекта административного права // Юридический факт. 2023. № 196.

18. Определение Конституционного Суда РФ от 25 мая 2017 г. 1117-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корнеева Евгения Робертовича на нарушение его конституционных прав статьями 1064 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2020 г. № 1710-О «По жалобе гражданки Республики Азербайджан Рустамли Туркель Валех кызы на нарушение ее конституционных прав статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Minakov I. A.* Civil-Legal Regulation of Compensation by the State of the Harm Caused by Public Authorities and Their Officials: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2006. (In Russ.)

2. *Markelova A. A.* Civil-Legal Responsibility for the Harm Caused by State, Municipal Bodies and Their Officials: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2023. (In Russ.)

3. Statistics on Corruption in Russia 2022. Data for January-July from the Ministry of Internal Affairs. URL: https://komiss-korrup.ru/статистика-по-коррупции-в-россии-2022/ (date of the application: 29.03.2023). (In Russ.)

4. *Graf R. V.* Normative Grounds for Compensation by the State for the Damage Caused by Illegal Actions (Inaction) of Public Authorities and Officials. *Legal Culture*, 2020, no. 2 (41). (In Russ.)

5. *Graf R. V.* The Constitutional Right to Compensation by the State of Harm: Normative Content and Mechanism of Realization: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2021. (In Russ.)

6. *Chernova E. G.* Actual Problems of Civil Liability of Employees of Internal Affairs Bodies. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50). (In Russ.)

7. *Kazanenko V. V.* Unnecessary Damage to Property During the Search as a Basis for the Right to Compensation for Damages in Civil Proceedings. In *Bagmet A. M. (ed.)*. Investigative Activity: Problems, Their Solutions, Prospects for Development: Proceedings of the II All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, Moscow, 23 November 2018. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. (In Russ.)

8. *Markelova A. A.* Civil-Law Responsibility for the Harm Caused by State, Municipal Bodies and Their Officials: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2023. (In Russ.)

9. *Vlasov V. A.* Grounds and Conditions of Civil Liability for Harm Caused by Illegal Actions of Law Enforcement Agencies: Some Issues of Theory and Practice. *Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (28). (In Russ.)

10. *Poskrebnev M. E.* Do the Ancient Notions of Justice in the Modern Civil Process Work? Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2020, vol. 15, no. 6. (In Russ.)

11. *Belokobylskaia V. K., Sumina N. V.* Improvement of the Procedure for Collecting Money from Customs Officials. *Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region*, 2021, vol. 1, no. 2 (33). (In Russ.)

12. *Ovchinnikova A. A.* On the Definition of the Body Authorized to Represent a Public-Law Entity Within the Framework of a Recourse Claim to a Guilty Official. *Bulletin of Khabarovsk State University of Economics and Law*, 2020, no. 1-2 (102-103). (In Russ.)

13. *Posner E. A., Sykes A. O.* An Economic Analysis of State and Individual Responsibility Under International Law (Law and Economics Working Paper). 2006. (In Russ.)

14. *Babakov V. A.* Civil-Legal Protection of the State Interests: Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2018. (In Russ.)

15. *Babakov V. A.* Direct Compensation of Harm by Officials in the Context of the Mechanism of Realization of Civil-Law Protection by the State. *Leningrad Law Journal*, 2015, no. 2. (In Russ.)

16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 13 October 2020 No. 23 "On the Practice of Consideration by the Courts of a Civil Action in a Criminal Case" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

17. *Strekal E. Iu.* Features of the Legal Status of the Subject of Administrative Law. *Legal Fact*, 2023, no. 196. (In Russ.)

18. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 May 2017 No. 1117-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Korneev Evgeny Robertovich on Violation of His Constitutional Rights of Articles 1064 and 1069 of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

19. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23 July 2020 No. 1710-O "On the Complaint of a Citizen of the Republic of Azerbaijan Rustamli Turkel Valekh Kyzy on Violation of Her Constitutional Rights by Article 1069 of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторах:

Т. В. Воротилина – кандидат юридических наук, доцент.

Е. А. Иванченко – кандидат юридических наук, доцент.

И. С. Шульженко – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

T. V. Vorotilina – PhD in Law, Associate Professor.

E. A. Ivanchenko – PhD in Law, Associate Professor.

I. S. Shulzhenko – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 04.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted to the editorial office 02.05.2023; approved after reviewing 04.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Научная статья
УДК 342.9
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-91-101

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВАМИ В ЦЕЛЯХ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ

Александр Александрович Максимов

Северный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 185034, Россия, г. Петрозаводск, ул. Онежской флотилии, д. 51

aleksandr-law@mail.ru

Аннотация

Злоупотребление налоговыми правами в целях минимизации налогового бремени является сложным и актуальным с точки зрения правовой науки явлением, так как формально строится в правовой плоскости и не нарушает закон, хотя и преследует сродные противоправной деятельности цели. Целью составившего основу данной статьи исследования было определение административно-правовых факторов, позволяющих выявить уклонение от уплаты налогов через злоупотребление налоговыми правами. При рассмотрении названных проблем использовался широкий спектр методов, среди которых следует выделить логический, а также формально-юридический. Автором в качестве выводов сформулированы основные показатели (критерии), косвенно свидетельствующие о возможном наличии факта злоупотребления налоговыми правами.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов; злоупотребление налоговыми правами; уход от налогов; обход налогов; аутстаффинг; необоснованная выгода; трансфертное ценообразование.

Для цитирования: *Максимов А. А.* Административно-правовые факторы выявления злоупотребления правами в целях уклонения от уплаты налогов хозяйствующими субъектами // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 91–101. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-91-101

Research Article

ADMINISTRATIVE AND LEGAL FACTORS OF REVEALING THE ABUSE OF RIGHTS FOR THE PURPOSE OF TAX EVASION BY BUSINESS ENTITIES

Alexander A. Maksimov

Northern Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
51 Onega Flotilla St., Petrozavodsk, 185034, Russia

aleksandr-law@mail.ru

Abstract

The abuse of tax rights in order to minimize the tax burden is a complex and relevant phenomenon from the point of view of legal science, since it is formally built in the legal plane and does not violate the law, although it pursues goals similar to illegal activities. The purpose of the study that formed the basis of this article was to determine the administrative and legal factors that make it possible to identify tax evasion through the abuse of tax rights. When considering these problems, a wide range of methods was used, among which logical, as well as formal legal methods should be distinguished. The author formulated the main indicators (criteria) as conclusions, indirectly indicating the possible presence of the fact of abuse of tax rights.

Keywords: tax evasion; abuse of tax rights; tax evasion; tax avoidance; outstaffing; unjustified benefit; transfer pricing.

For citation: *Maksimov A. A.* Administrative and Legal Factors of Revealing the Abuse of Rights for the Purpose of Tax Evasion by Business Entities. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 91–101. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-91-101

Введение

На сегодняшний день такое явление, как уклонение от уплаты налогов уверенно сохраняется в отечественном правовом сознании. Оно стало неотъемлемым элементом правовой жизни любого налогоплательщика, в особенности тех лиц, которые занимаются хозяйственной деятельностью, т.е. предпринимательством, в той или иной форме [2; 11]. При этом стоит отметить, что в некоторых обстоятельствах ведение хозяйственной деятельности имеет двойственную самоцель: с одной стороны, явную – получение прибыли, а с другой – скрытую – любыми законными средствами уклониться от уплаты налогов. В данном контексте особенное значение приобретает злоупотребление субъективными налоговыми правами хозяйствующими субъектами.

1. Понятие злоупотребления налоговыми правами и его соотношение с уклонением от уплаты налогов

В юридической науке существует подход [3], отрицающий допустимость употребления термина «злоупотребление правом» в налоговых правоотношениях, особенно в контексте ст. 10 Гражданского кодекса РФ, что формально противоречит правовому смыслу изучаемой категории, так как применение существующих гражданско-правовых подходов к пониманию злоупотребления правами к налоговым правоотношениям с учетом особенностей этих правоотношений, а именно злоупотребление правом в рамках налоговых правоотношений, допустимо исключительно при реализации прав, установленных налоговым законодательством [13].

По мнению В. А. Белова, злоупотребление правом в налоговых отношениях – это «способ достижения антиобщественных, как правило, противоправных целей либо получения льгот и привилегий, не предусмотренных правовым статусом злоупотребляющего правом лица, через осуществление действий (бездействия), формально соответствующих требованию закона» [1].

Таким образом, злоупотребление налоговыми правами преследует противоправные цели (финансово-корыстные) посредством выражения через правовые или условно правовые (допустимые правом) действия.

Уклонение от уплаты налогов реализуется в двух формах: *противоправной* в соответствии со ст. 199 УК РФ в виде ухода от налогов (умышленного бездействия, выражающегося в умышленном непредоставлении налоговой отчетности) и обхода налогов (умышленного действия путем включения в налоговую отчетность заведомо ложных сведений) и *условно правомерной* в виде злоупотребления налоговым правом [8], которое выступает категорией, дифференцированной от обеих форм противоправного уклонения от уплаты налогов, так как является допустимой с точки зрения права по формальным основаниям, однако преследующей аналогичные цели [7].

2. Налоговая нагрузка как детерминанта злоупотребления налоговыми правами

Говоря о причинах сложившегося положения, важно понимать, что сущность налоговых правоотношений носит не столько правовой, сколько экономический характер. Данные правоотношения нельзя сводить лишь к санкциям за неуплату налогов и преследованию тех, кто так или иначе уклонился от законной обязанности по их уплате. Обеспечением экономическими ресурсами государства и его потребностей должна заниматься оптимальная налоговая система, которая постоянно стимулирует налогоплательщика к предпринимательской деятельности, поиску более рациональных путей хозяйствования.

Исходя из вышесказанного наиболее ярким показателем совершенства налоговой системы можно признать показатель налоговой нагрузки (налогового бремени) на плательщика налогов, ведь так или иначе, но именно минимизации налогового бремени пытается достичь налогоплательщик, уклоняясь от налогов, в том числе посредством злоупотребления правом.

Налоговая система будет работать слажено и эффективно, если объем привлеченных в качестве налогов средств не будет превышать 30%. По некото-

рым данным [9; 10], в России налоги держатся в районе 30–32% от ВВП, по данным ФНС России – 10%, по данным предпринимателей, т.е. непосредственно налогоплательщиков, – 70–90%.

На основании изложенного конкретный налогоплательщик – хозяйствующий субъект осуществляет выбор между двумя вариантами построения отношений с налоговой системой:

1) принятие существующих налоговых обязательств, в том числе путем продолжения деятельности в условиях низкой рентабельности, как возможный итог – прекращение экономической деятельности или отказ от обременительной в плане налогов собственности;

2) минимизация налогов путем уклонения от их уплаты в той или иной законной форме, как итог – уход в «теневой сектор», тем самым косвенно стимулируя других налогоплательщиков на аналогичные действия, в результате чего возникает цепная реакция, положение, при котором уровень индивидуального противодействия налоговой системе способно возрастать в геометрической прогрессии.

На основании изложенного налоговым органам необходимо обладать действенным арсеналом методов и средств выявления и противодействия злоупотребления налоговыми правами хозяйствующими субъектами.

3. Способы противодействия злоупотреблению налоговыми правами

Традиционно, в том числе на основе практики зарубежных государств [5], способы воздействия на налогоплательщика в контексте злоупотребления субъективными правами в целях уклонения от налогов возможно дифференцировать на три составляющие:

1) законодательные ограничения, содержащие дополнительные субъективные обязанности налогоплательщика по использованию льгот и предотвращению правовым злоупотреблением;

2) специальные судебные доктрины, определяющие пределы правомерного поведения налогоплательщика при осуществлении им налогового планирования и позволяющие в определенных ситуациях изменить налоговые последствия совершенных сделок;

3) меры административного воздействия, применяемые при нарушении налогоплательщиком налогового законодательства, которые выражаются в совокупности контрольно-надзорных мероприятий.

Управление налоговыми правоотношениями в формате государства находится в исключительном ведении органов публичной власти и выражается в осуществляемых ими административных процедурах. Исходя из этого административные формы и методы воздействия на хозяйствующих субъектов являются наиболее значимыми как для рассматриваемых проблем, так и всего исследования.

Прежде чем рассмотреть порядок выявления и противодействия злоупотребления правом, следует кратко проанализировать факторы (признаки), свидетельствующие о противоправном уклонении от уплаты налогов (см. Табл. 1).

Таблица 1. Наиболее распространенные признаки противоправного уклонения от уплаты налогов

Явные признаки	Скрытые признаки
Полное несоответствие фактически выполняемой хозяйствующим субъектом деятельности ее документальному воплощению	Нарушение правил ведения бухгалтерской и иной финансовой отчетности
Факты материальных подлогов в документах	Нарушение порядка совершения кассовых операций
Уничтожение или сокрытие документов, относящихся к хозяйственной деятельности субъекта	Нарушение порядка проведения списания товарно-материальных ценностей
Несоответствие в бухгалтерских документах следующих записей: первичных – учетным, учетных – отчетным	Нарушение правил документооборота и технологической дисциплины
Инсценировка чрезвычайного происшествия	Отсутствие действий по защите нарушенных обязательств

Стоит отметить, что скрытые признаки зачастую принимаются за отсутствие профессионализма в действиях бухгалтеров, финансовых директоров и других лиц, заинтересованных в осуществлении хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта. Несколько сложнее выявлять злоупотребление налоговыми правами, так как по формальным основаниям они выстроены в законной плоскости. Например, наиболее распространенными формами оптимизации налоговой нагрузки в форме злоупотребления налоговыми правами выступают трансфертное ценообразование, использование оффшорных схем, необоснованная налоговая выгода и аутстаффинг [7], которые применяются в условиях правовой свободы.

Наиболее эффективным средством выявления любых форм нарушения налогового законодательства (в том числе и условно правомерного) согласно приказу МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» является налоговая проверка.

Налоговая проверка, будучи административно-процессуальным действием, выполняется уполномоченными органами и их должными лицами в целях контроля за соблюдением закона о налогах, сборах и страховых взносах, правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты соответствующего налога, сбора или страхового взноса в соответствующий бюджет Российской Федерации на основе анализа фактических данных, полученных в результате проверки, их сравнения с данными, указанными в налоговой декларации, бухгалтерской отчетнос-

ти, и иных документах, которые были предоставлены налогоплательщиком, либо запрошены налоговым органом.

Не стоит забывать, что результат любой выездной налоговой проверки напрямую зависит от грамотного ее планирования [6]. Правильное планирование является необходимой базой для проведения данного вида налогового контроля, суть которого выражается в сумме методов, принципов и требований к выбору объектов для проведения выездной налоговой проверки.

Приказом ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333 утверждена концепция планирования выездной налоговой проверки, посредством которой нормативно выражены и закреплены ее цели и принципы, направленные на достижение конечного результата – повышения эффективности налоговых проверок посредством построения единой, открытой и понятной для налогоплательщиков и налоговых органов системы планирования выездных налоговых проверок.

Важно понимать, что любая налоговая проверка должна придерживаться закрепленных в Концепции принципов, а именно создание наиболее благоприятных условий для добросовестных налогоплательщиков, быстрое и четкое реагирование на выявленные признаки нарушения налогового законодательства, открытость и обоснованность проверки.

В продолжение стоит отметить, что любая налоговая проверка, направленная на выявление злоупотребление налоговыми правами, должна основываться на строгом и обоснованном отборе налогоплательщиков, на которых она будет направлена на основе анализа финансово-экономических показателей указанных субъектов.

4. Показатели злоупотребления налоговыми правами хозяйствующими субъектами

На основании анализа наиболее распространенных (типичных) особенностей ведения финансово-хозяйственной деятельности представляется целесообразным выделить основные факторы (показатели), косвенно свидетельствующие о возможном наличии факта злоупотребления налоговыми правами.

Во-первых, наличие в отчетной документации хозяйственных операций, которые не имеют явного экономического смысла. Данный показатель должен основываться на соответствии операции видам экономической деятельности хозяйствующего субъекта, наличии финансовой или иной выгоды, а также организационным потребностям. Например, компания на ОСНО при незначительном входящем НДС и высоком исходящем НДС закупает имущество (как движимое, так и недвижимое), тем самым сокращая выплаты по исходящему НДС государству. Подобную финансовую деятельность следует оценивать в качестве возможной необоснованной налоговой выгоды [4] на основании письма ФНС России от 11 августа 2017 г. № СА-4-7/15895@.

Во-вторых, безосновательное использование посредников при осуществлении хозяйственных операций. Формально хозяйствующий субъект не ограничен в использовании посреднических услуг в свой финансовой деятельности, однако в некоторых случаях, использование посредников в операциях, не требующих их

услуг, способно выступить формой злоупотребления правом и минимизировать косвенные издержки. Подобную финансовую деятельность также следует оценивать в качестве возможной необоснованной налоговой выгоды на основании письма ФНС России от 11 августа 2017 г. № СА-4-7/15895@.

В-третьих, отсутствие персонала для выполнения заявленных финансовых операций. Данный показатель способен демонстрировать присутствие аутстаффинга. Чаще всего субъектами осуществления данной схемы являются организации с общим режимом налогообложения, либо организация с упрощенной системой налогообложения, созданные и подконтрольные зачастую более крупному хозяйствующему субъекту, в результате чего происходит искусственное увеличение расходов организации и тем самым сокращение налоговой базы (в данном случае прибыли), используемой для исчисления налога. Методы противодействия аутстаффингу как части большего явления – заемного труда по-прежнему находятся в стадии формирования, так как, несмотря на запрет ст. 56.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) использования заемного труда, однозначного запрета на аренду персонала введено не было, что и практикуется по сей день в условиях норм гл. 53.1 ТК РФ.

В-четвертых, отсутствие необходимых ресурсов для выполнения заявленных финансовых операций. Чаще всего данный показатель свидетельствует об искусственном дроблении организации (бизнеса) в целях применения различных льготных налоговых режимов или минимизации налогообложения. Формально дробление не является противоправным (определение ВАС РФ от 28 февраля 2011 г. № ВАС-15093/10 № А40-154999/09, письмо Федеральной налоговой службы от 29 декабря 2018 г. № ЕД-4-2/25984), так как выбор и изменение бизнес-структуры являются исключительным правом хозяйствующего субъекта. Чаще всего подобные хозяйствующие субъекты имеют единые (общие) производственные цепочки и (или) производственные мощности, а также общий (единый) персонал. Зачастую налоговый орган выявляет хозяйствующих субъектов по принципам «множественный адрес» и «множественный учредитель», которые формально не противоправны, но могут использоваться для минимизации налогов за счет дробления бизнеса или создания взаимозависимых организаций.

Также для обеспечения полноты и достоверности проведения выездной налоговой проверки налоговый орган может инициировать аналогичную проверку в отношении контрагентов проверяемого лица, и (или) его аффилированных лиц. Вышеуказанная возможность крайне важна, так как именно взаимозависимость является тем самым камнем преткновения, который подвергает большой опасности не только развитие прозрачного и открытого рынка, но и всю экономическую систему государства и в конечном счете ставит под удар его граждан.

В-пятых, средняя заработная плата не соответствует среднерыночным за отчетный период на основе данных государственной статистики по соответствующему субъекту (муниципальному образования, если такая статистика доступна). Однако в данном случае необходимо производить анализ данных по налоговой и (или) бухгалтерской отчетности налогоплательщиков за текущий и предыдущие налоговые периоды в части начисленной заработной платы. Целью данной меры

является выявление существенных отклонений показателей финансово-экономической деятельности проверяемого хозяйствующего субъекта от средних величин для аналогичного субъекта налогообложения за схожие периоды. В случае выявления спорадического характера отклонений среднего размера начисленной заработной платы следует оценить возможность использования заемного труда (аутстаффинг) в части увеличения расходов на заработную плату или необоснованного аутсорсинга в случае сокращения расходов на заработную плату.

В-шестых, низкая налоговая нагрузка при высокой выручке, которая способна свидетельствовать о трансфертном ценообразовании. Применяется в основном крупными компаниями, имеющими разветвленный вертикальный аппарат (чаще всего холдинги и компании с мультидивизиональной системой управления). Раздел V.1 НК РФ, регулирующий порядок выявления взаимозависимых лиц, а также контроль над сделками, проводимыми данными организациями оставил открытый список «взаимозависимых лиц», что породило неоднородность судебной практики ввиду слишком широких рамок для применения закона. Формально противодействовать трансфертному ценообразованию возможно путем расширения числа субъектов практики соглашений о ценообразовании (гл. 14.6 НК РФ), которое на сегодняшний день возможно исключительно с крупнейшими налогоплательщиками (ст. 83 НК РФ) и позволяет в перспективе налоговым органам контролировать трансфертное ценообразование, а хозяйствующим субъектам легализовать его.

В-седьмых, наличие у хозяйствующего субъекта высоких налоговых вычетов по НДС от общей суммы налога, который должен был быть уплачен (более 89% за 12 месяцев). Данный показатель способен свидетельствовать либо об искусственном дроблении бизнеса, либо о злоупотреблении налоговыми льготами.

В-восьмых, миграция хозяйствующего субъекта. Несмотря на свободу хозяйствующего субъекта выбирать место осуществления своей финансовой деятельности (в Российской Федерации гарантируется свобода экономического пространства, а также свободное передвижение товаров, работ и услуг), в некоторых случаях злоупотребление указанным правом позволяет оптимизировать налогообложение.

В-девятых, бесприбыльность, которая выражается в указании хозяйствующим субъектом в соответствующем документе суммы расхода, максимально приближенного к сумме его дохода, полученного за календарный год (путем искусственного увеличения расходных обязательств, зачастую не в интересах хозяйствования – на основании письма ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@).

В-десятых, осуществление финансово-хозяйствующей деятельности в пограничном с максимальными размерами показателей прибыли, позволяющим налогоплательщику продолжать использование специального налогового режима, что может свидетельствовать о снижении доходов путем приостановки финансовых операций либо об искажении гражданско-правовых отношений (на основании письма ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@).

Заключение

На основании проведенного анализа было установлено, что налоговая проверка, как основная форма административного выявления налоговых правонаруше-

ний является действенным способом выявления и противодействия злоупотреблению налоговыми правами хозяйствующих субъектами.

Сформулированные на основы финансово-правового анализа в статье 10 показателей (факторов), свидетельствующих о потенциальном злоупотреблении налоговыми правами хозяйствующими субъектами, могут служить основанием для инициирования в отношении налогоплательщика налоговой проверки с точки зрения оценки наличий злоупотребления налоговыми правами в интересах хозяйствования.

Представляется, что данный список не является закрытым, а примеры – исчерпывающими. Указанные факторы могут свидетельствовать в том числе и о фактах минимизации налогообложения посредством противоправного уклонения от их уплаты, как это имело место быть в недавнем раскрытии «ресторанной» схемы ухода от налогов [12].

Одновременно с этим следует отметить, что факт выявления в рамках налоговой проверки данных критериев еще не означает наличия нарушения, а равно и злоупотребления правом, что требует соответствующего анализа со стороны налоговых органов в каждом конкретном случае.

Пристатейный библиографический список

1. *Белов В. А.* Злоупотребление правом в налоговой сфере // Арбитражная практика. 2002. № 1.

2. *Бугаев Е. Н.* Механизм уклонения от уплаты налогов в РФ : теоретические и практические пробелы в действующем законодательстве // Право и государство : теория и практика. 2019. № 7 (175).

3. *Гаджиев Г. А.* Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7.

4. *Землянская И. С.* Необоснованная налоговая выгода : проблемы и практика применения // Финансовая аналитика : проблемы и решения. 2014. № 9.

5. *Кононкова Н. В., Гридина А. М.* Запрет злоупотребления субъективным правом в западноевропейских правовых системах // Вестник Амурского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2020. № 90.

6. *Левшукова О. А., Коровин Д. А., Карабаева А. С.* Актуальные проблемы выявления налоговых правонарушений и пути их решения // Вестник Академии знаний. 2021. № 3 (44).

7. *Максимов А. А.* Административно-правовое противодействие уклонению от уплаты налогов хозяйствующими субъектами через злоупотребление оптимизацией налогообложения // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3.

8. *Мугдусян А. В.* К вопросу о злоупотреблении правом в налоговых правоотношениях // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3.

9. *Никулина О. М.* Налоговая нагрузка в России: основные подходы // Все для бухгалтера. 2017. № 2 (290).

10. *Пансков В. Г.* О роли показателя налоговой нагрузки в регулировании экономики // Этап. 2021. № 1.

11. *Попов В. В., Тришина Е. Г.* Уклонение от уплаты налогов как элемент правовой жизни общества (теоретико-правоприменительные аспекты) // Налоги. 2016. № 2.

12. Финразведка, ЦБ и ФНС вскрыли «ресторанную» схему ухода от налогов // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/economics/11/11/2022/636cb53f9a7947852aec5bd8 (дата обращения: 05.06.2023).

13. *Фоминова Н. А.* Злоупотребление правом в налоговых правоотношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

References

1. *Belov V. A.* Abuse of Right in the Tax Sphere. *Arbitration Practice*, 2002, no. 1.

2. *Bugaev E. N.* Mechanism of Tax Evasion in the Russian Federation: Theoretical and Practical Gaps in the Current Legislation. *Law and State: Theory and Practice*, 2019, no. 7 (175).

3. *Gadzhiev G. A.* Constitutional Principles of Good Faith and Inadmissibility of Abuse of Subjective Rights. *State and Law*, 2002, no. 7.

4. *Zemlianskaia I. S.* Unjustified Tax Benefit: Problems and Practice of Application. *Financial Analytics: Problems and Solutions*, 2014, no. 9.

5. *Kononkova N. V., Gridina A. M.* Prohibition of Abuse of Subjective Right in Western European Legal Systems. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*, 2020, no. 90.

6. *Levshukova O. A., Korovin D. A. A., Karabaeva A. S.* Actual Problems of Revealing Tax Offenses and Ways to Solve Them. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2021, no. 3 (44).

7. *Maximov A. A.* Administrative-Legal Counteraction to Tax Evasion by Business Entities Through the Abuse of Tax Optimization. *Bulletin of the Russian Academy of Law*, 2022, no. 3.

8. *Mugdusian A. V.* On Abuse of Right in Tax Legal Relations. *Issues of Russian Justice*, 2019, no. 3.

9. *Nikulina O. M.* Tax Burden in Russia: Main Approaches. *All for Accountant*, 2017, no. 2 (290).

10. *Panskov V. G.* On the Role of the Tax Burden Indicator in Regulating the Economy. *Etap*, 2021, no. 1.

11. *Popov V. V., Trishina E. G.* Tax Evasion as an Element of the Legal Life of Society (Theoretical and Enforcement Aspects). *Taxes*, 2016, no. 2.

12. Finintelligence, the Central Bank and the Federal Tax Service Uncovered a "Restaurant" Scheme of Tax Evasion. URL: https://www.rbc.ru/economics/11/11/2022/636cb53f9a7947852aec5bd8 (date of the application: 05.06.2023).

13. *Fominova N. A.* Abuse of Right in Tax Legal Relations: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2009.

Сведения об авторе:
А. А. Максимов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:
A. A. Maksimov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 15.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 03.04.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 15.07.2023.

Научная статья
УДК 349
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-102-112

ЭЛЕКТРОННОЕ И ЦИФРОВОЕ (ОБРАЗОВАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ, СРЕДА, ПРОСТРАНСТВО): ИДЕНТИЧНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Галина Сергеевна Рустикова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Rustikova-gs@list.ru

Аннотация

В статье анализируется актуальная проблема понятийного аппарата образовательной системы, связанной с внедрением новых технологий обработки, хранения и передачи информации. Цель исследования – проанализировать идентичность и различие понятий, содержащихся в нормативных документах в сфере цифровой трансформации образования. Методы исследования: анализ, синтез, формально-юридический. Определены особенности проблемы терминологии в данной сфере, заключающиеся не только в динамично развивающихся информационных технологиях, но и в заимствовании многих иноязычных понятий и использовании множества синонимичных и (или) родовидовых понятий. Для решения выявленных проблем автором предложено несколько путей решения: выявить схожие понятия и сформулировать определения через род и видовое отличие; объединить синонимичные понятия и привести все документы к единообразию; определить базовое понятие (например, платформа или образовательная среда), что облегчит понимание аналогичных терминов.

Ключевые слова: электронное обучение; цифровое обучение; электронная образовательная среда; цифровая образовательная среда; электронные образовательные ресурсы; цифровые образовательные ресурсы; электронные образовательные сервисы; цифровые образовательные сервисы.

Для цитирования: *Рустикова Г. С.* Электронное и цифровое (образование, обучение, среда, пространство): идентичность и различие понятий в законодательстве, науке и практике // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 102–112. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-102-112

Research Article

ELECTRONIC AND DIGITAL (EDUCATION, TRAINING, ENVIRONMENT, SPACE): IDENTITY AND DIFFERENCE OF CONCEPTS IN LEGISLATION, SCIENCE AND PRACTICE

Galina S. Rustikova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

Rustikova-gs@list.ru

Abstract

The article analyzes the actual problem of the conceptual apparatus of the educational system associated with the introduction of new technologies for processing, storing and transmitting information. The purpose of the study is to analyze the identity and difference of concepts contained in regulatory documents in the field of digital transformation of education. Research methods: analysis, synthesis, formal legal. The features of the terminology problem in this area are determined, which consist not only in dynamically developing information technologies, but also in borrowing many foreign-language concepts and using many synonymous and/or generic concepts. To solve the identified problems, the author suggests several solutions: to identify similar concepts and formulate definitions through genus and species difference; to combine synonymous concepts and bring all documents to uniformity; define a basic concept (for example, a platform or an educational environment), which will facilitate the understanding of similar terms.

Keywords: e-learning; digital learning; electronic educational environment; digital educational environment; electronic educational resources; digital educational resources; electronic educational services; digital educational services.

For citation: *Rustikova G. S.* Electronic and Digital (Education, Training, Environment, Space): Identity and Difference of Concepts in Legislation, Science and Practice. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 102–112. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-102-112

Введение

В законотворчестве и юриспруденции, «где проблема экспликации (уточнения) смысла понятий и терминов крайне важна для их нормативного использования» [1, с. 77], необходима определенность и в то же время недопустима двоякость понимания тех или иных категорий. «Отвечать принципу правовой определенности, то есть быть ясным, логичным, понятным как правоприменителю, так и иным лицам» [2, ч. 1 ст. 7] должно не только «содержание обязательных требований» [2], но и определение терминов и понятий. Безусловно, «правильное построение системы права требует, чтобы один и тот же термин и одно и то же слово в любом законодательном акте имели одинаковое значение» [3, с. 72], но проблема терминологической неопределенности, к сожалению, существует.

1. Терминологическая неопределенность некоторых понятий в сфере цифровой трансформации образования

Проведенный анализ официальных и нормативных документов в сфере образования позволил выявить случаи использования разных названий для идентичных понятий, при этом зачастую без дефиниции. Например, в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [4] без определения используется понятие «*электронная информационно-образовательная среда*».

Сходный с предыдущим термин «*современная цифровая образовательная среда Российской Федерации*» (также без определения) применяется в нескольких официальных документах:

1) в паспорте приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [5];

2) в государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» [6];

3) в постановлении Правительства РФ «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда»» [7].

Понятие «*цифровая образовательная среда*» в Паспорте национального проекта «Образование» [8] используется без дефиниции. Вместе с тем в Постановлении Правительства РФ «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» [9] это же понятие раскрывается как «совокупность условий для реализации образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий с учетом функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные и образовательные ресурсы и сервисы, цифровой образовательный контент, информационные и телекоммуникационные технологии, технологические средства и обеспечивающей освоение учащимися образовательных программ в полном объеме независимо от места их проживания» [9].

«*Информационно-образовательная среда*» используется в Модельном законе об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования [10] и определяется как «система инструментальных средств и ресурсов, обеспечивающих условия для реализации образовательной деятельности на

основе информационно-коммуникационных технологий» [10]. «*Единое российское электронное пространство знаний*» в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [11], напротив, не определено.

В связи с тем, что дефиниции понятий «*электронная информационно-образовательная среда*», «*современная цифровая образовательная среда Российской Федерации*», «*цифровая образовательная среда*», «*Информационно-образовательная среда*» и «*единое российское электронное пространство знаний*» в указанных документах в основном отсутствуют, затруднительно определить, это синонимичные термины или все-таки какие-то из указанных понятий родовидовые.

Кроме этого из-за заимствования иностранных слов в образовательную сферу также возникает терминологическая неопределенность [12–14], например, *life-learning*, *online learning/on-line learning*, *virtual learning*, *internet-based learning*, *e-learning/eLearning/electronic learning*, *internet-based training*, *web-based learning*, *web-based training*, *open and distance learning*, *distance education*, *distance learning* и многих других. К тому же на практике зачастую встречается использование заимствованных слов без перевода (по фонетическому принципу «как слышится, так и пишется»), например, «вебинар», «е-лернинг» [15, с. 126–133], «диджитализация» [16, с. 216–226]/«дигитализация» [17, с. 152–155] и др.

Как справедливо отмечают С. А. Белоусов и А. Ю. Соколов, «воззрения ученых являются ориентиром и фундаментом правовой политики, определяя вектор развития законодательства и правоприменения» [18, с. 110]. Поэтому мы видим, что не только в научной среде и практической деятельности нет единообразия терминологии, но и во многих официальных и нормативных документах.

К примеру, наряду с понятиями «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии», определяемыми в Законе «Об образовании в Российской Федерации» [4], понятие «дистанционное обучение» использовалось во многих документах [19], а в условиях угрозы распространения пандемии стало употребляться еще чаще [20; 21]. Наряду с «электронным» и «дистанционным» в научных статьях применяют понятия «смешанное обучение» [22, с. 426–432], «мобильное обучение» [23, с. 244–246], «традиционное обучение» [24, с. 130–133], «виртуальное обучение» [25, с. 238–240] и др. К тому же используются словосочетания со словами «обучение» и «образование». Например, некоторые авторы употребляют понятие «цифровое образование» [26, с. 165–170], а в ГОСТе используется «цифровое обучение безопасности производства» и раскрывается как «процессы цифровых инструктажей, подготовки для аттестации, аттестации персонала и его обучения принятию решений по безопасности производства с применением интеллектуальных информационных технологий и профессиональных программных систем» [27].

Проведенный анализ позволил также выявить много терминов, включающих понятие «платформа», например, интеграционная платформа непрерывного образования (профессиональное обучение и дополнительное образование) [28]; электронная платформа-навигатор по основным и дополнительным профессиональным образовательным программам различных форм и сервисам трудоустройства [28]; федеральная информационно-сервисная платформа цифровой образовательной среды [29]; информационно-сервисная платформа цифровой образовательной сре-

ды [30]; образовательные платформы [31]; цифровая платформа в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования [32], и др. Ввиду того, что базовое понятие «платформа» не определено во всех документах, вышеуказанные понятия либо не определены, либо определены совершенно по-разному, например, через понятие «информационные системы» или их совокупность или как «информационные площадки». Что такое «площадки», разъяснений тоже нет.

2. Трансформация и идентичность понятий «электронное» и «цифровое»

В ходе проведенного исследования было определено, что понятия в образовательной сфере трансформировались в связи с принятием различных целевых программ Российской Федерации. Наиболее ярким примером будет появление прилагательного «электронный» («электронные библиотеки», «электронные учебные материалы нового поколения», «современные электронные учебные материалы», «электронные средства информационно-технологической поддержки и развития учебного процесса» и др.) вслед за принятием Федеральной целевой программы «Электронная Россия» [33]. После утверждения программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [34] в 2017 г. все чаще стали появляться термины с прилагательным «цифровой».

По поводу схожести и различия понятий «электронный» и «цифровой» было проведено несколько исследований. Например, К. Ю. Волкова и В. В. Зверевич провели анализ истории возникновения и использования прилагательных «электронный» и «цифровой» в библиотечно-информационной практике и науке, в результате сделали вывод о том, что «оба прилагательных можно употреблять как синонимы при решении теоретических и/или практических задач библиотечной и информационной деятельности» [35, с. 159–172]. Г. И. Ибрагимов, Е. М. Ибрагимова, А. М. Калимуллина, считая эти понятия тождественными, предлагают, просто заменив слово «электронное» на «цифровое», определить «цифровое обучение» через легитимное определение «электронного обучения» [36, с. 25]. К. В. Марьясов считает, что «необходимо отказаться от понятия «электронный документ» и заменить его понятием «цифровой документ»» [37, с. 100]. На наш взгляд, понятия «цифровое» и «электронное» идентичны, потому что в обоих случаях информация в электронном устройстве хранится в цифровом (кодовом) обозначении. Более того, об эти понятия являются видом «информационных технологий» [38].

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сформулировать следующие выводы: динамичное развитие новых информационных технологий и условия пандемии детерминировали стремительное изменение понятийного аппарата в сфере образования. Появилось много понятий, требующих систематизации, проработки и унификации. Для решения выявленных проблем понятийного аппарата необходимо идентичные по смыслу понятия объединить, определив ближайший род и выявив видовые отличия, к примеру, объединить в общий род ресурсы такие категории, как «электронные информационные ресурсы» и «электронные образовательные ресурсы». Они различаются по содержанию и месту хранения информации.

Сложнее, на наш взгляд, будет объединить схожие понятия и прийти к одному понятию вместо нескольких, но такой вариант тоже возможен.

Также вероятным решением может стать выявление базовых (объединяющих их) понятий для нескольких терминов и через определение объединяющего их понятия облегчение понимание других. Например, для унификации понятий связанных с платформой можно определить понятие «*платформа в информационно-телекоммуникационной сети*» как информационную систему, предназначенную для размещения информации и (или) программного обеспечения, электронного взаимодействия участников и доступ к которой предоставляется оператором платформы.

Развитие информационных технологий, безусловно, позволяет совершенствовать современный образовательный процесс, вместе с тем вызывает необходимость постоянного внимания к понятийному аппарату, что требует дальнейшей проработки, научных исследований в данном направлении.

Пристатейный библиографический список

1. *Оглезнев В. В.* Границы применимости родовидовых определений в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5006.
3. *Шаргородский М. Д.* Избранные труды. М. : Юридический центр, 2004.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
5. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25 октября 2016 г. № 9) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»» // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. 2). Ст. 375.
7. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. 5). Ст. 8240.
10. Модельный закон об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования (принят в г. Санкт-Петербурге 18 апреля 2014 г. Постановлением 40-15 на 40-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 61.

11. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

12. *Черная Е. А.* Понятия дистанционного и электронного (дистанционного) обучения, опыт применения в Великобритании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 1(4).

13. *Языкова Е. В.* Англоязычная терминология электронного обучения : структура, семантика, особенности функционирования : дис. … канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

14. *Полат Е. С.* Понятийный аппарат дистанционного обучения // Электронный журнал Вопросы Интернет Образования : сайт. URL: https://vio.uchim.info/Vio_19/cd_site/articles/art_1_21.html (дата обращения: 05.06.2023).

15. *Галустян О. В.* Технология е-лернинг в образовательном процессе // Информатизация в образовании. 2013. № 5.

16. *Моисеева А. А.* Условия и последствия диджитализации современного общества: социально-экономический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39.

17. *Власенко Д. М.* Дигитализация бизнеса и образования // Форум молодых ученых. 2020. № 6 (46).

18. *Белоусов С. А., Соколов А. Ю.* Правовая политика в сфере административного судебного процесса // Журнал российского права. 2023. № 1.

19. Постановление Правительства Ленинградской области от 24 апреля 2013 г. № 120 «О долгосрочной целевой программе «Развитие электронного и дистанционного обучения в Ленинградской области на 2013–2015 годы»» // Администрация Ленинградской области : сайт. URL: http://www.lenobl.ru (дата обращения: 05.06.2023) (документ утратил силу в связи с изданием постановления Правительства Ленинградской области от 2 апреля 2014 г. № 98).

20. Поручение Правительства РФ от 24 марта 2020 г. «О решениях по итогам заседания президиума Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Письмо Минтруда России от 23 апреля 2020 г. № 14-2/10/П-3710 «О направлении Рекомендаций по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ» // Официальные документы в образовании. 2020. № 13.

22. *Тедорадзе Т. Г.* Современные модели смешанного обучения // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 4 (206).

23. *Юрьева Д. В.* Мобильное обучение в российском вузе // МНКО. 2021. № 4 (89).

24. *Ротанов А. Н.* Элементы интернет-пространства в системе традиционного обучения // Сборник НУУз. 2021. № 1.

25. *Межевникова О. П.* Виртуальное обучение в современном образовательном процессе // Academic research in educational sciences. 2021. NUU Conference 1.

26. *Матвиенко С. В., Васильева Е. В.* Образование XXI : плюсы и минусы цифрового образования // Образование и право. 2022. № 1.

27. ГОСТ Р 59872-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Интеллектуальные системы обеспечения безопасности производства. Общие положения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 24 ноября 2021 г. № 1561-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

28. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) // СПС «КонсультантПлюс».

29. Приказ Минпросвещения России от 20 мая 2021 г. № 262 «Об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национального проекта «Образование»» // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Правительства РФ от 13 июля 2022 г. № 1241 «О федеральной государственной информационной системе «Моя школа»» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. 3). Ст. 5497.

31. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда»» // СЗ РФ. 2020. № 47. Ст. 7538.

32. Приказ Минцифры России от 29 октября 2021 г. № 1113 «Об утверждении методики расчета показателя «Количество осуществленных внедрений цифровых сервисов и решений, созданных на базе цифровых платформ, в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, нарастающий итог» федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» и методик расчета показателей федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», а также о внесении изменений в некоторые приказы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

33. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

34. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138 (утратило силу).

35. *Волкова К. Ю., Зверевич В. В.* Цифровой или электронный (Digital vs Electronic) // Научные и технические библиотеки. 2020. № 12.

36. *Ибрагимов Г. И., Ибрагимова Е. М., Калимуллина А. М.* О понятийно-терминологическом аппарате дидактики цифровой эпохи // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 2 (92).

37. *Марьясов К. В.* От понимания электронного документа к пониманию цифрового документа : эволюция понятий // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 24.

38. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

References

1. *Ogleznev V. V.* Boundaries of Applicability of Generic Definitions in the Legal Language. *Bulletin of Tomsk State University*, 2018, no. 437. (In Russ.)

2. Federal Law of 31 July 2020 No. 247-FZ "On Mandatory Requirements in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 31 (part 1), art. 5006. (In Russ.)

3. *Shargorodskii M. D.* Selected Works. Moscow: Iuridicheskii tsenter, 2004. (In Russ.)

4. Federal Law of 29 December 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (part 1), art. 7598. (In Russ.)

5. Passport of the Priority Project "Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and Priority Projects, Minutes of 25 October 2016 No. 9) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26 December 2017 No. 1642 "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Development of Education'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 1 (part 2), art. 375. (In Russ.)

7. Resolution of the Government of the Russian Federation of 16 November 2020 No. 1836 "On the State Information System "Modern Digital Educational Environment" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. Passport of the National Project "Education" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Minutes of 24 December 2018 No. 16) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 7 December 2020 No. 2040 "On Conducting an Experiment on the Introduction of Digital Educational Environment". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 50 (part 5), art. 8240. (In Russ.)

10. Model Law on the Use of Information and Communication Technologies in the Education System (adopted in St. Petersburg on 18 April 2014 by the Resolution 40-15 at the 40th Plenary Session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States). *Newsletter. Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States*, 2014, no. 61. (In Russ.)

11. Order of the Government of the Russian Federation of 29 February 2016 No. 326-R "On Approval of the Strategy of State Cultural Policy for the Period up to 2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 11, art. 1552. (In Russ.)

12. *Chernaia E. A.* Concepts of Distance and Electronic (Distance) Learning, Experience of Application in the UK. *Vector of Science of Togliatti State University*, 2011, no. 1(4). (In Russ.)

13. *Iazykova E. V.* English-Language Terminology of E-learning: Structure, Semantics, Peculiarities of Functioning: Thesis for a Candidate Degree in Pedagogical Sciences. Rostov-On-Don, 2010. (In Russ.)

14. *Polat E. S.* Conceptual Apparatus of Distance Learning. URL: https://vio.uchim.info/vio_19/cd_site/articles/art_1_21.html (date of the application: 05.06.2023). (In Russ.)

15. *Galustian O. V.* Technology E-learning in the Educational Process. *Informatization in Education*, 2013, no. 5. (In Russ.)

16. *Moiseeva A. A.* Conditions and Consequences of Digitalization of Modern Society: Socio-Economic Analysis. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2017, no. 39. (In Russ.)

17. *Vlasenko D. M.* Digitalization of Business and Education. *Forum of Young Scientists*, 2020, no. 6 (46). (In Russ.)

18. *Belousov S. A., Sokolov A. Iu.* Legal Policy in the Field of Administrative Judicial Process. *Journal of Russian Law*, 2023, no. 1. (In Russ.)

19. Resolution of the Government of the Leningrad Region of 24 April 2013 No. 120 "On the Long-Term Target Program 'Development of Electronic and Distance Learning in the Leningrad Region for 2013–2015 Years'". URL: http://www.lenobl.ru (date of the application: 05.06.2023) (The Document Became Invalid Due to the Publication of the Resolution of the Government of the Leningrad Region of 2 April 2014 No. 98). (In Russ.)

20. Instruction of the Government of the Russian Federation of 24 March 2020 "On Decisions on the Results of the Meeting of the Presidium of the Coordination Council Under the Government of the Russian Federation to Combat the Spread of a New Coronavirus Infection" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

21. Letter of the Ministry of Labor of Russia of 23 April 2020 No. 14-2/10/P-3710 "On Sending Recommendations on the Use of Flexible Forms of Employment in the Prevention of the Spread of New Coronavirus Infection in the Territory of the Russian Federation". *Official Documents in Education*, 2020, no. 13. (In Russ.)

22. *Tedoradze T. G.* Modern Models of Blended Learning. *Scientific Notes of Lesgaft University*, 2022, no. 4 (206). (In Russ.)

23. *Iurieva D. V.* Mobile Learning in the Russian University. *Mnco*, 2021, no. 4 (89). (In Russ.)

24. *Rotanov A. N.* Elements of Internet Space in the System of Traditional Learning. *Sbornik Nuuz*, 2021, no. 1. (In Russ.)

25. *Mezhevnikova O. P.* Virtual Learning in the Modern Educational Process. *Academic Research in Educational Sciences*, 2021, Nuu Conference 1. (In Russ.)

26. *Matvienko S. V., Vasilieva E. V.* Education XXI: Pros and Cons of Digital Education. *Education and Law*, 2022, no. 1. (In Russ.)

27. Gost R 59872-2021. National Standard of the Russian Federation. Information and Communication Technologies in Education. Intelligent Systems for Production Safety. General Provisions (approved and put into effect by the Order of Rosstandart of 24 November 2021 No. 1561-St) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

28. Passport of the National Project "Education" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Minutes of 24 December 2018 No. 16)) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

29. Order of the Ministry of Education of Russia of 20 May 2021 No. 262 "On Approval of Methods for Calculating the Indicators of Federal Projects of the National Project "Education" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

30. Resolution of the Government of the Russian Federation of 13 July 2022 No. 1241 "On the Federal State Information System 'My School'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 29 (part 3), art. 5497. (In Russ.)

31. Resolution of the Government of the Russian Federation of 16 November 2020 No. 1836 "On the State Information System "Modern Digital Educational Environment". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 47, art. 7538. (In Russ.)

32. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 29 October 2021 No. 1113 "On Approval of the Methodology for Calculating the Indicator 'Number of Implemented Implementations of Digital Services and Solutions Created on the Basis of Digital Platforms in Organizations Engaged in Educational Activities Under Educational Programs of Higher Education, Cumulative Total' of the Federal Project 'Personnel for the Digital Economy' and the Methodology for Calculating Indicators of the Federal Project 'Digital Public Administration' of the National Program 'Digital Economy of the Russian Federation', as Well as on the Introduction of a Number of Amendments to the National Program 'Digital Economy of the Russian Federation'". (In Russ.)

33. Resolution of the Government of the Russian Federation of 28 January 2002 No. 65 "On the Federal Target Program "Electronic Russia (2002–2010)'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 5, art. 531. (In Russ.)

34. Order of the Government of the Russian Federation of 28 July 2017 No. 1632-R "On Approval of the Program 'Digital Economy of the Russian Federation'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2017, no. 32, art. 5138 (No Longer in Force). (In Russ.)

35. *Volkova K. Iu., Zverevich V. V.* Digital or Electronic (Digital *vs* Electronic). *Scientific and Technical Libraries*, 2020, no. 12. (In Russ.)

36. *Ibragimov G. I., Ibragimova E. M., Kalimullina A. M.* On the Conceptual and Terminological Apparatus of Didactics of the Digital Era. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2021, no. 2 (92). (In Russ.)

37. *Maryasov K. V.* From Understanding an Electronic Document to Understanding a Digital Document: Evolution of Concepts. *Bulletin of N.F. Katanov Khakass State University*, 2018, no. 24. (In Russ.)

38. Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 31 (part 1), art. 3448. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Г. С. Рустикова – старший преподаватель.

Information about the author:
G. S. Rustikova – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 18.06.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted to the editorial office 02.05.2023; approved after reviewing 18.06.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Научная статья
УДК 342.72
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-113-127

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Анна Юрьевна Яковлева-Чернышева[1]

Рузанна Нориковна Данелян[2]

Василий Александрович Яковлев-Чернышев[3]

[1,2,3] Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 354000, Россия, г. Сочи, Дагомысская ул., д. 42

[1] ayach@mail.ru

[2] ruzka@yandex.ru

[3] basil.yakovlev@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется особенно актуальная в условиях быстрых темпов цифровизации проблема недостаточной правовой определенности положений законодательства в сфере правовой защиты персональных данных. Авторы констатируют, что недостаточная разработанность понятийного аппарата, типологии персональных данных, неполнота перечня принципов обработки персональных данных, возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина препятствуют осуществлению эффективной защиты персональных данных правовыми средствами. Предметом исследования является правовая определенность положений законодательства в сфере правовой защиты персональных данных. Цель исследования заключается в выявлении пробелов в российском законодательстве, регулирующем защиту персональных данных, и разработке предложений по его совершенствованию. Методологическую основу исследования образуют диалектический, конкретно-исторический и комплексный подходы, использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, включая формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы в их различном сочетании. В статье на основе проведенного анализа российского и зарубежного законодательства, научной литературы и с учетом выявленных проблем обоснована необходимость повыше-

ния правовой определенности положений российского законодательства в сфере правовой защиты персональных данных на основе: уточнения и законодательного закрепления понятийного аппарата, типологии персональных данных; дополнения перечня принципов обработки персональных данных; введения критериев возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных. По итогам проведенного исследования предложено внести в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» ряд изменений и дополнений, направленных на повышение эффективности правовой защиты персональных данных в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая определенность; персональные данные; понятие и типология персональных данных; обработка персональных данных; защита персональных данных; субъект персональных данных; права и свободы человека и гражданина; ограничение прав субъекта персональных данных.

Для цитирования: *Данелян Р. Н., Яковлева-Чернышева А. Ю., Яковлев-Чернышев В. А.* Проблемы правовой определенности положений законодательства в сфере правовой защиты персональных данных // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 113–127. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-113-127

Research Article

PROBLEMS OF LEGAL CERTAINTY OF THE PROVISIONS OF LEGISLATION IN THE FIELD OF LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA

Anna Yu. Yakovleva-Chernysheva[1]

Ruzanna N. Danelyan[2]

Vasily A. Yakovlev-Chernyshev[3]

[1,2,3] Sochi Branch of All-Russian State University of Justice, 42 Dagomysskaia St., Sochi, 354000, Russia

[1] ayach@mail.ru

[2] ruzka@yandex.ru

[3] basil.yakovlev@mail.ru

Abstract

The article examines the problem of insufficient legal certainty of the provisions of legislation in the field of legal protection of personal data, which is particularly relevant in the conditions of rapid digitalization. The authors state that the insufficient devel-

opment of the conceptual apparatus, the typology of personal data, the incompleteness of the list of principles of personal data processing, the possibility of restricting the rights and freedoms of man and citizen hinder the effective protection of personal data by legal means. The subject of the study is the legal certainty of the provisions of legislation in the field of legal protection of personal data. The purpose of the study is to identify gaps in the Russian legislation regulating the protection of personal data and to develop proposals for its improvement. The methodological basis of the research is formed by dialectical, concrete-historical and complex approaches, general scientific and private scientific methods of cognition are used, including formal-legal, comparative-legal and other methods in their various combinations. Based on the analysis of Russian and foreign legislation, scientific literature and taking into account the identified problems, the article substantiates the need to increase the legal certainty of the provisions of Russian legislation in the field of legal protection of personal data on the basis of: clarification and legislative consolidation of the conceptual apparatus, typology of personal data; additions to the list of principles of personal data processing; introduction of criteria for the possibility of restricting rights and freedoms a person and a citizen in the processing of personal data. Based on the results of the study, it was proposed to introduce a number of amendments and additions to Federal Law of 27 July 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" aimed at improving the effectiveness of legal protection of personal data in the Russian Federation.

Keywords: legal certainty; personal data; concept and typology of personal data; processing of personal data; protection of personal data; subject of personal data; human and civil rights and freedoms; restriction of the rights of the subject of personal data.

For citation: *Danelyan R. N., Yakovleva-Chernysheva A. Yu., Yakovlev-Chernyshev V. A.* Problems of Legal Certainty of the Provisions of Legislation in the Field of Legal Protection of Personal Data. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 113–127. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-113-127

Введение

Актуальность проблематики, связанной с защитой персональных данных, с каждым днем неуклонно возрастает. Обусловлено это быстрыми темпами цифровизации, сложностью правовой защиты персональных данных, неполнотой правовых исследований в данной сфере и пока что не очень богатой правоприменительной практикой, поскольку полноценного и серьезного обобщения вопросов, связанных с защитой персональных данных, Верховным Судом РФ на сегодняшний день не выполнено.

В качестве методологической основы исследования избраны диалектический, конкретно-исторический и комплексный подходы, что обусловлено потребностью рассмотрения предмета исследования во взаимосвязи и взаимообусловленности с быстро меняющимися, усложняющимися общественными отношениями в иссле-

дуемой сфере жизни общества, требующими постоянной подстройки правового регулирования. В рамках указанных методологических подходов использованы общенаучные и частнонаучные методы познания в их различном сочетании, в том числе формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Применение формально-юридического метода определено постановкой цели исследования, предполагающей проведение анализа нормативных правовых актов. Сравнительно-правовой метод использован при сравнении норм, содержащихся в российском и зарубежном законодательстве. Обоснованность применения сравнительно-правового метода обусловлена сопоставимостью публично-правовых подходов к регулированию отношений, связанных с защитой персональных данных, в рамках законодательства Российской Федерации и ряда зарубежных стран.

С учетом вышеизложенного, представляется необходимым рассмотреть актуальные проблемы правовой определенности положений законодательства в сфере правовой защиты персональных данных, в том числе касающиеся понятия, типологии персональных данных, принципов их обработки, возможного ограничения прав и свобод человека и гражданина, выявить пробелы в российском законодательстве в данной сфере и предложить пути их устранения.

1. Недостаточная разработанность понятийного аппарата и типологии персональных данных

Основным российским нормативным правовым актом, на основе которого осуществляется правовое регулирование вопросов, связанных с защитой персональных данных, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [1] (далее – ФЗ № 152).

Отметим, что само право на защиту персональных данных не выделяется в Конституции РФ аналогично тому, как это происходит в большинстве других стран. Однако в ч. 1 ст. 24 Конституции РФ указано, что «сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается». Безусловно, данное положение оказало положительное влияние на рассмотрение и принятие ФЗ № 152. В международной практике право на защиту персональных данных включается в содержание права на частную жизнь [2, с. 49]. Данная позиция находит свое восприятие и в практике Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ). Например, в абз. 4 п. 2.1 постановления КС РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П [3] указано, что «персональные данные медицинского работника… публикуемые на интернет-сайте… должны рассматриваться как относящиеся к сведениям о его частной жизни, подлежащей… конституционной защите».

Э. В. Талапина обоснованно отмечает, что российское законодательство о персональных данных базируется на европейском подходе, в рамках которого защита персональных данных имеет статус основного права человека, подлежащего публично-правовой регуляции [4, с. 29]. Данный подход является широко распространенным и воспринят в целом ряде стран. В связи с этим представляется целесообразным обращение в ходе исследования к зарубежному опыту, в первую очередь к положениям Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. (Общий Регламент о защите персональных дан-

ных/*General Data Protection Regulation/GDPR*) [5] (далее – Регламент). Актуальным с точки зрения учета современных тенденций в сфере правовой защиты персональных данных представляется также опыт Индонезии, где в 2022 г. был принят Закон о защите личных данных [6] (далее – Индонезийский закон).

Проведенный анализ действующей редакции ФЗ № 152 позволяет выделить ряд проблемных моментов.

В п. 1 ст. 3 ФЗ № 152 дается определение понятию «персональные данные». Под персональными данными в законе понимается «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Эта дефиниция практически идентична той, которая закреплена в упомянутом выше Регламенте.

Мы согласны М. Б. Добробаба, что «столь широкий и абстрактный подход к понятию персональных данных… не позволяет четко дифференцировать информацию и безошибочно определить возможность отнесения ее к персональным данным» [7, с. 46]. Ситуация осложняется тем, что вопросы регулирования персональных данных являются предметом различных отраслей законодательства, относящихся к сферам публичного и частного права, что требует установления баланса «между частными интересами субъектов персональных данных и интересами общества и государства» [8, с. 78–79]. Следствием такой правовой неопределенности может стать недостаточно эффективная защита прав субъекта персональных данных, необоснованное ограничение прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим в литературе предлагается решать вопрос об отнесении той или иной информации к персональным данным, опираясь на положения отраслевого законодательства (например, трудового или налогового), материалы судебной практики, разъяснения Роскомнадзора, Минцифры России, а также с использованием аналитических процедур, в том числе так называемого метода идентификации [7, с. 50–51].

На наш взгляд, рассмотренные выше предложения обладают ценностью для правоприменительной практики, однако проблема недостаточной правовой определенности не ограничивается размытой трактовкой понятия «персональные данные». Если проанализировать в целом содержание ст. 3 Федерального закона «О персональных данных», закрепляющей основные понятия, то можно сделать вывод, что их перечень включает далеко не все термины, имеющие существенное значение для осуществления правовой защиты персональных данных.

По нашему мнению, расширение законодательно закрепленного понятийного аппарата создаст условия для упорядочения правоприменительной практики. В качестве основы можно рассмотреть Регламент, в котором содержатся определения таких терминов, как «формирование профиля», «третье лицо», «утечка персональных данных» и ряда других понятий, на сегодняшний день отсутствующих в российском законодательстве.

Представляется, что включение легальных определений ряда важных понятий в ФЗ № 152 могло бы существенно повлиять на защищенность прав и свобод человека и гражданина, позволить более четко выстроить обязанности органов государственной власти, операторов, грамотно сконструировать составы административных правонарушений и преступлений, а также привести к большей степени

единообразия судебную практику на основе более качественной реализации принципа правовой определенности.

С учетом вышеизложенного, мы предлагаем дополнить ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» следующим образом:

– в п. 12 указать, что «третье лицо – физическое или юридическое лицо, орган государственной власти, орган местного самоуправления, отличный от субъекта персональных данных, оператора, обрабатывающего данные лица, или лиц, которые уполномочены проводить обработку персональных данных под непосредственным руководством обрабатывающего данные лица»;

– в п. 13 указать, что «утечка персональных данных – нарушение безопасности, ведущее к случайному или незаконному разрушению, потере, изменению, несанкционированному раскрытию или доступу к переданным, сохраненным или иным образом обработанным персональным данным»;

– в п. 14 указать, что «право на защиту персональных данных – конституционное право субъекта персональных данных, обязывающее органы государственной власти, органы местного самоуправления, оператора персональных данных и третьих лиц принимать все меры для защиты персональных данных»;

– в п. 15 указать, что «ограничение персональных данных – маркировка сохраненных персональных данных в целях ограничения их обработки в будущем»;

– в п. 16 указать, что «формирование профиля – любая форма автоматизированной обработки персональных данных, состоящая из использования персональных данных в целях оценки определенных индивидуальных характеристик физического лица, в частности, для анализа или определения характеристик, относящихся к производственным показателям указанного лица, экономическому положению, здоровью, индивидуальным предпочтениям, интересам, надежности, поведению, местонахождению или передвижению»;

– в п. 17 указать, что «оценка вреда – проводимые уполномоченным органом государственной власти мероприятия по выявлению потенциальной и реальной утечки персональных данных»;

– в п. 18 указать, что «тестирование оператора – проверка информационной системы на возможность несанкционированного проникновения и завладения персональными данными, проводимая в обязательном порядке один раз в год уполномоченным органом государственной власти».

Помимо недостаточной разработанности понятийного аппарата, следует также отметить и тот факт, что в ФЗ № 152 не систематизированы типы и виды персональных данных. Об определенной типологии этих данных можно лишь догадываться, анализируя нормы закона. Как справедливо указывается в научной литературе, классифицировать персональные данные, выделяя общие и специальные категории, можно лишь исходя из косвенных указаний законодателя и анализа норм Федерального закона «О персональных данных» [9, с. 266]. Так, исходя из ст. 8, 10, 10.1, 11 ФЗ № 152 можно сделать вывод, что законодатель выделяет следующие категории персональных данных:

1) общедоступные персональные данные (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и иные персональные данные, сообщаемые субъектом персональных данных);

2) специальные категории персональных данных (раса, национальность, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, состояние здоровья, интимная жизнь);

3) персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения (персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных путем дачи согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения в порядке, предусмотренном законодательством);

4) биометрические персональные данные – сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность.

Первые и вторая категории могут рассматриваться как типы персональных данных. Отнесение всех видов персональных данных к двум типам (общедоступные и специальные) обусловлено разной степенью их защищенности и особенностями их обработки. Третья и четвертая категории, на наш взгляд, включают те виды персональных данных, которые относятся к типу специальных и подпадают под особый порядок обработки.

Представляется, что законодательное закрепление типологии персональных данных позволит более последовательно соблюдать принцип правовой определенности. В данном контексте полезным видится опыт Индонезии. Так, в Индонезийском законе закреплена гл. III «Типы персональных данных», где согласно ст. 4 выделяются:

Конкретные личные данные:

a. медицинские данные и информация;

b. биометрические данные;

c. генетические данные;

d. данные о преступлениях;

e. данные о детях;

f. личные финансовые данные

и (или)

g. другие данные в соответствии с положениями законодательства.

Общие персональные данные:

a. полное имя;

b. пол;

c. гражданство;

d. вероисповедание;

e. семейное положение;

f. личные данные, которые в совокупности позволяют идентифицировать человека.

Представляется, что такое регулирование является весьма удачным и подобную типологию целесообразно закрепить в ФЗ № 152, введя ст. 5.1 «Типы персональных данных» следующего содержания:

1. Обработка персональных данных должна осуществляться с учетом типа персональных данных и особенностей их защиты.

2. Типами персональных данных являются:

1) общедоступные персональные данные;

2) специальные категории персональных данных.

3. Видами специальных категорий персональных данных, подлежащих особому порядку обработки, являются:

1) персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных;

2) биометрические персональные данные;

3) генетические персональные данные;

4) данные о здоровье.

2. Неполнота перечня принципов обработки персональных данных

Существенным является и вопрос принципов обработки персональных данных, на которые необходимо опираться. В ст. 7 ФЗ № 152 выделяются следующие принципы:

1) обработка персональных данных должна осуществляться на законной и справедливой основе;

2) обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями сбора персональных данных;

3) не допускается объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой;

4) обработке подлежат только персональные данные, которые отвечают целям их обработки;

5) содержание и объем обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям обработки. Обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки;

6) при обработке персональных данных должны быть обеспечены точность персональных данных, их достаточность, а в необходимых случаях и актуальность по отношению к целям обработки персональных данных. Оператор должен принимать необходимые меры либо обеспечивать их принятие по удалению или уточнению неполных или неточных данных;

7) хранение персональных данных должно осуществляться в форме, позволяющей определить субъекта персональных данных, не дольше, чем этого требуют цели обработки персональных данных, если срок хранения персональных данных не установлен федеральным законом, договором, стороной которого, выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных. Обрабатываемые персональные данные подлежат уничтожению либо обезличиванию по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Если проанализировать зарубежную научную литературу, в которой рассматриваются принципы обработки персональных данных [10; 11], и соотнести с содержанием ст. 7 ФЗ № 152, то видно, что в данной статье закреплены следующие принципы:

1) принцип справедливой и законной обработки (указан в п. 1 ст. 7 ФЗ № 152);

2) принцип минимизации и принцип ограничения цели (п. 2 ст. 7 ФЗ № 152); причем важно отметить, что принцип ограничения цели включает в себя три подпринципа:

а) цели, для которых собираются данные, должны быть определены и четко сформулированы;

б) эти цели должны быть законными (легитимными);

в) цели, для которых данные обрабатываются в дальнейшем, не должны быть несовместимы с целями, для которых данные были первоначально собраны (можно говорить о том, что данный подпринцип нашел свое закрепление в п. 4 ст. 7 ФЗ № 152);

3) принцип качества данных (находит свое отражение в п. 5, 6 ст. 7 ФЗ № 152 и означает, что персональные данные должны быть релевантными, точными и полными соответственно целям, для которых они обрабатываются);

4) принципы целостности, конфиденциальности и ограничения по хранению (закреплены в п. 7 ст. 7 ФЗ № 152 и, по сути, идентичны п. «*e*», «*f*» ст. 5 Регламента).

При этом, несмотря на довольно подробную регламентацию и закрепление важнейших принципов, данный перечень вряд ли можно назвать исчерпывающим и охватывающим весь спектр проблемных аспектов с точки зрения правовой определенности. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть следующие принципы:

1) принцип безопасности персональных данных, означающий, что они должны быть защищены от несанкционированных попыток разглашения, удаления, изменения или использования.

Стоит отметить, что трактовка данного принципа может быть весьма специфичной. Например, в Дании в него вкладывается следующий смысл: в отношении персональных данных, которые обрабатываются для целей органов государственного управления и представляют особый интерес для иностранных государств, должны приниматься меры, обеспечивающие возможность их удаления и уничтожения в случае войны или аналогичных условий;

2) принцип пропорциональности или соразмерности, который призван, прежде всего, содействовать судебным инстанциям, снижая риски недостаточной гибкости в нетипичных, экстраординарных ситуациях.

В законодательстве Европейского союза принцип соразмерности рассматривается, как правило, в трех аспектах:

– пригодность – является ли соответствующая мера подходящей или актуальной для достижения целей, на достижение которых она направлена?

– необходимость – требуется ли соответствующая мера для достижения поставленных целей?

– неизбыточность (соразмерность в строгом смысле слова) – идет ли эта мера дальше, чем это необходимо для достижения целей, которые она призвана достичь?

Положительным моментом в этом принципе помимо вспомогательной функции для правоприменителя является его сочетаемость и взаимосвязанность с принципами законной и справедливой обработки персональных данных;

3) принцип влияния субъекта персональных данных, означающий, что обработка персональных данных должна быть прозрачной для субъекта персональных данных и быть под его влиянием;

4) принцип чувствительности, смысл которого заключается в том, что обработка определенных видов персональных данных (прежде всего, в области здравоохранения, биометрических данных, генетических данных, касающихся национальности, политических, философских взглядов и т.д.), которые считаются особенно чувствительными для субъектов персональных данных, должна подвергаться более строгому контролю, чем обработка других видов персональных данных.

Включение данного принципа вкупе с отдельной статьей, включающей систематизированные типы и виды персональных данных, позволит внести большую конкретику в ФЗ № 152 и может стать отправной точкой для установления, при необходимости, большей ответственности субъектов, отвечающих за обработку персональных данных;

5) принцип индивидуального участия, являющийся комплексным и действующий в сочетании с другими принципами.

Этот принцип включает три группы правил:

– предписывающие операторам персональных данных собирать данные непосредственно от субъектов персональных данных в определенных обстоятельствах;

– предписывающие операторам персональных данных ориентировать субъектов персональных данных непосредственно на определенную информацию об их операциях по обработке персональных данных;

– запрещающие обработку персональных данных без согласия субъектов персональных данных;

6) принцип соблюдения контекста, означающий, что лицо имеет право ожидать, что организации будут собирать, использовать и раскрывать персональные данные таким образом, чтобы это соответствовало контексту, в котором лицо предоставляет персональные данные.

Этот принцип весьма специфичен. Однако он способен обеспечивать большую защищенность граждан в области персональных данных и может сочетаться с вышеизложенными принципами;

7) принцип правовой определенности, суть которого заключается в том, что неопределенность правовых норм должна быть по возможности максимально устранена, поскольку в ином случае это приводит к снижению возможности единообразного понимания правовой нормы и чрезмерно широкому усмотрению правоприменителя, что снижает гарантии защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Включение вышеизложенных принципов в ФЗ № 152 позволило бы установить если не исчерпывающий, то максимально полный перечень принципов, которые сочетаются друг с другом. Это также содействовало бы гармоничному развитию законодательства и способствовало единообразию судебной практики, а значит, усилило бы гарантии защищенности прав граждан.

3. Недостаточное урегулирование вопросов, связанных с возможностью ограничения прав и свобод человека и гражданина

Еще одной немаловажной проблемой является возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина.

В ч. 8 ст. 14 ФЗ № 152 перечислены случаи, когда право субъекта персональных данных на доступ к его персональным данным может быть законодательно ограничено, если персональные данные обрабатываются в целях обороны страны, безопасности государства и охраны правопорядка; в случае задержания субъекта персональных данных по подозрению в совершении преступления; в рамках противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма; если доступ субъекта персональных данных к его персональным данным нарушает права и законные интересы третьих лиц; при необходимости обеспечения устойчивого и безопасного функционирования транспортного комплекса.

Следует отметить, что перечень, закрепленный в ч. 8 ст. 14 ФЗ № 152, неполон, поскольку в ст. ст. 6, 10, 11 и 22 рассматриваемого Федерального закона закреплены и иные основания для обработки персональных данных без согласия субъекта персональных данных, что может рассматриваться как ограничение прав и свобод человека и гражданина. Например, если обработка персональных данных осуществляется для достижения целей, предусмотренных международным договором или законом (п. 2 ч. 1 ст. 6), в связи с участием лица в судопроизводстве (п. 3 ч. 1 ст. 6), в целях повышения эффективности государственного или муниципального управления (п. 9.1 ч. 1 ст. 6) и др.

Примерно такой же перечень приведен и в ст. 15 Индонезийского закона, где перечислены следующие случаи возможного ограничения:

a. интересы национальной обороны и безопасности;

b. интересы правоохранительного процесса;

c. общественные интересы в рамках их реализации государством;

d. интересы надзора за сектором финансовых услуг, денежно-кредитной, платежной системой и стабильностью финансовой системы в рамках государственного управления;

e. интересы статистики и научных исследований.

Более объемным и жестким в этом плане является разд. V Регламента, в котором перечислены основания для возможного ограничения прав и свобод в целях:

(*a*) национальной безопасности;

(*b*) обороны;

(*c*) общественной безопасности;

(*d*) предотвращения, расследования, раскрытия и обвинения по преступлениям или исполнения уголовных наказаний, включая защиту и предупреждение угроз общественной безопасности;

(*e*) иных важных целей общественного интереса Союза или государства – члена ЕС, в частности важных экономических или финансовых интересов Союза или государства – члена ЕС, включая денежные, бюджетные и налоговые вопросы, общественное здравоохранение и общественную безопасность;

(*f*) защиты независимости судебной власти и защиты судебного производства;

(*g*) предотвращения, расследования, раскрытия и уголовного преследования в отношении нарушения этики для регулируемых профессий;

(*h*) функции мониторинга, инспекционной и регулятивной функции, связанной, даже случайно, с осуществлением официальных полномочий в случаях, указанных в п. «*a*»–«*e*» и «*g*»;

(*i*) защиты субъекта данных или прав и свобод других лиц;

(*j*) исполнения решения по гражданско-правовым искам.

Несмотря на столь громадный простор для реализации этих пунктов, необходимо отметить, что любые законодательные меры, указанные в параграфе 1, должны содержать особые положения в отношении как минимум:

(*a*) целей обработки или категорий обработки;

(*b*) категорий персональных данных;

(*c*) объема и содержания введенных ограничений;

(*d*) гарантий против неправомерного использования, или несанкционированного доступа, или несанкционированной передачи;

(*e*) спецификации контролера или категорий контролеров;

(*f*) сроков хранения и существующих гарантий с учетом характера, объема и целей обработки или категорий обработки;

(*g*) рисков для прав и свобод субъектов данных;

(*h*) права субъекта данных получить информацию об ограничении, кроме случаев, когда это может нанести ущерб цели ограничения.

Вместе с тем представляется, что эти положения вряд ли могут быть эффективными ввиду применения таких абстракций, как «сущность основных прав и свобод», «необходимая и пропорциональная мера в демократическом обществе». Представляется, что возможные ограничения, прописанные в п. «*a*»–«*d*», «*h*»–«*j*», обоснованы, однако такие формулировки, к примеру, как в п. «*e*»: «иных важных целей общественного прогресса Союза или государства – члена ЕС…», дают необоснованную и чрезмерную дискрецию как наднациональным органам, так и органам на национальном уровне. Прийти к какому-то общему знаменателю, который отвечал бы вопросам соразмерности ограничения прав и свобод, в данном случае невозможно. При этом несомненным достоинством рассматриваемого Регламента является то, что обработка данных не может проводиться без ясных целей. Это видно исходя из вышеизложенных критериев, а также из ст. 30 Регламента, которая указывает, что обязательно должна иметься информация о цели обработки персональных данных, описания субъектов данных и категорий персональных данных.

Таким образом, можно сделать вывод, что перечень ограничений прав и свобод, содержащийся в российском законодательстве, является достаточно сбалансированным и демократичным. Вместе с тем ввиду отсутствия отдельной статьи, посвященной основаниям для ограничения прав и свобод, которыми должны оперировать органы государственной власти при решении вопроса о том, была ли необходимость в этих ограничениях, требуется дополнительное урегулирование данных вопросов в законодательстве. В связи с этим выработка и закрепление в ФЗ № 152 таких критериев, которые обязательны для всех субъектов рассматриваемой сферы правоотношений, являются одной из первоочередных задач.

Исходя из вышеизложенного мы предлагаем ввести ФЗ № 152 ст. 6.1 «Критерии ограничения прав субъекта персональных данных» следующего содержания:

1. В случае ограничения прав субъекта персональных данных предусматриваются следующие особые положения:

1) цели обработки персональных данных;

2) тип персональных данных

3) вид персональных данных;

4) объем и содержание введенных ограничений;

5) срок хранения персональных данных и существующие гарантии с учетом характера, объема, целей обработки персональных данных определенного вида;

6) гарантии против неправомерного использования персональных данных.

При проведении оперативно-разыскной деятельности или указанных в настоящем законе ограничений может быть указана информация, предусмотренная п. 1–4 настоящей статьи, если это не нанесет ущерб цели ограничения.

Представляется, что внесение вышеперечисленных изменений и дополнений в ФЗ № 152 повысит эффективность правовой защиты персональных данных в Российской Федерации.

Заключение

Таким образом, проведенный выше анализ российского и зарубежного законодательства, научной литературы позволил выявить ряд проблем в сфере правовой защиты персональных данных.

С учетом выявленных проблем обоснована необходимость повышения правовой определенности положений российского законодательства в сфере правовой защиты персональных данных посредством:

– уточнения и законодательного закрепления понятийного аппарата, типологии персональных данных;

– дополнения перечня принципов обработки персональных данных;

– введения критериев возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных.

Исходя из полученных научных результатов разработан и предложен для внесения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» ряд изменений и дополнений, направленных на повышение эффективности правовой защиты персональных данных в РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

2. *Бембеева Б. С.* Право на защиту персональных данных и различные категории персональных данных // Право в сфере интернета : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О пер-

сональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3915.

4. *Талапина Э. В.* Право на защиту персональных данных с позиций публичного права // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10.

5. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных/*General Data Protection Regulation/GDPR*) // О GDPR на русском : сайт. URL: https://ogdpr.eu/ru (дата обращения: 04.05.2023).

6. Закон о защите личных данных Индонезии // Database Peraturan : сайт. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Details/229798/uu-no-27-tahun-2022#:~:text=UU%20No.%2027%20Tahun%202022,Data%20Pribadi%20%5BJDIH%20BPK%20RI%5D&text=LN.2022%2FNo.196,go.id%3A%2034%20hlm (дата обращения: 04.05.2023).

7. *Добробаба М. Б.* Понятие персональных данных : проблема правовой определенности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 2.

8. *Рузанова В. Д.* Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство : теория и практика. 2022. № 3 (69).

9. *Кирьянова Л. В.* Правовой статус субъектов в институте «охрана персональных данных» // Юридическая наука. 2023. № 4.

10. *Bygrave L. A.* Data Privacy Law : An International Perspective. Oxford : Oxford University Press, 2014.

11. *Kuner C., Bygrave L. A., Docksey C.* The EU General Data Protection Regulation (GDPR) : A Commentary. Oxford : Oxford University Press, 2020.

References

1. Federal Law of 27 July 2006 No. 152-FZ "On Personal Data". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 31 (part 1), art. 3451. (In Russ.)

2. *Bembeeva B. S.* The Right to Protection of Personal Data and Different Categories of Personal Data. In *Rozhkova M. A. (ed.).* Law in the Sphere of the Internet: Collection of Articles. Moscow: Statut, 2018. (In Russ.)

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 May 2021 No. 22-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Paragraph 8 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law 'On Personal Data' in Connection with the Complaint of the Limited Liability Company 'Medrating'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 22, art. 3915. (In Russ.)

4. *Talapina E. V.* The Right to Protection of Personal Data from the Standpoint of Public Law. *Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 10. (In Russ.)

5. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: https://ogdpr.eu/ru (date of the application: 04.05.2023).

6. Personal Data Protection Law of Indonesia. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Details/229798/uu-no-27-tahun-2022#:~:text=UU%20No.%2027%20Tahun%20

2022,Data%20Pribadi%20%5BJDIH%20BPK%20RI%5D&text=LN.2022%2FNo.196,go.id%3A%2034%20hlm (date of the application: 04.05.2023).

7. *Dobrobaba M. B.* The Concept of Personal Data: The Problem of Legal Certainty. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 2. (In Russ.)

8. *Ruzanova V. D.* Personal Data as a Civil-Law Category. *Legal State: Theory and Practice*, 2022, no. 3 (69). (In Russ.)

9. *Kirianova L. V.* Legal Status of Subjects in the Institute "Protection of Personal Data". *Legal Science*, 2023, no. 4. (In Russ.)

10. *Bygrave L. A.* Data Privacy Law: An International Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2014.

11. *Kuner C., Bygrave L. A., Docksey C.* The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Сведения об авторах:

А. Ю. Яковлева-Чернышева – доктор экономических наук, доцент.

Р. Н. Данелян – кандидат юридических наук, доцент.

В. А. Яковлев-Чернышев – студент 4-го курса.

Information about the authors:

A. Yu. Yakovleva-Chernysheva – Doctor of Economics, Associate Professor.

R. N. Danelyan – PhD in Law, Associate Professor.

V. A. Yakovlev-Chernyshev – Fourth-Year Student.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 22.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 11.05.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 22.07.2023.

Научная статья
УДК 349.2
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-128-135

ИНОСТРАННЫЙ ГРАЖДАНИН КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Юлия Александровна Лютаревич-Гефтер

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

gefter.84@list.ru

Аннотация

Трудовое законодательство не содержит норм, предусматривающих специальную дисциплинарную ответственность для иностранных граждан и апатридов. В связи с изложенным актуален вопрос ее введения. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, которые могли бы стать основаниями для отнесения такой категории работников к специальному субъекту дисциплинарной ответственности. Исследование проводилось на основе методов сравнительного анализа и синтеза, формально-юридического анализа, а также общенаучных методов познания. Научная новизна выражается в формулировании вывода о целесообразности применения к указанной категории работников специальной дисциплинарной ответственности в виде расторжения трудового договора в случае несообщения либо несвоевременного сообщения работодателю о возникновении обстоятельств, с которым законодательство связывает обязанность сторон прекратить трудовой договор. Также предлагается запретить работодателям, финансируемым за счет бюджетных средств, принимать на работу иностранных граждан (апатридов), ранее уволенных за виновные действия.

Ключевые слова: иностранный гражданин; дисциплинарная ответственность; дисциплинарный проступок; дифференциация регулирования труда.

Для цитирования: *Лютаревич-Гефтер Ю. А.* Иностранный гражданин как специальный субъект дисциплинарной ответственности // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 128–135. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-128-135

Research Article

A FOREIGN CITIZEN AS A SPECIAL SUBJECT OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY

Yulia A. Lyutarevich-Gefter

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

gefter.84@list.ru

Abstract

Labor legislation does not contain norms providing for special disciplinary liability for foreign citizens and stateless persons. In connection with the above, the question of its introduction is relevant. The purpose of this work is to identify the features of the legal status of foreign citizens and stateless persons, which could become grounds for classifying such a category of workers as a special subject of disciplinary responsibility. The study was conducted on the basis of methods of comparative analysis and synthesis, formal legal analysis, as well as general scientific methods of cognition. Scientific novelty is expressed in the formulation of a conclusion on the advisability of applying to the specified category of workers special disciplinary liability in the form of termination of the employment contract in case of failure to notify or untimely notification to the employer about the occurrence of circumstances with which the legislation associates the obligation of the parties to terminate the employment contract. It is also proposed to prohibit employers financed from the budget to hire foreign citizens (stateless persons) who were previously dismissed for guilty actions.

Keywords: foreign citizen; disciplinary responsibility; disciplinary offense; differentiation of labor regulation.

For citation: *Lutarevich-Gefter Yu. A.* A Foreign Citizen as a Special Subject of Disciplinary Responsibility. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 128–135. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-128-135

Введение

Отраслью трудового права предусмотрены специальные, характерные только для нее виды ответственности: дисциплинарная и материальная. Теоретическому осмыслению данных видов ответственности ученые уделяли значительное внимание со времени становления трудового права, как самостоятельной отрасли. В итоге было сформировано и обосновано значительное количество воззрений на правовую природу и содержание дисциплинарной и материальной ответственности.

Следует отметить, что согласно современным воззрениям основанием как дисциплинарной, так и материальной ответственности признается дисциплинарный проступок [1, с. 38–39]. Под ним понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей (ч. 1 ст. 192 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ)).

Также ученые предпринимали попытки сформулировать определение дисциплинарной ответственности. Например, В. Н. Скобелкин понимал под данным термином «обязанность рабочего или служащего понести наказание, предусмотренное трудовым законодательством за виновное и противоправное неисполнение своих трудовых обязанностей» [2, с. 11]. Практически аналогичное по смыслу определение дисциплинарной ответственности предлагала и Л. А. Сыроватская [3, с. 47].

Таким образом, теория дисциплинарной ответственности была разработана еще советскими учеными и развита современными исследователями. Вместе с тем в 2014 г. ТК РФ был дополнен гл. 50.1, регулирующей особенности трудовой деятельности работников, не имеющих российского гражданства. В данную главу дважды вносились изменения, но специальных норм о дисциплинарной ответственности иностранных граждан ТК РФ не содержит.

Общепризнанным в науке трудового права является мнение о существовании общего и специального субъектов дисциплинарной ответственности, при этом общая ответственность устанавливается ТК РФ, а специальная – уставами и положениями о дисциплине [4, с. 5]. Важно отметить, что в силу ч. 4 ст. 192 ТК РФ нельзя применять дисциплинарные взыскания, не предусмотренные федеральными законами, уставами или положениями о дисциплине. При этом согласно ч. 5 ст. 189 ТК РФ уставы или положения о дисциплине должны устанавливаться исключительно федеральными законами. Значит, чтобы применить к работнику дисциплинарное взыскание, не указанное в ТК РФ, необходимо, чтобы этот работник являлся специальным субъектом дисциплинарной ответственности и в отношении него действовали какие-либо уставы или положения о дисциплине, надлежащим образом утвержденные.

Согласно превалирующей в научных кругах позиции основаниями для выделения специального субъекта дисциплинарной ответственности являются ответственный характер трудовой функции или трудовых обязанностей [5, с. 33].

Таким образом, ученые, как правило, связывают установление особенностей дисциплинарной ответственности, как в отношении ее видов, так и в отношении особенностей применения, с объективными причинами – специфическим характером работы или условиями ее выполнения. Например, в ТК РФ закреплены дополнительные основания привлечения к дисциплинарной ответственности для педагогических работников (п. 1 ст. 336), спортсменов (ст. 348.11). Расторжение трудового договора с дистанционными работниками за их отказ без уважительной причины взаимодействовать с работодателями более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса по своему правовому смыслу также является видом дисциплинарного взыскания, хотя он напрямую не указан в ч. 3 ст. 192 ТК РФ. Данный вывод следует из анализа содержания ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ.

В связи с изложенным возникает вопрос о том, может ли введение специального субъекта дисциплинарной ответственности быть обусловлено не особым характером трудовой функции и обязанностей, а спецификой личности самого работни-

ка, как иностранного гражданина (здесь и далее под иностранными гражданами будут пониматься также лица без гражданства). Иными словами, необходимо определить, целесообразно ли установить для работников, не имеющих российского гражданства, специальные виды дисциплинарной ответственности или же специальные основания ее применения исходя из особенностей правового положения такой категории лиц.

Вопрос практической целесообразности и научной обоснованности признания иностранных граждан специальными субъектами дисциплинарной ответственности является чрезвычайно актуальным, поскольку в РФ работает значительное их количество. Особенности приема их на работу и осуществления ими трудовой деятельности весьма специфичны, поскольку обусловлены обязательностью наличия специальных документов и (или) прохождения определенных административных процедур, как самими иностранными гражданами, так и их работодателями. При этом в ст. 327.3 ТК РФ закреплены дополнительные документы, необходимые для приема иностранного гражданина на работу, а в ст. 327.4, 327.6 ТК РФ установлены особенности перевода на другую работу и дополнительные основания прекращения трудового договора с данной категорией работников. Особенности перевода и увольнения также связаны со спецификой указанных работников, как лиц, не имеющих гражданства РФ. Таким образом, в рассматриваемом случае уже зафиксированные в законодательстве особенности правового регулирования труда связаны не со спецификой трудовой функции, а с особенностями статуса физических лиц по нормам административного права. В связи с изложенным особенно важно стимулировать иностранных граждан соблюдать трудовое законодательство, а также предоставить работодателям адекватную возможность привлечения их к ответственности за нарушение трудовой дисциплины.

Научная новизна настоящей работы заключается в установлении и обосновании возможности признания иностранных граждан специальными субъектами дисциплинарной ответственности, а также внесении предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Признание иностранных граждан специальными субъектами дисциплинарной ответственности

Несмотря на отсутствие в ТК РФ и иных федеральных законах каких-либо особенностей дисциплинарной ответственности иностранных граждан, некоторые такие особенности зафиксированы на межгосударственном уровне. Например, в подп. «б» п. 3 ст. 7 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам от 29 сентября 1992 г. «О принципах направления и приема вьетнамских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях Российской Федерации» (далее – Соглашение) указано, что если гражданин Социалистической Республики Вьетнам систематически допускает нарушения трудовой дисциплины, то трудовой договор с данным работником может быть прекращен досрочно.

Необходимо обратить внимание, что в рассматриваемой норме Соглашения указывается на систематическое нарушение трудовой дисциплины, хотя ТК РФ данным понятием не оперирует. В частности, согласно п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ работода-

тель вправе расторгнуть трудовой договор с работником за неоднократное (а не систематическое) неисполнение последним без уважительных причин своих трудовых обязанностей. Кроме того в анализируемой норме Соглашения не указано, что расторгнуть трудовой договор с гражданином Вьетнама можно лишь в том случае, когда он, уже будучи привлеченным к дисциплинарной ответственности в виде замечания или выговора, допустил новое нарушение. А ведь совершение работником, уже имеющим дисциплинарное взыскание, нового проступка – обязательное условие для законности увольнения по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Таким образом, из буквального толкования Соглашения следует, что уволить гражданина Вьетнама можно и в том случае, когда он совершил несколько дисциплинарных проступков в один день. В связи с этим очевиден недостаток в юридической технике данного Соглашения, поскольку, во-первых, ТК РФ не в полной мере с ним согласуется, оперируя различными терминами, а во-вторых, в диспозиции п. 3 ст. 7 Соглашения использован термин «прекращение трудовых отношений». Хотя согласно сложившейся научной доктрине и в соответствии со ст. 77–82, 84 ТК РФ если инициатором увольнения стала одна из сторон или обе стороны трудового договора, то он подлежит расторжению, а не прекращению. Вместе с тем анализ Соглашения имеет скорее теоретическое, а не прикладное значение, поскольку практика по трудовым спорам, в которых суды ссылались бы на подп. «б» п. 3 ст. 7 Соглашения, отсутствует.

Иных международных правовых актов, в которых бы предусматривались дополнительные виды или основания привлечения иностранных граждан к дисциплинарной ответственности, выявить не удалось. Изложенное означает, что на уровне международных договоров иностранные граждане не рассматриваются как специальные субъекты дисциплинарной ответственности. Следовательно, правовое регулирование соответствующих вопросов остается на усмотрение национального законодателя.

К вопросу введения в отношении иностранных граждан дополнительных оснований или видов дисциплинарной ответственности следует подходить с должной осмотрительностью. Ведь такие работники и без того, как правило, слабо защищены на практике от злоупотреблений со стороны работодателей в силу недостаточной правовой культуры и низкой квалификации.

Следует отметить, что один из основных методов трудового права – это сочетание единства и дифференциации в правовом регулировании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Единство проявляется в установлении общих для всех правил, дифференциация – в закреплении особенностей регулирования труда. При этом согласно ст. 251 ТК РФ под особенностями регулирования труда понимаются нормы, частично ограничивающие применение общих правил по тем же вопросам либо предусматривающие для отдельных категорий работников дополнительные правила. Кроме того, ч. 1 ст. 252 ТК РФ устанавливает, что особенности регулирования труда, влекущие за собой снижение уровня гарантий работникам, ограничение их прав, повышение их ответственности, могут устанавливаться исключительно ТК РФ либо в случаях и порядке, им предусмотренных. Таким образом, дифференциация, ухудшающая правовое положение работников, допускается только, если это предусмотрено ТК РФ во избежание превращения ее в дискриминацию. В связи с изложенным важно, с одной стороны, обеспечить возможность привлече-

ния иностранных граждан к дисциплинарной ответственности за дисциплинарные проступки, обусловленные спецификой их статуса, а с другой стороны, не допустить дискриминации работников по признаку отсутствия у них гражданства РФ.

Иностранным гражданам для осуществления трудовой деятельности в РФ требуются специальные документы. Кроме того, уполномоченный государственный орган может принять решение о нежелательности пребывания того или иного иностранного гражданина в РФ. В связи с изложенным правомерным было бы установление дисциплинарной ответственности в виде увольнения за несообщение либо несвоевременное сообщение работодателю об аннулировании документа, который в соответствии со ст. 327.3 ТК РФ необходим иностранному гражданину для осуществления трудовой деятельности, а равно за несообщение либо несвоевременное сообщение работодателю информации об иных юридических фактах, которые влекут невозможность сохранения трудовых отношений в соответствии с трудовым законодательством, иными федеральными законами или международными договорами.

Предлагаемая формулировка выглядит достаточно общей, что позволило бы использовать ее в различных ситуациях, когда иностранный гражданин своевременно не сообщил работодателю о юридических фактах, имеющих значение для возможности сохранения трудовых отношений. Для введения дополнительного основания привлечения к дисциплинарной ответственности в виде увольнения предлагается дополнить ч. 1 ст. 327.6 и ч. 3 ст. 192 ТК РФ соответствующими положениями.

Подобное нововведение стимулировало бы иностранных граждан своевременно информировать работодателей об истечении срока действия или аннулировании документа, необходимого иностранцу для осуществления трудовой деятельности, а равно наступлении иного юридически значимого обстоятельства, с которым ТК РФ связывает необходимость прекращения трудовых отношений. Таким образом, в случае, если бы работодатель был своевременно проинформирован о необходимости прекращения трудового договора с иностранным гражданином по одному из оснований, ныне закрепленных в ст. 327.6 ТК РФ, прекращение трудового договора осуществлялось бы по данному основанию. В случае несообщения иностранным гражданином о наличии юридических фактов, обусловливающих обязанность прекратить трудовой договор, у работодателя была бы возможность уволить такого работника за виновные действия по новому основанию.

Кроме того, представляется целесообразным рассмотреть возможность установления запрета иностранным гражданам, уволенным за нарушение трудовой дисциплины, в течение определенного срока заключать новые трудовые договоры, по крайней мере, с работодателями, финансируемыми за счет бюджетных средств. В настоящее время дисциплинарный проступок, каким бы грубым он ни был, не влечет для иностранного гражданина негативных последствий с точки зрения административного законодательства, поскольку увольнение за нарушение трудовой дисциплины не является основанием для аннулирования патента или разрешения на работу либо невыдачи новых документов. Такой вывод следует из анализа п. 22 ст. 13.3, п. 9–9.2, 9.7, 9.8 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Помимо вышеуказанного следует обратить внимание на то, что при приеме на новую работу соискатель с иностранным гражданством может, например, заявить

об утере трудовой книжки или представить поддельные сведения о трудовой деятельности. В такой ситуации потенциальному работодателю может быть сложно узнать о подлинном основании увольнения иностранного гражданина с прежнего места работы. В этой связи необходимо указать на наличие судебной практики, признавшей законным и обоснованным отказ в приеме на работу из-за увольнения с прежнего места работы за виновные действия. Так, в ряде дел суды пришли к выводу о том, что отказ в приеме на работу из-за совершенного у другого работодателя дисциплинарного проступка доказывает отсутствие у соискателя необходимых деловых качеств [6; 7]. А такой отказ законен в силу ч. 1 ст. 64 ТК РФ.

Заключение

На основании проведенного в статье исследования предлагается признать иностранных граждан специальным субъектом дисциплинарной ответственности и предусмотреть для данной категории работников особое основание привлечения к дисциплинарной ответственности в виде увольнения за несообщение работодателю об аннулировании документа, который в соответствии со ст. 327.3 ТК РФ необходим иностранному гражданину для осуществления трудовой деятельности, а равно за несообщение либо несвоевременное сообщение работодателю информации об иных юридических фактах, которые влекут невозможность сохранения трудовых отношений.

Также предлагается дополнить гл. 50.1 ТК РФ нормами, запрещающими работодателям, полностью или частично финансируемыми за счет средств федерального, регионального или местного бюджетов, принимать на работу иностранных граждан, ранее уволенных за нарушение трудовой дисциплины или иные виновные действия. Срок – в течение одного года со дня увольнения за нарушение трудовой дисциплины или иные виновные действия. Указанный срок представляется обоснованным, поскольку согласуется с ч. 1 ст. 194 ТК РФ, в соответствии с которой дисциплинарное взыскание считается погашенным спустя год со дня его применения.

Для того чтобы потенциальным работодателям было проще узнать об основании увольнения иностранного гражданина с прежнего места работы предлагается доработать подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие выдачу документов, необходимых иностранным гражданам для осуществления трудовой деятельности. В частности, следует усовершенствовать приказы МВД России от 30 июля 2020 г. № 533, от 2 ноября 2021 г. № 805 с тем, чтобы при увольнении по основаниям, признаваемым ТК РФ дисциплинарными взысканиями или иными виновными действиями, соответствующий факт был отражен в разрешении на работу или патенте, если такой документ требуется иностранному гражданину для осуществления трудовой функции в соответствии с законодательством. Указанная мера позволила бы потенциальным работодателям быть своевременно информированными о прошлом негативном трудовом опыте соискателя, не имеющего российского гражданства. Также если бы указание на увольнение за дисциплинарный проступок содержалось в разрешении на работу или патенте, то потенциальным работодателям было бы проще обосновывать правомерность отказа иностранному гражданину в приеме на работу.

Пристатейный библиографический список

1. *Забрамная Е. Ю.* Развитие научных представлений о правонарушении как основании ответственности по трудовому праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 1.
2. *Скобелкин В. Н.* Дисциплинарная ответственность рабочих и служащих. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985.
3. *Сыроватская Л. А.* Ответственность за нарушение трудового законодательства. М. : Юрид. лит., 1990.
4. *Гейц И. В.* Ответственность за нарушение трудового законодательства. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Дело и Сервис, 2006.
5. *Гусов К. Н., Полетаев Ю. Н.* Ответственность по российскому трудовому праву : научно-практическое пособие. М. : ТК Велби ; Изд-во Проспект, 2008.
6. Апелляционное определение Орловского областного суда от 2 октября 2019 г. по делу № 33-2847/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Волгодонского районного суда Ростовской области от 10 мая 2011 г. по делу № 2-1726/11 // СПС «Гарант».

References

1. *Zabramnaia E. Iu.* Development of Scientific Ideas About the Offense as a Basis for Liability Under Labor Law. *Labor Law in Russia and Abroad*, 2022, no. 1. (In Russ.)
2. *Skobelkin V. N.* Disciplinary Responsibility of Workers and Employees. Voronezh: Central Chernozem Book Publishing House, 1985. (In Russ.)
3. *Syrovatskaia L. A.* Responsibility for Violation of Labor Legislation. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1990. (In Russ.)
4. *Geitz I. V.* Responsibility for Violation of Labor Legislation. 2nd ed. Moscow: Delo & Servis, 2006. (In Russ.)
5. *Gusov K. N., Poletaev Iu. N.* Liability Under Russian Labor Law: Scientific and Practical Guide. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2008. (In Russ.)
6. Appeal Ruling of the Oryol Regional Court of 2 October 2019 on the Case No. 33-2847/2019 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
7. Decision of the Volgodonsk District Court of the Rostov Region of 10 May 2011 on the Case No. 2-1726/11 SPS ("Garant"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Ю. А. Лютаревич-Гефтер – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:
Yu. A. Lyutarevich-Gefter – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 10.07.2023.
The article was submitted to the editorial office 06.04.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья
УДК 336.5
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-136-146

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ

Софья Рафиковна Гурьева

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rpa@rpa-mjust.ru

Аннотация

Актуальность проблематики обусловлена созданием равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Предметом исследования является анализ принципа обеспечения конкуренции при заключении государственных контрактов. Цель – выявление условий, при которых реализуется или ограничивается данный принцип при осуществлении государственных закупок. В статье использованы формально-догматический, системный и специальный методы. Автор приходит к выводу, что при заключении контрактов конкуренция обеспечивается путем использования конкурентных способов определения поставщика, установления единых требований к участникам закупок и описанию объекта закупки. Однако как при правовом регулировании, так и в процессе правоприменения важно обеспечивать баланс между созданием условий для привлечения максимального количества участников закупки и эффективностью удовлетворения публичных нужд, поскольку не всегда максимальный уровень конкуренции ведет к положительным последствиям для государства.

Ключевые слова: конкуренция; государственные закупки; государственный контракт; описание объекта закупки; аукцион; запрос котировок; закупка у единственного поставщика.

Для цитирования: *Гурьева С. Р.* Обеспечение конкуренции при заключении государственных контрактов // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 136–146. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-136-146

Research Article

ENSURING COMPETITION IN THE CONCLUSION OF GOVERNMENT CONTRACTS

Sofya R. Gurieva

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

The relevance of the problem is due to the creation of equal conditions for ensuring competition between procurement participants. The subject is the study of the principle of ensuring competition in the conclusion of government contracts. The purpose is to identify the conditions under which this principle is implemented or limited in the implementation of public procurement. The article uses formal dogmatic, systematic and special methods. The author comes to the conclusion that when concluding contracts, competition is ensured by using competitive methods of determining the supplier, establishing uniform requirements for procurement participants and describing the object of purchase. However, both in legal regulation and in the process of law enforcement, it is important to ensure a balance between creating conditions for attracting the maximum number of procurement participants and the effectiveness of meeting public needs, since the maximum level of competition does not always lead to positive consequences for the state.

Keywords: competition; public procurement; state contract; description of the object of purchase; auction; request for quotations; purchase from a single supplier.

For citation: *Gurieva S. R.* Ensuring Competition in the Conclusion of Government Contracts. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 136–146. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-136-146

Введение

Одним из принципов Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее – Закон о контрактной системе) назван принцип обеспечения конкуренции. Статья 8 названного Закона прямо закрепляет, что контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Фе-

дерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Легальное определение конкуренции закреплено в ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2], согласно которой под конкуренцией понимается соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. В экономической литературе используется схожее определение конкуренции как соперничества между отдельными субъектами рыночного хозяйства за наиболее выгодные условия производства и реализации товаров [3, с. 144]. В современном экономическом словаре конкуренция также определяется как «состязание между производителями (продавцами) товаров…» [4, с. 197]. Таким образом, можно констатировать, что и в праве, и в экономической науке конкуренция понимается как соперничество, при этом в правовом аспекте конкуренция рассматривается как соперничество, которое осуществляется в строгом соответствии с установленными правилами. Задачей права является создать «правила», по которым могут «соревноваться» между собой хозяйствующие субъекты.

1. Значение обеспечения конкуренции при осуществлении закупок

Можно сказать, что обеспечение конкуренции является одной из целей специального регулирования отношений в сфере публичных. Об этом свидетельствуют ограничения заказчиков в возможности выбора контрагента, установлении требований к ним и т.д. По словам Е. В Вавилина, «принцип обеспечения конкуренции призван создать равные условия для участников закупок (п. 1 ст. 8 Закона о контрактной системе) и является частным проявлением принципа равенства в гражданско-правовых отношениях. Этот императив запрещает необоснованное ограничение числа участников закупок» [5, с. 379]. Л. В. Андреева отмечает, что «принцип обеспечения конкуренции является одним из основных принципов государственных (муниципальных) закупок» [6, с. 14]. Таким образом, обеспечение конкуренции предполагает создание равных условий всем хозяйствующим субъектам для участия в государственных и муниципальных закупках.

Как уже было показано, обеспечение необходимого уровня конкуренции при осуществлении закупок достигается введением определенных ограничений для заказчика при заключении контракта. Ф. А. Тасалов подчеркивает, что «определение в законодательстве мер, направленных на обеспечение конкуренции при выборе заказчиком поставщиков, способствует формированию конкурентного рынка, стимулирует предложение на качественные товары, работы и услуги, позволяет государственным заказчикам получать качественную продукцию и оказывает прямое влияние на исполнение поставщиком обязательств по государственному контракту. Конкуренция выступает важнейшим инструментом развития государственного рынка товаров, работ, услуг, повышая эффективность государственных закупок и способствуя формированию обоюдовыгодных, умеренных цен» [7, с. 147]. Очевидно, что все меры, которые направлены на обеспечение конкуренции, являются

по своей сути ограничениями свободы договора для заказчика. Бесспорно, что для государственных и муниципальных заказчиков таких ограничений должно быть значительно больше, чем для иных хозяйствующих субъектов, поскольку при осуществлении публичных закупок обеспечивается удовлетворение государство, что прямо связано с выполнением государством своих функций.

Стоит признать, что конкуренцию и ее обеспечение нельзя рассматривать как конечную цель при правовом регулировании закупок, так как конкуренция выступает скорее средством, а не целью. Целью же осуществления любой закупки должно быть максимально эффективное удовлетворение государственных и муниципальных нужд. Высокий уровень конкуренции должен вести к повышению эффективности закупок и более рациональному расходованию денежных средств. В то же время не всегда максимальная конкуренция, привлечение большего количества участников является благом для государства и общества. К примеру, при проведении аукциона победитель определяется исключительно по ценовому критерию, но можно ли говорить тогда о том, что без учета иных характеристик исполнителя, публичные нужды будут удовлетворены максимально эффективно. Как справедливо подчеркивает О. А. Беляева, «самое привлекательное по цене предложение редко оказывается на практике самым выгодным. Заниженная цена часто означает, что поставщик переоценил свои возможности, работает себе в убыток или на пределе рентабельности и, следовательно, не имеет резерва надежности» [8, с. 122]. Действительно, такая ситуация может негативно сказаться на эффективности удовлетворения публичных нужд, что ставит проблему обеспечения баланса между стремлением к обеспечению конкуренции и результативностью закупок. Следует согласиться с утверждением В. А. Кондратьева о том, что в сфере закупок наблюдается противостояние между необходимостью обеспечения конкуренции и эффективностью закупок [9, с. 77]. Безусловно, надлежащая конкуренция должна способствовать эффективности закупок, прежде всего рациональному расходованию бюджетных средств, но в ряде случаев максимальное обеспечение конкуренции может иметь обратный эффект. Наиболее ярким примером, который показывает, что максимальное количество участников не всегда является благом, является позиция Верховного Суда РФ о том, что указание заказчиком в аукционной документации особых характеристик товара, которые отвечают его потребностям и необходимы заказчику с учетом специфики использования такого товара, не может рассматриваться как ограничение круга потенциальных участников закупки [10].

Действительно, конкуренция имеет крайне важное значение при осуществлении закупок и зачастую является предпосылкой эффективности закупки, но достижение максимального уровня конкуренции не должно рассматриваться в качестве единственной цели правового регулирования публичных закупок.

2. Исключения из принципа обеспечения конкуренции

Закон о контрактной системе содержит ряд примеров ограничения конкуренции, самый яркий из них – установление преференций при осуществлении закупок субъектами малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций (ст. 30 Закона о контрактной системе). Приведенные

правила являются исключениями из принципа обеспечения конкуренции, так как происходит отступление от равенства участников закупок. Цели подобных ограничений обуславливаются, как правило, теми или иными направлениями государственной политики, хотя сами меры, зачастую справедливо, критикуются в юридической литературе [11, с. 26–31].

На уровне правового регулирования допустимые отступления от принципа обеспечения конкуренции прямо закреплены, однако на уровне правоприменения возникают сложности, поскольку принципы и нормы права ввиду своего абстрактного характера не могут предусмотреть регулирование для каждой возможной ситуации. Оценку тех или иных действий участников контрактной системы как ограничивающих конкуренцию представляется возможным рассмотреть на примере реализации конкретных мер, направленных на поддержание конкуренции. Поскольку конкуренция между участниками закупок происходит за такое благо, как право на заключение контракта, то основными инструментами, с помощью которых законодатель обеспечивает равный доступ к закупкам, выступают, во-первых, требование об осуществлении закупки путем проведения конкурентных процедур, во-вторых, установление единых требований к участникам закупок, в-третьих, закрепление требований к описанию объекта закупки и условиям исполнения контракта.

3. Реализация мер, направленных на поддержание конкуренции

Проведение публичных процедур способствует развитию конкуренции за обладание правом исполнения договора путем создания условий выбора контрагента, предлагающего наилучшие условия, что обеспечивает равный доступ к исполнению договора всех заинтересованных лиц. Непроведение публичных процедур, когда это необходимо в силу закона, свидетельствует о предоставлении необоснованных преимуществ при осуществлении хозяйственной деятельности поставщику (подрядчику, исполнителю) и о возможном достижении соглашения, направленного на ограничение конкуренции [12].

Законодательство о контрактной системе устанавливает в качестве общего правила необходимость осуществления закупок конкурентными способами, тогда как закупка у единственного поставщика рассматривается в качестве исключения из общего правила. Исходя из смысла Закона о контрактной системе приоритетным способом определения поставщика является аукцион, так как именно для аукциона законодатель устанавливает случаи, когда заказчик обязан его проводить. Использование других способов определения поставщика является правом заказчика. Например, применительно к запросу котировок законодатель устанавливает в ч. 10 ст. 24 Закона о контрактной системе ограниченный перечень случаев, когда заказчик вправе использовать данный способ определения поставщика.

Использование способов определения поставщика в нарушение установленных правил рассматривается как нарушение, которое влечет за собой меры как гражданско-правового, так и административного характера.

В правоприменительной практике возникает достаточно много неоднозначных ситуаций, которые связаны с оценкой правомерности выбора того или иного

способа определения поставщика, которые не имеют четкого ответа в законодательстве, и правоприменители вынуждены оценивать те или иные действия (бездействие) на предмет ограничения конкуренции.

Так, весьма актуальным в правоприменительной практике является вопрос квалификации дробления «малой закупки». В ч. 4 ст. 93 Закона о контрактной системе предусмотрено право заказчика на закупку у единственного поставщика на сумму до 600 000 руб. Под дроблением понимается заключение нескольких контрактов, которые в отдельности не превышают установленного лимита, но их совокупная сумма больше, чем предусмотренный законодателем предел. При этом в законодательстве какого-либо специального указания на счет данных действий нет, Верховный Суд РФ пришел к тому, что они являются неправомерными, исходя из принципа обеспечения конкуренции и смысла законодательства о закупках. Суд отметил, что заказчик осуществил искусственное дробление объекта закупки с тем, чтобы обойти требование закона о размещении заказа посредством конкурентных процедур и создать формальные условия, предусмотренные подп. 4 п. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, для заключения договоров с единственным поставщиком, когда фактически основания для этого отсутствовали [13].

Однако в правоприменительной практике встречается и обратная позиция. Так, по мнению ФАС России, само по себе неоднократное приобретение одноименных товаров, работ, услуг у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) с соблюдением требований, установленных п. 4, 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, не является нарушением требований Закона о контрактной системе (например, заключение трех договоров от 25 октября 2019 г. на поставку бумаги формата А4 с единственным поставщиком на сумму 290 000 руб. каждый), если такие действия не являются результатом антиконкурентного соглашения (ст. 16 Закона о защите конкуренции) [14].

Эти примеры приводят к вопросу о допустимости отступления от требования о проведении закупки с использованием конкурентных процедур. При анализе судебной практики можно наблюдать, что суды в целом негативно оценивают ссылки заявителей на какие-либо внешние обстоятельства, которые могли препятствовать проведению конкурентных процедур. Так, к примеру, суд не принял довод заказчика о том, что администрацией фактическое было произведено дробление общего объема работ по ремонту автомобильной дороги, в связи с нехваткой времени проводить аукцион и готовить аукционную документацию по причине подготовки к началу уборочной кампании [15]. Аварийное состояние объекта также не рассматривается как обстоятельство, которое позволяет отступить от принципа обеспечения конкуренции [16].

Обратных примеров единицы. Так, можно отметить судебный акт, в котором суд учел обстоятельства, связанные с однократностью закупки и сокращенностью сроков, которые были отведены заказчику для выполнения государственного задания по обеспечению вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел, задействованных в мероприятиях по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка в период подготовки и проведения в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу *FIFA 2018*. При рассмотрении дела было

установлено, что лимиты денежных средств, необходимые для закупки необходимого обмундирования (в частности обуви), были доведены до учреждения лишь 26 марта 2018 г., между тем срок выполнения поставленной задачи был ограничен 14 мая 2018 г. Таким образом, учитывая суммарную регламентированную Законом о контрактной системе длительность этапов конкурентных закупочных процедур, суды пришли к выводу об объективной невозможности их проведения в ситуации, при которой потребность в оперативном вещевом обеспечении сотрудников органов внутренних дел имела приоритетное значение [17].

Тем самым правоприменительная практика достаточно строго подходит к оценке действий, связанных с отступлением от требований, связанных с проведением конкурентных процедур, даже при наличии каких-либо веских причин суды рассматривают действия, как ограничивающие конкуренцию, что объясняется наличием в законодательстве достаточно строгих формальных требований к их проведению и ограниченный перечень исключений.

Несколько иная ситуация складывается при оценке правомерности описания объекта закупки, поскольку в этом аспекте правовое регулирование ограничивается лишь общими требованиями к описанию объекта закупки. При рассмотрении споров, связанных с описанием объекта закупки, суды зачастую ссылаются на то, что требования к предлагаемому к поставке товару сформированы заказчиком исходя из его потребности, что не может само по себе рассматриваться как ограничение количества потенциальных участников данной закупки, при этом доказательства объективного отсутствия у заказчика необходимости в получении продукции с теми качественными, функциональными и техническими характеристиками, которые указаны в аукционной документации, не представлены [18].

Безусловно, можно встретить и обратные примеры, когда установление уникальных характеристик товара рассматривается как ограничение конкуренции [19], однако к такому выводу суды приходят, как правило, в тех случаях, когда заказчик не может обосновать необходимость приобретения товара с теми или иными параметрами.

Соответственно, при описании объекта закупки наибольшим образом проявляется противоречие между обеспечением конкуренции и эффективностью закупок, поскольку, как правило, более подробное описание закупаемого товара ведет к ограничению количества участников. Однако из анализа правоприменительной практики можно сделать вывод, что суды встают на сторону заказчиков, если он нуждается в товаре, обладающем какими-либо уникальными характеристиками товара.

И еще один аспект, который может повлиять на уровень конкуренции при обеспечении закупок, касается установления требований к участникам закупки. Система требований состоит фактически из двух частей: общие требования, которым должен соответствовать каждый участник и дополнительные требования, которые устанавливаются заказчиками при наличии специальных условий, предусмотренных законом. В правоприменительной практике также достаточно много примеров, когда суды вынуждены искать баланс между обеспечением конкуренции и эффективностью закупки при разрешении соответствующих споров. Так,

к примеру, возникает вопрос, насколько опыт выполнения работ должен совпадать с предметом контракта.

В одном из споров суд отметил, что замощение (покрытие) двух земельных участков для обустройства спортивных площадок и установление на них оборудования, не может быть приравнено к строительству объекта капитального строительства и подтверждать соответствие участника закупки дополнительным требованиям [20]. Тем самым такой опыт не может быть учтен при проверке на соответствие участника дополнительным требованиям к закупаемым товарам.

В другом случае, наоборот, суд посчитал, что установление требований о наличии опыта только по реконструкции объектов, а не строительству влечет необоснованное ограничение допуска участников к конкурсным процедурам, сужает круг потенциальных участников и не отвечает целям и принципам, закрепленным в Законе о контрактной системе [21]. Возникающие споры также демонстрируют необходимость определения баланса между обеспечением конкуренции и эффективностью закупок, поскольку установление дополнительных требований преследует цель допуска до участия в закупках только лиц, обладающих соответствующим опытом, а если максимально широко рассматриваемый опыт, то к исполнению контракта могут быть допущены субъекты, не обладающие необходимой компетенцией. Тем самым видно, что ограничение конкуренции осуществляется в целях обеспечения эффективности закупок.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что обеспечение конкуренции при осуществлении публичных закупок является залогом эффективного удовлетворения нужд государства и иных публично-правовых образований, в то же время необходимо обеспечение баланса между эффективностью закупок и конкуренцией, так как создание условий для привлечения максимального количества участников предполагает снижение требований к ним и закупаемым товарам (работам, услугам), что может повлечь за собой ненадлежащее исполнение контрактов со всеми вытекающими последствиями.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

3. Экономическая теория : учебник / под общ. ред. А. И. Добрынина, Г. П. Журавлевой. М. : ИНФРА-М, 2020.

4. *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М, 2023.

5. *Вавилин Е. В.* Принципы осуществления гражданских прав : от теории к практике // Гражданское право социального государства : сборник статей, пос-

вященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020.

6. *Андреева Л. В.* Антимонопольные правила о торгах в условиях реформирования законодательства о закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 4.

7. *Тасалов Ф. А.* Принцип развития конкуренции в контрактных системах России и США : понятие, значение, гарантии реализации // Закон. 2014. № 5.

8. *Беляева О. А.* Торги : основы теории и проблемы практики. М. : ИНФРА-М, 2016.

9. *Кондратьев В. А.* Требования к участникам публичных закупок // Закон. 2021. № 8.

10. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

11. *Агапова Е. В., Беляева О. А.* Неординарный правовой режим публичных закупок у субъектов малого и среднего бизнеса // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3.

12. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 марта 2021 г. № Ф04-6217/2020 по делу № А67-940/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение Верховного Суда РФ от 29 апреля 2022 г. № 308-ЭС22-5137 по делу № А15-366/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Письмо ФАС России от 14 ноября 2019 г. № ИА/100041/19 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2022 г. № 15АП-11746/2022 по делу № А32-47529/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14 января 2020 г. № Ф02-7001/2019 по делу № А78-18155/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29 августа 2019 г. № Ф09-4412/19 по делу № А60-42282/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2022 г. № 308-ЭС21-26790 по делу № А61-4140/2020; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 марта 2023 г. № Ф04-1067/2023 по делу № А45-22213/2022; постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 октября 2022 г. № Ф05-25205/2022 по делу № А40-14974/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 июня 2021 г. № Ф09-3653/21 по делу № А47-9128/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2022 г. № 309-ЭС21-16773 по делу № А07-31052/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 октября 2017 г. № 305-ЭС17-7844 по делу № А40-129463/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law of 5 April 2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services for the Provision of State and Municipal Needs". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 14, art. 1652. (In Russ.)

2. Federal Law of 26 July 2006 No. 135-FZ "On Protection of Competition". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 31 (part 1), art. 3434. (In Russ.)

3. *Dobrynin A. I., Zhuravleva G. P. (eds.).* Economic Theory: Textbook. Moscow: Infra-M, 2020. (In Russ.)

4. *Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B.* Modern Economic Dictionary. Moscow: Infra-M, 2023. (In Russ.)

5. *Vavilin E. V.* Principles of Civil Rights Realization: From Theory to Practice. In *Vitrianskii V. V., Sukhanov E. A. (eds.).* Civil Law of the Social State: Collection of Articles Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Professor A. L. Makovskii (1930–2020). Moscow: Statut, 2020. (In Russ.)

6. *Andreeva L. V.* Antimonopoly Rules on Tenders in the Conditions of Reforming the Legislation on Procurement. *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*, 2018, no. 4. (In Russ.)

7. *Tasalov F. A.* Principle of Competition Development in the Contract Systems of Russia and the USA: Concept, Meaning, Guarantees of Realization. *Law*, 2014, no. 5. (In Russ.)

8. *Beliaeva O. A.* Bidding: Basics of Theory and Problems of Practice. Moscow: Infra-M, 2016. (In Russ.)

9. *Kondratiev V. A.* Requirements to the Participants of Public Procurement. *Law*, 2021, no. 8. (In Russ.)

10. Review of Judicial Practice of Application of the Legislation of the Russian Federation on the Contractual System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services to Ensure State and Municipal Needs (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 28 June 2017) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. *Agapova E. V., Beliaeva O. A.* Non-Ordinary Legal Regime of Public Procurement from Small and Medium-Sized Businesses. *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*, 2020, no. 3. (In Russ.)

12. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 12 March 2021 No. F04-6217/2020 in Case No. A67-940/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 April 2022 No. 308-ES22-5137 on the Case No. A15-366/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. Letter of FAS Russia of 14 November 2019 No. IA/100041/19 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

15. Resolution of the Fifteenth Arbitration Appeal Court of 4 August 2022 No. 15AP-11746/2022 on the Case No. A32-47529/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

16. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of 14 January 2020 No. F02-7001/2019 on the Case No. A78-18155/2018 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

17. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 29 August 2019 No. F09-4412/19 on the Case No. A60-42282/2018 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

18. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 January 2022 No. 308-ES21-26790 on Case No. A61-4140/2020; Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 20 March 2023 No. F04-1067/2023 on Case No. A45-22213/2022; Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 21 October 2022 No. F05-25205/2022 on Case No. A40-14974/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

19. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 25 June 2021 No. F09-3653/21 on the Case No. A47-9128/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

20. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 2 February 2022 No. 309-ES21-16773 on the Case No. A07-31052/2019 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

21. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 October 2017 No. 305-ES17-7844 on the Case No. A40-129463/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
С. Р. Гурьева – младший научный сотрудник.

Information about the author:
S. R. Gurieva – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted to the editorial office 18.04.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Научная статья
УДК 342.7
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-147-154

ОСВОБОЖДЕНИЕ РЕДАКЦИИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИФФАМАЦИОННЫЙ ДЕЛИКТ ПО ПРАВИЛАМ СТ. 57 ЗАКОНА РФ «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Елена Сергеевна Пальцева

Петрозаводский государственный университет, институт экономики и права, 185011, Россия, г. Петрозаводск ул. Ломоносова, д. 65

lena-adress@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье автор рассматривает конструкцию ст. 57 Закона РФ «О средствах массовой информации» в контексте правовых перспектив для редакции быть освобожденной от финансовых притязаний в случае дословного цитирования должностных лиц или другого СМИ. Актуальность исследования обусловлена тем, что в период ужесточения законодательства, регулирующего работу средств массовой информации, журналисты чаще, чем ранее, стали подкреплять свои доводы ссылками на официальные источники (здесь мы имеем в виду ресурсы органов власти), пресс-релизы, цитировать другие СМИ, в том числе и государственные, при этом не оценивая правовые риски от такого заимствования, полагая, что их нет или они минимальны. Предметом настоящего исследования являются правоотношения, возникающие в процессе применения ст. 12, 152 Гражданского кодекса РФ в совокупности со ст. 57 Закона о СМИ, а также процессуальных норм о судебных расходах. Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать в гражданско-правовом ключе вопросы освобождения редакции от ответственности за диффамационный деликт по правилам ст. 57 Закона РФ о СМИ. Исследование проводилось на основе метода формально-юридического анализа, а также общенаучных методов познания. Автор приходит к выводу, что ссылкой на ст. 57 удастся освободиться только от возмещения ущерба и компенсации морального вреда, которые взыскиваются с первоисточника (информационного агентства, органа власти, СМИ, которое ранее опубликовало информацию, или лица, которое нару-

шило нематериальные блага в прямом эфире). Бремя судебных расходов придется нести в равных долях с первоисточником. А это могут быть достаточно внушительные суммы, особенно с учетом назначенной и проведенной в ходе судебного рассмотрения лингвистической или психолого-лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: СМИ; сетевое издание; ответственность; редакция; диффамация; судебные расходы.

Для цитирования: *Пальцева Е. С.* Освобождение редакции от ответственности за диффамационный деликт по правилам ст. 57 Закона РФ «О средствах массовой информации»: гражданско-правовой аспект // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 147–154. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-147-154

Research Article

RELEASE OF THE EDITORIAL OFFICE FROM LIABILITY FOR DEFAMATION TORT ACCORDING TO THE RULES OF ARTICLE 57 OF THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION "ON MASS MEDIA": CIVIL ASPECT

Elena S. Paltseva

Petrozavodsk State University, Institute of Economics and Law, 65 Lomonosov St., Petrozavodsk, 185011, Russia

lena-adress@mail.ru

Abstract

In this article, the author examines the construction of Article 57 of the Law of the Russian Federation "On Mass Media" in the context of legal prospects for the editorial office to be exempt from financial claims in the case of verbatim quoting of officials or other media. The relevance of the study is due to the fact that during the period of tightening of legislation regulating the work of mass media, journalists more often than before began to back up their arguments with references to official sources (here we mean the resources of authorities), press releases, and quote other media, including state media. At the same time, without assessing the legal risks from such borrowing. The subject of this study is legal relations arising in the process of applying Articles 12, 152 of the Civil Code of the Russian Federation in conjunction with Article 57 of the Law on Mass Media, as well as procedural rules on court costs. The purpose of this work is to analyze in a civil-legal way the issues of the release of the editorial office from liability for defamation tort according to the rules of Article 57 of the Law of the Russian Fed-

eration on Mass Media. The research was conducted on the basis of the method of formal legal analysis, as well as general scientific methods of cognition.

Keywords: mass media; online publication; responsibility; editorial office; defamation; court costs.

For citation: *Paltseva E. S.* Release of the Editorial Office from Liability for Defamation Tort According to the Rules of Article 57 of the Law of the Russian Federation "On Mass Media": Civil Law Aspec. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 147–154. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-147-154

Введение

Лет восемь назад, когда многие интернет-ресурсы стояли перед выбором, регистрироваться им в качестве СМИ (сетевого издания) или нет, решающим аргументом в пользу регистрации была отсылка к ст. 57 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ). Эта статья с заманчивым названием «Освобождение от ответственности» предусматривает случаи, когда редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за диффамационный деликт, за нарушение законодательства об информационной безопасности детей, за злоупотребление свободой слова (ст. 13.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)).

Статья предусматривает шесть таких случаев, разумно не включая в них освобождение от ответственности за нарушение выборного законодательства, что конечно же объяснимо значимостью выборного процесса, его скоротечностью и желанием законодателя защитить информационное поле от провокационных вбросов.

Содержание статьи не делает уточнения, от какой ответственности освобождаются перечисленные субъекты, из чего следует вывод, что речь идет как о гражданско-правовой, так и об административной и уголовной ответственности.

С учетом такой многоаспектности ст. 57, предлагаем порассуждать о ее роли в делах о защите доброго имени и о том, насколько она защищает редакцию, которая сделала перепечатку другого СМИ или дословно использовала данные пресс-релиза и тем самым распространила порочащие и не соответствующие действительности фактические данные о гражданине/юридическом лице, а затем оказалась в статусе ответчика в суде. Соотнесем положения профильного Закона журналистов со ст. 12, 152 Гражданского кодекса РФ.

1. Способы защиты и меры гражданско-правовой ответственности

Способы защиты, поименованные в ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), неоднородны по своей юридической природе.

Наиболее распространенным в литературе является их подразделение на меры защиты и меры ответственности, которые различаются между собой по основаниям применения, социальному назначению и выполняемым функциям, принципам реализации и некоторым другим моментам. Наибольшую практическую зна-

чимость при этом имеет то обстоятельство, что меры ответственности, в отличие от мер защиты, применяются лишь к виновному нарушителю субъективного права и выражаются в дополнительных обременениях в виде лишения определенных прав или возложения дополнительных обязанностей [1].

Ответственность в гражданском праве имеет свою специфику, которая обусловлена предметом регулирования. Гражданское право регулирует в основном имущественные отношения, поэтому и гражданско-правовые санкции носят имущественный характер и наличие неблагоприятных финансовых последствий для участника отношений и есть содержательная составляющая ответственности. Участник отношений должен стремиться к надлежащему исполнению принятых обязательств или воздержаться от совершения противоправного поступка, желая сохранить свое имущество.

Имущественные санкции взыскиваются в пользу потерпевшей стороны. Это та особенность, которая делает гражданско-правовую ответственность самостоятельным видом и отличает от мер ответственности, применяемых в отраслях публичного права, которые по своему содержанию тоже носят имущественный характер (взыскание штрафа как вид наказания по КоАП РФ и УК РФ). Природа гражданско-правовой ответственности носит в первую очередь компенсаторный характер и направлена на возмещение лицу убытков.

Традиционными видами гражданско-правовой ответственности являются возмещение убытков (реальный ущерб и упущенная выгода – ст. 15 ГК РФ) и взыскание неустойки (в литературе встречается точка зрения, что потеря задатка и взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами так же являются самостоятельными формами ответственности).

Пункт 9 ст. 152 ГК РФ прямо предусматривает возмещение убытков. Однако исходя из судебной практики граждане-истцы крайне редко заявляют такое требование по той причине, что возможно взыскать моральный вред, который предполагается, т.е. обоснованию подлежит лишь заявленная сумма, а не наличие самого морального вреда.

Моральный вред также является мерой гражданско-правовой ответственности. Этой позиции придерживаются А. П. Сергеев [1], Е. А. Суханов [2, с. 421], и судебная практика [3, п. 1].

2. Возмещение репутационного ущерба юридическому лицу

Новая редакция ст. 152 ГК РФ (с 1 октября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», которым в том числе были внесены изменения в гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита»), исключившая возможность компенсации морального вреда в случае умаления деловой репутации юридических лиц, не лишает права защищать нарушенное право путем предъявления требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица.

Под вредом, причиненным деловой репутации, следует понимать всякое ее умаление, которое проявляется, в частности в наличии у юридического лица убытков,

обусловленных распространением порочащих сведений и иных неблагоприятных последствиях в виде утраты юридическим лицом в глазах общественности и делового сообщества положительного мнения о его деловых качествах, утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности и т.д. [4].

Следовательно, юридическое лицо, чьи права были нарушены в результате диффамационного деликта, вправе при доказанности общих условий гражданско-правового деликта (противоправность деяния, причинно-следственная связь между поведением ответчика и умалением доброго имени истца, наличие ущерба) требовать возмещения репутационного ущерба.

Наличие вины ответчика в данной категории дел презумируется (действует принцип вины – п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Причинно-следственную связь и наличие ущерба доказывает истец и на практике это представляет определенную сложность.

В одном из дел суд первой инстанции усмотрел наличие связи между выходом репортажа и умалением деловой репутации. Предметом спора был новостной сюжет, вышедший в программе «Вести в 20:00» на телеканале «Россия 1» и посвященный деятельности истца как застройщика. Наряду с требованиями о признании сведений порочащими, их удалении и опровержении было заявлено требование о взыскании репутационного вреда в размере 14 000 000 млн. руб.

Мотивируя размер компенсации репутационного ущерба в размере 500 000 руб., суд, в частности, указал, что в дело были представлены дополнительные соглашения к четырем договорам бронирования квартир и участия в долевом строительстве о расторжении этих договоров по заявлению участников-граждан, а датированных июлем-октябрем 2017 г. Согласно справке истца, в июле 2017 г. количество проданных квартир уменьшилось более чем в два раза. Без внимания не остался и довод истца об аудитории ответчика: аудитория телеканала «Россия1» – 98,5% населения России и более 50 миллионов телезрителей в странах СНГ и Балтии, а портал Вести.ru занимает третье место среди ведущих информационных сайтов Рунета. Ежемесячная аудитория сайта составляет почти 17 млн. уникальных пользователей.

Апелляционная инстанция не согласилась с такими выводами и указала, что отсутствуют основания для взыскания репутационного вреда [5].

Взыскание репутационного ущерба является видом гражданско – правовой ответственности.

Коротко резюмируя сказанное, сделаем промежуточный вывод, что в случае диффамационного деликта у распространителя информации ответственность возникает в виде взыскания убытков, куда включается и репутационный ущерб юридического лица, и имущественная компенсация морального вреда физическому лицу.

Анализ ст. 151 и 152 ГК РФ подтверждает тезис о том, что компенсация морального вреда – это вид ответственности. Во-первых, при определении размера компенсации морального вреда учитывается степень вины нарушителя, а установление вины характерно для определения размера ответственности. Лицо, без вины нарушившее неимущественное благо, в любом случае обязано реализовать заявленные потерпевшим способы защиты. Во-вторых, за распространение не соответс-

твующих действительности сведений о гражданине (за «добрую ложь») положения о компенсации морального вреда не применяются (п. 9 ст. 152 ГК РФ) – только перечисленные в ст. 152 способы защиты.

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» также отмечено, что вина в причинении морального вреда предполагается, пока не доказано обратное.

Помимо ответственности ст. 152 ГК РФ предлагает достаточно широкий арсенал способов защиты нарушенного права. Это публикация опровержения, публикация ответа, удаление информации, изъятие или уничтожение материальных носителей.

В делах о защите доброго имени граждане-истцы выбирают из названных способов защиты один или несколько, неизменно заявляя и компенсацию морального вреда, который, в силу ст. 151 ГК РФ, определяется в денежной форме.

3. Процессуальная сторона диффамационного деликта

Теперь давайте посмотрим на диффамационный спор с процессуальной точки зрения. Практически в каждом таком споре по инициативе ответчика, чаще – истца, для установления негативной коннотации спорных фраз и способа выражения мысли – факт или оценочное суждение, суд назначает лингвистическую или психолого-лингвистическую экспертизу текста. Экспертиза проводится за счет стороны-инициатора. Стоимость экспертизы варьирует от 20 000 до 80 000 руб. Цена может быть и выше, если большой объем материала. К этим судебным расходам добавляется расходы на услуги представителя, расходы по оплате государственной пошлины (в судах общей юрисдикции это 300 руб., в арбитражном суде – 6000 руб.), транспортные расходы представителя и (или) свидетелей, эксперта, оплата услуг нотариуса за нотариальное заверение скриншота. В итоге набегает достаточно крупная сумма судебных издержек, возместить которые должны будут редакция, журналист, привлеченные в деле как соответчик (так как участвовал в распространении информации), в случае удовлетворения иска судом.

Эти расходы становятся неизбежными, так как сегодня законодательство не предусматривается обязательная досудебная претензионная работа в диффамационных спорах, что является требованием, например, в договорных обязательствах [6, п. 4].

Заключение

И вот тут мы и подходим к ответу на ключевой вопрос, поставленный в начале наших рассуждений: насколько ст. 57 Закона о СМИ защищает редакцию в случае распространения сведений от первоисточника, которому в силу закона можно доверять?

Сопоставляя материальные и процессуальные нормы российского законодательства в сфере диффамации, приходим к выводу, что положения ст. 57 Закона о СМИ не нивелируют те финансовые риски, которые сопровождают редакцию при цитировании других СМИ, при цитировании депутатов и должностных лиц. Имея

статус соответчика и решение в пользу истца, редакция будет нести все финансовые затраты, связанные с рассмотрением дела: это и расходы на проведение лингвистической экспертизы, и расходы на услуги представителя, транспортные расходы истца и других участников дела (процессуальные расходы).

Со ссылкой на ст. 57 Закона о СМИ удастся освободиться только от возмещения ущерба и компенсации морального вреда, которые взыскиваются с первоисточника (информационного агентства, органа власти, СМИ, которое ранее опубликовало информацию, или лица, которое нарушило нематериальные блага в прямом эфире).

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское право : в 3 т. Т. 1 / под. ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2010.
2. Российское гражданское право : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2010.
3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: https://www.vsrf.ru (дата обращения: 04.03.2023).
5. Гражданское дело № А26-10168/2017 по иску ООО «САНА+» к ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»; Куликову Евгению Владимировичу // Картотека арбитражных дел : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 04.03.2023).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Sergeev A. P. (ed.).* Civil Law. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Prospekt, 2010. (In Russ.)
2. *Sukhanov E. A. (ed.).* Russian Civil Law. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Statut, 2010. (In Russ.)
3. Review of the Practice of Consideration by Courts of Cases on Disputes on the Protection of Honor, Dignity and Business Reputation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 16 March 2016) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. Determination of the Economic Disputes Commission of the Supreme Court of the Russian Federation of 18 November 2016 No. 307-ES16-8923. URL: https://www.vsrf.ru (date of the application: 04.03.2023). (In Russ.)
5. Civil case No. A26-10168/2017 on the claim of LLC SANA+ Against FSUE All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company; Kulikov Evgeny Vladimirovich. URL: https://kad.arbitr.ru (date of the application: 04.03.2023). (In Russ.)

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 February 2005 No. 3 "On Judicial Practice in Cases of Protection of Honor and Dignity of Citizens, as well as Business Reputation of Citizens and Legal Entities" (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

Сведения об авторе:
Е. С. Пальцева – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:
E. S. Paltseva – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 01.03.2023.
The article was submitted to the editorial office 01.12.2022; approved after reviewing 23.12.2022; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья
УДК 343.3/.7
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-155-166

НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ОБРАЩЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Лариса Владимировна Готчина[1]

Виктория Вячеславовна Семенова[2]

[1,2] Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ,
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 96

[1] lgotchina@yandex.ru

[2] vsemenova17@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы квалификации и разграничения преступлений, предусмотренных ст. 235[1] и 238[1] Уголовного кодекса РФ. В результате исследования авторами предложены новые положения-толкования анализируемых норм для включения в постановление Пленума Верховного Суда РФ. Предмет исследования – теоретические уголовно-правовые исследования и практика по применению ст. 235[1] и 238[1] УК РФ, а также законодательные акты, регулирующие эти отношения. Цель подготовки статьи – уточнение толкования понятий «лекарственные средства» и «медицинские изделия» и выработка рекомендаций для правоприменителя на основе результатов контент-анализа уголовного законодательства, судебной практики и трудов российских ученых. При написании статьи использовались формально-юридический, сравнительно-правовой и иные обще- и частнонаучные методы исследования. Новизна работы состоит в уточнении понятийно-категориального аппарата в сфере исследуемых правоотношений и определении оптимальной модели квалификации преступлений, предусмотренных ст. 235[1] и 238[1] УК РФ.

Ключевые слова: незаконное производство; незаконное обращение; лекарственные средства; медицинские изделия.

Для цитирования: *Готчина Л. В., Семенова В. В.* Незаконное производство и обращение лекарственных средств и медицинских изделий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 155–166. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-155-166

Research Article

ILLEGAL PRODUCTION AND CIRCULATION OF MEDICINES AND MEDICAL DEVICES

Larisa V. Gotchina[1]

Victoria V. Semenova[2]

[1,2] St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 96 Moika River Emb., St. Petersburg, 190000, Russia

[1] lgotchina@yandex.ru

[2] vsemenova17@inbox.ru

Abstract

The article deals with the issues of qualification and differentiation of crimes provided for in Articles 235[1] and 238[1] of the Criminal Code of the Russian Federation. As a result of the study, the authors proposed new provisions – interpretations of the analyzed norms for inclusion in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The subject of the study is theoretical criminal law research and practice on the application of Articles 235[1] and 238[1] of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as legislative acts regulating these relations. The purpose of the article is to clarify the interpretation of the concepts of "medicines and medical devices" and to develop recommendations for the law enforcement officer based on the results of content analysis of criminal legislation, judicial practice and the works of Russian scientists. When writing the article, formal legal, comparative legal and other general and private scientific research methods were used. The novelty of the work is in clarifying the conceptual and categorical apparatus in the sphere of legal relations under study and determining the optimal model for the qualification of crimes provided for in Articles 235[1] and 238[1] of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: illegal production; illegal circulation; medicines; medical devices.

For citation: *Gotchina L. V., Semenova V. V.* Illegal Production and Circulation of Medicines and Medical Devices. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 155–166. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-155-166

Введение

Период пандемии заболевания *COVID-19* в нашей стране даже после его окончания имеет далеко идущие последствия. Они касаются не только распространения заболевания и мер, принимаемых по его сдерживанию. Так, в целях улучше-

ния качества получения помощи и доступности лекарственных препаратов было внесено изменение в законодательство [1; 2], регламентирующее обращение лекарственных средств, выражающееся в получении возможности осуществлять продажу безрецептурных препаратов через сеть Интернет, а с 1 марта 2023 г. в ряде регионов и рецептурных.

Следующим серьезным вызовом в этой сфере стали существенные изменения экономического и социального благополучия населения, которые способствовали увеличению выбора более дешевых лечебных препаратов [3, с. 121]. Такие факторы, как уход с российского рынка многих фармакологических компаний в связи с проведением специальной военной операции и возможность приобретения лекарственной продукции через сеть Интернет, увеличили оборот фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок. Сработал экономический закон: спрос порождает предложение. Все это в совокупности потребовало осуществления комплекса мер по реагированию на такие вызовы изменением законодательства и дальнейшим совершенствованием правоприменительной практики в сфере производства и обращения лекарственных средств и медицинских изделий, о чем и пойдет речь в данной работе.

1. Изменения законодательства в сфере регулирования обращения лекарственных средств и медицинских изделий и правоприменительная практика

Одним из основных факторов, сдерживающих противоправность в сфере обращения лекарственной продукции, является установление уголовной ответственности (ст. 235^1 и 238^1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)). Несмотря на то что указанные нормы нельзя назвать новыми в нашем законодательстве, в правоприменительной практике встречаются проблемы при их разграничении, обусловленные предметом преступлений в виде «лекарственных средств и медицинских изделий», указанных законодателем в рассматриваемых нормах.

При установлении предмета преступления в виде медицинских изделий возникала неопределенность, вызванная использованием разной терминологии в нормативных правовых актах: одни использовали «медицинские изделия» [4], другие – «медицинская техника». В свою очередь, именно медицинская техника подлежала лицензированию, включающая в свой состав и медицинские изделия [5].

Так, при установлении признаков преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 235^1 УК РФ, у следователя возник вопрос, является ли «шкаф для хранения медицинского оборудования – гибких эндоскопов», которое производил гражданин В. без лицензии, медицинским изделием или медицинской техникой, в случае, если он используется только для хранения чего-либо и не применяется для реабилитации пациентов [6]. В связи с этим ставилось под сомнение отнесение медицинской техники к медицинским изделиям. Данный аспект широко рассматривался в специальной литературе. Так, учеными предлагалось использовать термин «медицинская техника», так как именно она подлежала лицензированию [7, с. 821; 8, с. 8]. Также предлагалось использовать собирательное понятие «медицинский продукт», объединяющее все предметы преступлений, предусмотренных ст. 235^1 и 238^1 УК РФ [9, с. 54].

В настоящее время произошли значительные изменения в области регулирования производства, государственной регистрации, технического обслуживания медицинских изделий, сопровождающееся как большим принятием новых нормативных актов, так и отменой устаревших, результаты анализа которых отражен в работах других исследователей [10, с. 108; 11, с. 105–117].

Так, в основном Законе, регламентирующем отдельные виды деятельности, подлежащие лицензированию [12], термин «медицинская техника» заменен на «медицинские изделия», один из перечней которых теперь не подлежит регистрации, т.е. не образует предмета преступления (например, ввезенные в нашу страну для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям пациента). Исключено указание на обязательное лицензирование производства данных изделий. Однако в целях обеспечения безопасности сотрудников медицинского персонала и пациентов предусмотрено лицензирование обслуживания медицинских изделий. Оно не осуществляется, если являются медицинскими изделиями с низкой степенью потенциального риска и если используются для обеспечения собственных нужд [13].

Следовательно, лицензированию подлежат лишь производство лекарственных средств и техническое обслуживание медицинских изделий. Тем самым можно допустить, что вышеназванный Закон своим положением частично декриминализовал положения ст. 235[1] УК РФ в части производства медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна). Однако для законного производства медицинских изделий требуется помимо их государственной регистрации включение организации (индивидуального предпринимателя), осуществляющей их производство, в специализированный Реестр [14], тем самым контроль производства осуществляется путем государственной регистрации изделия и внесения организации (индивидуального предпринимателя) в указанный Реестр.

Предлагается квалифицировать производство медицинских изделий, осуществленное организацией (индивидуальным предпринимателем), не входящей в перечень Реестра, как производство медицинских изделий без специального разрешения, если такое разрешение необходимо, отождествив включение в Реестр с получением разрешения на производство медицинских изделий.

Однако уголовная ответственность не предусмотрена за совершение деяний по техническому обслуживанию рассматриваемых изделий без лицензии. Ведь, например, недобросовестные диагностика, монтаж, наладка или ремонт могут повлечь последствия в виде материального ущерба для медицинской организации и (или) ущерба для здоровья пациента.

2. Модели квалификации незаконного производства лекарственных средств или медицинских изделий

Проведенный анализ судебной практики позволил выделить три модели квалификации незаконного производства лекарственных средств или медицинских изделий.

Первая модель – применяется квалификация по совокупности преступлений, предусматривающих ответственность по ст. 235[1] и 238[1] УК РФ, где по первой статье

вменяют ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий без лицензии (разрешения), а по второй – за незаконное производство и последующий незаконный сбыт, представляющий их реализацию.

Так, действия лица квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 235[1] УК РФ за незаконное производство медицинских изделий, совершенное в крупном размере и по ч. 1 ст. 238[1] УК РФ – за их незаконный сбыт. Учредитель ООО ***, произвел медицинские изделия без лицензии на 554 618 руб., после чего сбыл их ООО *** на сумму 486 488 руб., потерпевший не предполагал недобросовестность действия поставщика [15].

Данной модели квалификации придерживаются Д. М. Молчанов и А. С. Куликов, указывая, что совершение преступления, предусмотренного ст. 235[1] УК РФ, не исключает возможность дополнительной квалификации по ст. 238[1] УК РФ. «Поскольку ни статья 235[1], ни статья 238[1] УК РФ не охватывают всех признаков объективной стороны. В пример приводится ситуация, когда у предприятия истек срок лицензии либо она отозвана, но предприятие осуществило сбыт недоброкачественной продукции, совокупная стоимость которой превысила 100 000 руб.» [16, с. 157].

Вторая модель квалификации встречается в правоприменительной практике в виде привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 238[1] УК РФ; обвинение по ст. 235[1] УК РФ не предъявляют.

Так, генеральный директор «***», не имея лицензии, организовал по месту нахождения филиала производство и сбыт лекарственных средств «кислород медицинский газообразный» на общую сумму 916 542 руб. 00 коп. Суд изначально квалифицировал по п. «б» ч. 2 ст. 235[1] и ч. 1 ст. 238[1] УК РФ, в дальнейшем обвинение по п. «б» ч. 2 ст. 235[1] УК РФ судом исключено с пояснением о том, что все его незаконные деяния содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238[1] УК РФ [17].

Третья модель квалификации представлена вариантом привлечения к уголовной ответственности только по ст. 235[1] УК РФ; обвинение по ст. 238[1] УК РФ исключается.

Так, руководитель ООО *** без специального разрешения произвел нагреватели термокомпрессов водяной НТВ-50-«Политехсервис», которые относятся к медицинской технике, и в дальнейшем реализовал их на общую сумму 708 720 руб., что является крупным размером. В действиях руководителя усмотрели признаки состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 235[1] УК РФ [18; 19].

Данной модели квалификации придерживается ряд ученых, в том числе А. И. Рарог [20, с. 850], Т. П. Деревянская, Е. С. Иликбаева [21, с. 117–124], А. А. Лихолетов [22, с. 28–31], указывая, что в данном случае квалификация по ст. 238[1] УК РФ невозможна, поскольку предмет преступления, предусмотренный ст. 238[1] УК РФ, отличается от предмета преступления, предусмотренного ст. 235[1] УК РФ, с чем мы согласны.

3. Предмет преступлений, предусмотренных ст. 235[1] и 238[1] УК РФ

Разграничивают два смежных состава преступлений (ст. 235[1] и 238[1] УК РФ) по предмету преступления. В первом деянии ими выступают зарегистрированные доброкачественные лекарственные средства и медицинские изделия, произведенные без лицензии (разрешения). Разновидностью случаев совершения такого преступ-

ления являются, по нашему мнению, используемые ситуации, когда, например, лицензия на производство закончилась, а зарегистрированная партия лекарственных средств не была произведена в полном объеме и производитель с целью исключения материальных потерь и извлечения имущественной выгоды принимает решение выпустить партию товара в полном объеме и реализует свой умысел.

Необходимо отметить, что при этом данные лекарственные средства или медицинские изделия (довыпущенные) представляют для жизни и здоровья человека лишь опосредованную опасность, которая состоит в отсутствии контроля за процессом производства. На это указывает сконструированная законодателем структура нормы, в которой отсутствует в качестве обязательных общественно опасных последствий причинение вреда для жизни и здоровья человека.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [23] право осуществлять деятельность, на занятие которой необходимо получение специального разрешения (лицензии), возникает с момента получения разрешения (лицензии) или в указанный в нем срок и прекращается по истечению срока его действия (если не предусмотрено иное), а также в случаях приостановления или аннулирования разрешения (лицензии) (п. 3 ст. 49 Гражданского кодекса РФ).

Представляя опасность для здоровья и жизни человека фальсифицированные, недоброкачественные или незарегистрированные лекарственные средства или медицинские изделия являются предметом преступления, предусмотренного ст. 238^1 УК РФ. Например, состав не соответствует лекарственному средству или медицинскому изделию (фальсифицированный), указанному на упаковке, произведен с нарушением процесса производства доброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий (недоброкачественный); лекарственное средство или медицинское изделие не введено в оборот в Российской Федерации, изменена дозировка действующего вещества, партия не прошла регистрацию (незарегистрированное) и т.д. [24, с. 31]

Как отметил Г. А. Варданян, именно качество лекарственных средств или медицинских изделий, соответствие их требованиям и стандартам, характеру указанного воздействия на организм и др. являются разграничивающими признаками анализируемых преступлений [25, с. 108].

Таким образом, совершение деяний, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст. 235^1 и 238^1 УК РФ, не может образовывать идеальную совокупность преступлений. Если производство доброкачественного зарегистрированного лекарственного средства или медицинского изделия осуществляется без лицензий (разрешения), когда она необходима, то незаконные действия квалифицируются по ст. 235^1 УК РФ, при этом дополнительная квалификация за незаконный сбыт указанных предметов преступления не требуется. В случаях производства и совершения иных действий (сбыт и др.) в отношении фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств требуется квалификация по ст. 238^1 УК РФ.

Необходимо иметь в виду, что при установлении предмета преступления, нужно выяснить, представляет ли он для жизни или здоровья человека опасность. По-

лучить такие сведения возможно из соответствующих заключений экспертов или специалистов на основании специальных знаний.

Следовательно, при расследовании уголовного дела нужно располагать не только сведениями о наличии/отсутствии лицензии (разрешения) и регистрации лекарственных средств и медицинских изделий, но и заключением эксперта или специалиста. При этом необходимо учитывать перечень лекарственных средств или медицинских изделий, не подлежащих регистрации в нашей стране и не образующих предмет преступления (прим. 3 к ст. 238[1] УК РФ).

Однако результаты анализа судебной практики по применению ст. 235[1] и 238[1] УК РФ показали, что правоприменители не всегда назначают экспертизы, что и приводит зачастую к неверной квалификации деяний, в том числе привлечению к уголовной ответственности по совокупности преступлений.

Заключение

Для полного и объективного расследования считаем необходимым закрепить положения по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных ст. 235[1] и 238[1] УК РФ, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, акцентируя внимание правоприменителей на разграничении смежных составов преступлений и возможной квалификации по совокупности преступлений. Проанализированная практика применения при квалификации ст. 235[1] и 238[1] УК РФ, а также теоретические уголовно-правовые положения позволяют предложить следующие формулировки в постановление Пленума Верховного Суда РФ:

1. По смыслу ст. 235[1] УК РФ ответственность за производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна), наступает в случаях совершения указанных действий в отношении доброкачественного лекарственного средства и медицинского изделия, не представляющего опасность для жизни или здоровья человека. Например, лицензия на производство закончилась, а зарегистрированная партия лекарственных средств не была произведена в полном объеме, и производитель с целью исключения материальных потерь и извлечения имущественной выгоды принимает решение выпустить партию товара в полном объеме и реализует свой умысел.

2. По смыслу ст. 238[1] УК РФ ответственность наступает за производство и совершение иных действий (сбыт и др.) в отношении фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий. Например, химический состав лекарственного средства не соответствует указанному на упаковке описанию (фальсифицированный), нарушен процесс производства доброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий (недоброкачественный); лекарственное средство или медицинское изделие не введено в оборот в Российской Федерации, изменена дозировка действующего вещества, партия не прошла регистрацию (незарегистрированное) и т.д.

3. Для определения доброкачественного лекарственного средства и медицинского изделия, не представляющего опасность для жизни или здоровья человека, для целей ст. 235[1] УК РФ требуются специальные знания, поэтому суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов.

4. Производство лекарственных средств или медицинских изделий, а также дальнейший их сбыт не образуют идеальную совокупность преступлений со ст. 238[1] УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 405-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета. 2022. 24 окт. № 240.

2. Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2023 г. № 292 «Об утверждении Положения о порядке проведения эксперимента по осуществлению розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения, отпускаемыми по рецепту на лекарственный препарат, дистанционным способом» // СЗ РФ. 2023. № 9. Ст. 1508.

3. *Скрипченко Н. Ю.* Уголовная ответственность за незаконное производство и обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок : вопросы законодательной техники и правоприменения // Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2021. № 2 (12).

4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 нояб. № 26.

5. Постановление Правительства РФ от 3 июня 2013 г. № 469 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники» // СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2926 (утратило силу).

6. Приговор Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга № 1-6/19 от 14 февраля 2019 г. по делу № 1-6/19 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/kc6HpqTidvR/ (дата обращения: 04.04.2023).

7. *Рарог А. И., Понятовская Т. Г.* Объект и система медицинского уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5.

8. *Аснис А. Я.* Новеллы уголовного закона об ответственности за преступления, связанные с незаконным производством и обращением лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок // Уголовное право. 2018. № 1.

9. *Шведова И. Д., Ивушкина О. В.* Предмет преступления, регламентированный ст. 235.1 УК РФ «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий» // Уголовный закон Российский Федерации : проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2022.

10. *Нестеров С. С.* Особенности нормативно-правового регулирования медицинских изделий в 2022 г. : опыт проведения «регуляторной гильотины» на предмет соответствия конституционному праву на медицинскую помощь // Медицинское право. 2022. № 4.

11. *Голодникова А. Е., Ефремов А. А., Цыганков Д. Б.* Под знаком «регуляторной гильотины»: как разорвать замкнутый круг дерегулирования и ре-регулирования? // Закон. 2021. № 2.

12. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Российская газета. № 97. 06 мая 2011.

13. Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2129 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по техническому обслуживанию медицинских изделий (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя, а также случая технического обслуживания медицинских изделий с низкой степенью потенциального риска их применения), внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1445 и признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 49 (ч. 2). Ст. 8315.

14. Постановление от 30 сентября 2021 г. № 1650 «Об утверждении правил ведения государственного реестра медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий, о внесении изменения в перечень нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов, отдельных положений нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, правовых актов, отдельных положений правовых актов, групп правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, решений государственной комиссии по радиочастотам, содержащих обязательные требования, в отношении которых не применяются положения частей 1, 2 и 3 статьи 15 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» а также о признании утратившими силу некоторых актов правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 40. Ст. 6870.

15. Постановление № 1-646/2018 от 17 октября 2018 г. по делу № 1-646/2018 Советского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XcvrybSDK1/ (дата обращения: 04.04.2023).

16. *Молчанов Д. М., Куликов А. С.* Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств (ст. 238[1] УК РФ) : вопросы квалификации // Закон. 2022. № 8.

17. Приговор Альметьевского городского суда (Республика Татарстан) № 1-18/2020 1-551/2019 от 18 мая 2020 г. по делу № 1-18/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iGcrFOlhDsQm/ (дата обращения: 04.04.2023).

18. Приговор Советского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) № 1-494/2019 от 9 августа 2019 г. по делу № 1-494/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/5nV8xG4rldLC/ (дата обращения: 04.04.2023).

19. Приговор Альметьевского городского суда (Республика Татарстан) № 1-18/2020 1-551/2019 от 18 мая 2020 г. по делу № 1-18/2020 // Судебные и нормативные

акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iGcrFOlhDsQm/ (дата обращения: 04.04.2023).

20. *Рарог А. И.* Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (статья 235[1] УК РФ) // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6.

21. *Деревянская Т. П., Иликбаева Е. С.* Проблемы конкуренции норм, регулирующих ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1.

22. *Лихолетов А. А.* Пути совершенствования уголовной ответственности за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий // Российская юстиция. 2017. № 3.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Российская газета. 2015. 13 июля. № 151(6722).

24. *Мельникова О. А.* Понятие фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных препаратов с позиции права // Медицинское право. 2020. № 2.

25. *Варданян Г. А.* Противодействие нарушению правил оборота лекарственных средств, медицинских изделий, биодобавок : вопросы правовой регламентации и доказывания // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 2.

References

1. Federal Law of 20 October 2022 No. 405-FZ "On Amendments to the Federal Law 'On Circulation of Medicines'". *Rossiiskaia Gazeta*, 24 October 2022, no. 240. (In Russ.)

2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 22 February 2023 No. 292 "On Approval of the Regulations on the Procedure for Conducting an Experiment on the Implementation of Retail Trade in Medicines for Medical Use, Dispensed on Prescription for a Medicinal Product, Remotely". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 9, art. 1508. (In Russ.)

3. *Skripchenko N. Iu.* Criminal Liability for the Illegal Production and Circulation of Medicines, Medical Devices and Biologically Active Additives: Issues of Legislative Technique and Law Enforcement. *Network Scientific and Practical Journal of Private and Public Law*, 2021, no. 2 (12). (In Russ.)

4. Federal Law of 21 November 2011 No. 323-FZ "On the Basis of Health Protection of Citizens in the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, 23 November 2011, no. 26. (In Russ.)

5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 3 June 2013 No. 469 "On Approval of the Regulations on Licensing Activities for the Production and Maintenance (Except for the Case if Maintenance Is Carried Out to Meet the Own Needs of a Legal Entity or an Individual Entrepreneur) of Medical Equipment". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 23, art. 2926 (expired). (In Russ.)

6. Sentence of the Vasileostrovskii District Court of St. Petersburg No. 1-6/19 of 14 February 2019 on the Case No. 1-6/19. URL: https://sudact.ru/regular/doc/kc6HpqTidvR/ (date of the application: 04.04.2023). (In Russ.)

7. *Rarog A. I., Poniatovskaia T. G.* Object and System of Medical Criminal Law. *All-Russian Criminological Journal*, 2019, vol. 13, no. 5. (In Russ.)

8. *Asnis A. Ia.* Novels of the Criminal Law on Liability for Offenses Related to the Illegal Production and Circulation of Medicines, Medical Devices and Biologically Active Additives. *Criminal Law*, 2018, no. 1. (In Russ.)

9. *Shvedova I. D., Ivushkina O. V.* Subject of the Crime Regulated by Article 235.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal Production of Medicines and Medical Devices". In Criminal Law of the Russian Federation: Problems of Law Enforcement and Prospects for Improvement: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 2022. (In Russ.)

10. *Nesterov S. S.* Peculiarities of Normative-Legal Regulation of Medical Devices in 2022. Experience of "Regulatory Guillotine" on the Subject of Compliance with the Constitutional Right to Medical Care. *Medical Law*, 2022, no. 4. (In Russ.)

11. *Golodnikova A. E., Efremov A. A. A., Tsygankov D. B.* Under the Sign of "Regulatory Guillotine": How to Break the Vicious Circle of Deregulation and Re-Regulation? *Law*, 2021, no. 2. (In Russ.)

12. Federal Law of 4 May 2011 No. 99-FZ "On Licensing of Certain Types of Activities". *Rossiiskaia Gazeta*, 6 May 2011, no. 97. (In Russ.)

13. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30 November 2021 No. 2129 "On Approval of the Regulations on Licensing Activities for the Maintenance of Medical Devices (Except for the Case Where Maintenance Is Carried Out to Meet the Own Needs of a Legal Entity or Individual Entrepreneur, as Well as the Case of Maintenance of Medical Devices With a Low Degree of Potential Risk of Their Use), Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation of 15 September 2020 No. 1445 and Recognition as Invalid". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 49 (part 2), art. 8315. (In Russ.)

14. Resolution of 30 September 2021 No. 1650 "On Approval of the Rules for Maintaining the State Register of Medical Devices and Organizations (Individual Entrepreneurs) Engaged in the Production and Manufacture of Medical Devices, on Amending the List of Regulatory Legal Acts and Groups of Regulatory Legal Acts of the Government of the Russian Federation, Regulatory Legal Acts, Certain Provisions of Regulatory Legal Acts and Groups of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies, Regulatory Legal Acts, Certain Provisions of Federal Executive Bodies, Regulatory Legal Acts and Groups of Regulatory Legal Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 40, art. 6870. (In Russ.)

15. Resolution of the Sovetskii District Court of Kazan (Republic of Tatarstan) No. 1-646/2018 of 17 October 2018 on the Case No. 1-646/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XcvrybSDK1/ (date of the application: 04.04.2023). (In Russ.)

16. *Molchanov D. M., Kulikov A. S.* Circulation of Falsified, Substandard and Unregistered Medicines (Article 2381 of the Criminal Code of the Russian Federation): Qualification Issues. *Law*, 2022, no. 8. (In Russ.)

17. Sentence of the Almetievsk City Court (Republic of Tatarstan) No. 1-18/2020 1-551/2019 of 18 May 2020 on the Case No. 1-18/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iGcrFOlhDsQm/ (date of the application: 04.04.2023). (In Russ.)

18. Sentence of the Sovetskii District Court of Kazan (Republic of Tatarstan) No. 1-494/2019 of 9 August 2019 on the Case No. 1-494/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/5nV8xG4rldLC/ (date of the application: 04.04.2023). (In Russ.)

19. Sentence of the Almetievsk City Court (Republic of Tatarstan) No. 1-18/2020 1-551/2019 of 18 May 2020 on the Case No. 1-18/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iGcrFOlhDsQm/ (date of the application: 04.04.2023). (In Russ.)

20. *Rarog A. I.* Illegal Production of Medicines and Medical Devices (Article 2351 of the Criminal Code of the Russian Federation). *All-Russian Criminological Journal*, 2018, vol. 12, no. 6. (In Russ.)

21. *Derevianskaia T. P., Ilikbaeva E. C.* Problems of Competition of Norms Regulating Responsibility for the Illegal Circulation of Medicines and Medical Devices. *Scientific Notes of Crimean Federal University Named After V. I. Vernadskii. Jurisprudence*, 2022, vol. 8 (74), no. 1. (In Russ.)

22. *Likholetov A. A.* Ways to Improve Criminal Liability for the Illegal Production of Medicines and Medical Devices. *Russian Justice*, 2017, no. 3. (In Russ.)

23. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18 November 2004 No. 23 "On Judicial Practice in Cases of Illegal Entrepreneurship". *Rossiiskaia Gazeta*, 13 July 2015, no. 151 (6722). (In Russ.)

24. *Melnikova O. A.* The Concept of Falsified, Counterfeit and Substandard Drugs from the Position of Law. *Medical Law*, 2020, no. 2. (In Russ.)

25. *Vardanian G. A.* Counteraction to Violation of the Rules of Turnover of Medicines, Medical Devices, Biologics: Issues of Legal Regulation and Proof. *Izvestia TulSU. Economic and Legal Sciences*, 2022, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Л. В. Готчина – доктор юридических наук, профессор.

В. В. Семенова – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

L. V. Gotchina – Doctor of Law, Professor.

V. V. Semenova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 20.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 03.04.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 20.07.2023.

Научная статья
УДК 343.3/.7
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-167-177

ДЕЯНИЕ КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Сергей Юрьевич Мироненко

Донбасская юридическая академия, 283049, Россия, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9

mironenko-2009@mail.ru

Аннотация

Актуальность статьи не вызывает сомнений, так как применение запрещенных средств и методов ведения войны является довольно распространенным явлением в современном мире. Об этом свидетельствуют события в бывшей Югославии, Руанде, Ираке, Сирии, Афганистане, Украине и других уголках земного шара. Целью работы является исследование признаков объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны. Методологической основой работы является положение теории познания и общей теории уголовного права. Во время исследования были использованы следующие методы: исторический, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, диалектический, системно-структурный и функциональный. В статье проводится анализ признаков объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны, что имеет важное значение для квалификации данного преступления и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Новизна статьи заключается в том, что автор предлагает дополнить диспозицию ч. 1 ст. 356 Уголовного кодекса РФ альтернативными уголовно наказуемыми деяниями. Автором сделан вывод о том, что объективная сторона основного состава применения запрещенных средств и методов ведения войны характеризуется разнообразием альтернативных преступных деяний, каждое из которых образует объективную сторону состава этого преступления. Действия с физической стороны могут быть простыми и сложными.

Ключевые слова: законы и обычаи войны; запрещенные средства и методы; объективная сторона; действие; бездействие.

Для цитирования: *Мироненко С. Ю.* Деяние как признак объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 167–177. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-167-177

Research Article

AN ACT AS A SIGN OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE USE OF PROHIBITED MEANS AND METHODS OF WARFARE

Sergey Yu. Mironenko

Donbass Law Academy, 9 Lebedinskii St., Donetsk, 283049, Russia

mironenko-2009@mail.ru

Abstract

The relevance of the article is beyond doubt, because the use of prohibited means and methods of warfare is quite common in the modern world. This is evidenced by the events in the former Yugoslavia, Rwanda, Iraq, Syria, Afghanistan, Ukraine and other parts of the globe. The purpose of the work is to study the signs of the objective side of the use of prohibited means and methods of warfare. The methodological basis of the work is the position of the theory of cognition and the general theory of criminal law. During the research, the following methods were used: historical, comparative-historical, comparative-legal, dialectical, system-structural and functional. The article analyzes the signs of the objective side of the use of prohibited means and methods of warfare, which is important for the qualification of this crime and bringing the perpetrators to criminal responsibility. The novelty of the article lies in the fact that the author proposes to supplement the disposition of part 1 of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation with alternative criminally punishable acts. The author concludes that the objective side of the main composition of the use of prohibited means and methods of warfare is characterized by a variety of alternative criminal acts, each of which forms the objective side of the composition of this crime. Actions from the physical side can be simple and complex.

Keywords: laws and customs of war; prohibited means and methods; objective side; action; inaction.

For citation: *Mironenko S. Yu.* An Act as a Sign of the Objective Side of the Use of Prohibited Means and Methods of Warfare. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 167–177. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-167-177

Введение

Применение запрещенных средств и методов ведения войны, являясь актом волевого поведения человека, представляет собой единство внешних (объективных) и внутренних (субъективных) свойств и признаков. Поэтому объективная сторона этого преступления, как и любых других преступлений, требует установления обстоятельств, характеризующих внешние признаки преступного посягательства. Выяснение определенных признаков и свойств объективной стороны, тесно связанной с объектом посягательства, имеет важное значение для правильной квалификации этого преступления и установления уголовной ответственности за его совершение.

В юридической литературе наблюдаются различные подходы к признакам объективной стороны состава преступления. Так, большинство авторов считают, что объективная сторона состава преступления включает общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, причинную связь между ними и обстоятельства, характеризующие время, место, обстановку, способ и средства совершения преступления. По мнению А. А. Пионтковского, объективная сторона состава преступления содержит также общественную опасность как обязательный признак [1, с. 155].

Признаки объективной стороны преступления, ввиду их определения в диспозициях соответствующих правовых норм, могут быть обязательными и факультативными. К обязательным признакам относят деяние, его последствия и причинную связь или только деяние. Мы исходим из того, что к обязательным признакам объективной стороны любого преступления, в том числе применения запрещенных средств и методов ведения войны, относится деяние в форме действия или бездействия.

1. Конструкция объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны

С точки зрения конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), диспозиция которой содержит альтернативные деяния, оно является преступлением с формально-материальным (комбинированным) составом, что, по нашему мнению, является правильным, учитывая общественную опасность этого преступления. Преступный исход не является обязательным признаком большинства альтернативных деяний основного состава преступления. Последствия при их совершении могут быть, но они по большей части не включены в состав этого преступления. Точный анализ последствий применения запрещенных средств и методов ведения войны сделать сложно, а иногда и невозможно. Так, применение средств ведения войны, запрещенных международным правом, приводит к преступным последствиям сразу либо создает опасность причинения вреда в будущем. Часто между противоправным поведением лица и возможными последствиями может быть определенный промежуток времени. Для отдельных средств ведения войны, запрещенных международным правом (бактериологическое оружие), характерным является как продолжительность действия, которое поражает (продолжительность действия

вируса во время эпидемии холеры исчисляется несколькими месяцами), так и наличие скрытого (ситуационного) периода (например, характерный для эпидемии чумы), когда определить его очень трудно [2, с. 92–94].

Поэтому считаем, что позиция некоторых авторов о том, что «законодательная конструкция, которая объявляет наказуемым само действие, которое имеет опасные свойства» [3, с. 90], является вполне обоснованной в отношении конструкции ч. 1 ст. 356 УК РФ. Исходя из того, что основной состав рассматриваемого преступления сконструирован как формально-материальный (комбинированный), для наличия объективной стороны его формальных деликтов закон требует установления лишь деяния.

К факультативным признакам объективной стороны состава преступления относятся: общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и общественно опасными последствиями, место, время, обстановка, способ и средства совершения преступления. В связи с тем, что отдельные из факультативных признаков прямо указаны в диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ (разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации) или вытекающих из ее содержания (время вооруженного конфликта), эти признаки приобретают значение обязательных признаков объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны.

Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, лишь тогда, когда в совершенном им деянии установлены все признаки объективной стороны этого состава преступления.

Следует отметить, что термин «деяние» используется в уголовном праве и судебной практике в двух значениях: как синоним термина «преступление» и как один из признаков объективной стороны состава преступления. Мы его используем как признак объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны. По уголовному законодательству Российской Федерации основанием уголовной ответственности является «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» (ст. 8 УК РФ). Итак, деяние всегда выступает как обязательный признак объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны.

Как и любой акт волевого поведения человека, преступление представляет собой единство его внешних (объективных) и внутренних (субъективных) свойств и признаков. Внешняя сторона преступления образует его объективную сторону, а внутренняя – его субъективную сторону. Учитывая неразрывную связь объективных и субъективных признаков преступления, наука уголовного права в то же время изучает их отдельно друг от друга. Такой подход позволяет глубже познать объективную и субъективную стороны преступления, образующие единый и неделимый акт преступного поведения. Таким образом, в юридической литературе для характеристики преступного посягательства вместе с понятием «деяние» также используется понятие «поведение». Предложения отдельных авторов о замене понятия «деяние» понятием «поведение» не нашла поддержки в законодательстве

и теории уголовного права [4, с. 179]. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что любое преступление является актом определенного человеческого поведения, но в отношении преступления – это всегда общественно опасное деяние.

Учитывая то, что в уголовном законе не в полной мере отражены основные признаки объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны, представляется возможным раскрыть эти признаки через свойства объекта посягательства, который является следствием активности человека, поскольку действие определяется объектом и находится с ним в неразрывной связи. Б. С. Никифоров подчеркнул, что «ущерб, вред объекту, который охраняется уголовным законом, может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется свойствами самого объекта» преступления [5, с. 137].

2. Действие как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ

Объективная сторона применения запрещенных средств и методов ведения войны характеризуется прежде всего активным поведением – действием.

Действия могут быть как простыми, так и сложными. Совершая умышленное действие, соответствующие движения тела являются актом целенаправленного поведения человека. При этом соответствующие телодвижения, составляющие соответствующее действие, всегда объединены целью в единый волевой акт внешнего поведения человека. Действие, таким образом, характеризуется направленностью на выполнение соответствующей «конкретной» задачи. В литературе высказываются разные взгляды относительно преступного действия. По мнению одних авторов, действие охватывает собой не только движение тела человека, но и те силы, которыми человек может пользоваться, а также те закономерности, которые он может использовать [6, с. 54]. Другие авторы считают, что действия человека ограничиваются лишь сознательными движениями тела или воздержанием от них, а преступные действия заканчиваются такими движениями, с помощью которых человек воздействует на использованные им силы и средства, последние же находятся за пределами действия и охватываются понятием «причинная связь между действиями и вредными последствиями» [7, с. 78]. Этот вопрос вызвал длительные дискуссии в уголовном праве. Мы соглашаемся с авторами, которые считают, что использование человеком внешней силы и ее закономерностей является составляющей действий человека, если такие силы приводятся им в движение или сознательно используются (направляются, заменяются) в процессе совершения преступления.

Характеризуя преступные деяния во время совершения военного преступления, необходимо отметить их масштабность, разносторонность и длительность. Как указано А. Н. Трайниным, «преступления против человечества состоят не из эпизодических действий (удар ножом, поджог и т.п.), а из системы действий, из определенного рода «деятельности» (подготовка агрессии, политика террора, преследование мирных граждан и т.п.)» [8, с. 316]. Так, на Нюрнбергском процессе было установлено, что систематическое истребление и истязания советских мер-

ных граждан, включая детей, женщин и стриков, а так же советских военнопленных, начались с первых дней вступления нацистов на территорию Украинской ССР (так, массовые расстрелы в Бабьем Яру начались уже через 10 дней после захвата Киева) [9, с. 371].

Применение запрещенных средств и методов ведения войны могут совершаться с использованием государственных учреждений, государственных организаций. Характерным примером служит агрессия гитлеровской Германии против европейских государств, вылившаяся во вторую мировую войну. Она готовилась еще с 1933 года, с момента прихода к власти нацистов. В подготовку и осуществление агрессии были вовлечены десятки тысяч людей, весь государственный и партийный аппарат, включая зарубежные службы [10, с. 10]. Д. Б. Левин справедливо считал, что объективная сторона таких преступлений должна быть проанализирована не только в отношении деятельности физических лиц, но и государства в целом. Государство выступает за пределами своих границ через свои органы и несет ответственность за их действия [11, с. 2].

В диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ определены альтернативные деяния: а) жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением; б) депортация гражданского населения; в) разграбление национального имущества на оккупированной территории; г) применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации.

Деяние, выступая обязательным признаком объективной стороны состава преступления, является конкретным, общественно опасным, противоправным, осознанным и волевым актом поведения человека.

Конкретный характер деяния представляет собой конкретный акт поведения человека, который происходит в определенной обстановке, месте и времени и всегда проявляется в конкретном действии или бездействии. Деяние является осознанным актом поведения человека, который является следствием познавательной деятельности, отражения в его сознании объективного мира. Оно должно быть волевым, т.е. проявлением воли лица, если оно действует по соответствующим мотивам и с определенной целью.

Общественная опасность как признак деяния заключается в том, что конкретное общественно опасное деяние лица причиняет (или создает реальную угрозу причинения) существенный вред объекту преступления. Общественная опасность органически присуща деянию, которое обуславливает необходимость его криминализации, т.е. признания его преступным и наказуемым, что непосредственно следует из ст. 8 и 14 УК РФ. Высокая общественная опасность применения запрещенных средств и методов ведения войны заключается в том, что в случае несоблюдения, установленного соответствующими международными договорами и обычаями порядка ведения войны, происходит нарушение прав человека, уничтожаются гражданские объекты, в том числе памятники культуры и архитектуры, причиняется существенный вред окружающей среде. Поэтому является неслучайным неприменение срока давности по таким преступлениям, согласно Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. [12]

Противоправность, являясь признаком преступного деяния, в соответствии с требованиями ст. 14 УК РФ означает, что преступлением является только запрещенное Уголовным законом деяние. Действие или бездействие, имеющие признаки того или иного конкретного преступления, одновременно являются и противоправными, и общественно опасными. Вопрос противоправности в отношении применения запрещенных средств и методов ведения войны имеет свои особенности. В соответствии с принципами международного права, определенными Уставом Нюрнбергского военного трибунала и утвержденными комиссией Международного права ООН в 1950 г., «то обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву» [13]. На Нюрнбергском и Токийском процессах защитой было заявлено об освобождении от уголовной ответственности подсудимых на основании того, что Национальное уголовное право Германии не предусматривало ответственности за деяния, которые были ими совершены. Эти заявления были отклонены, поскольку, по мнению суда, законы – это не только те нормы, которые зафиксированы на бумаге, это еще и обычаи войны.

3. Бездействие как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ

Применение запрещенных средств и методов ведения войны осуществляются путем как активного действия, так и бездействия. Бездействие может быть в так называемом чистом виде (*delictum ommissionis*) и смешанном. Бездействие выступает, как правило, в форме невыполнения определенной обязанности действовать в соответствии с правилами ведения военных действий. Эти правила закреплены как в соответствующих международных договорах и законах, так и в определенных актах, определяющих функциональные обязанности того или иного лица.

В теории уголовного права наблюдаются различные подходы к уголовной ответственности за преступное бездействие. Некоторые авторы считают, что бездействие может быть причиной вредных последствий [14, с. 130]. Другие отрицают причинность бездействия и рассматривают ее как акт поведения, выражающийся в не предотвращении последствия [15, с. 125]. Считаем, что более обоснованными являются суждения о причинности бездействия. В случае применения запрещенных средств и методов ведения войны в виде бездействия определенное лицо не совершает обязательные для него конкретные действия (действие), которые оно должно было и могло совершить в этих конкретных условиях.

Бездействие имеет такие же социальные и юридические свойства, как и действие: общественная опасность, противоправная конкретная осознанность и волевое поведение лица. Что касается уголовной ответственности за определенное бездействие, то обязанность совершать необходимые действия предусмотрена соответствующими актами (законом или другим нормативно-правовым актом, служебными инструкциями, договорными отношениями и т.д.). Например, жестокое обращение с военнопленными путем бездействия может заключаться в непредоставлении им надлежащей медицинской помощи, продуктов питания и т.д. При

этом виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, если оно было обязано предотвратить наступление преступных последствий.

Правомерность ответственности за преступное бездействие определена Дополнительным Протоколом I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (п. 2 ст. 86), в соответствии с которым военное преступление, совершенное подчиненным, не освобождает его начальника от уголовной или дисциплинарной ответственности, если он знал, что преступление будет совершено и не принял соответствующих мер для его предупреждения или пресечения [16, с. 262]. При этом необходимым является соблюдение следующих условий: 1) начальник должен быть непосредственным руководителем подчиненного; 2) начальник владел информацией, позволявшей ему сделать вывод относительно возможности совершения преступления; 3) начальник не принял мер в пределах своих полномочий по предупреждению или пресечению преступления.

Согласно п. 1 ст. 87 Дополнительного Протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. государства должны требовать от военных командиров и других лиц, находящихся в их подчинении, чтобы они не допускали нарушений Конвенций и настоящего Протокола и в случае необходимости пресекали эти нарушения [16, с. 262–263]. Следовательно, применение запрещенных средств и методов ведения войны, совершенные подчиненным, могут частично или полностью быть предъявлены начальнику, который не принял соответствующих мер для их предупреждения или пресечения, в том числе руководителю государства или соответствующего военного формирования.

Примером судебного разбирательства по делу о преступном бездействии является дело бывшего командующего японской армией в Китае генерала И. Мацуи. Он был приговорен к смертной казни за преступления, совершенные его подчиненными – японскими военными во время захвата г. Нанкина в декабре 1937 г., где ими было убито более 200 тыс. преимущественно гражданских лиц. И. Мацуи предстал перед Международным военным трибуналом для Дальнего Востока по обвинению в «намеренном и безрассудном» игнорировании своей обязанности «предпринять адекватные шаги для надлежащего соблюдения и предотвращения нарушений» Гаагских конвенций. Несмотря на то что лично И. Мацуи не убивал и никаких распоряжений по этому поводу не отдавал, в приговоре суда было отмечено, что он был наделен достаточной властью для того, чтобы установить контроль над своими войсками и защитить несчастных жителей Нанкина; это было его обязанностью [17, с. 162].

Заключение

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы: особенностью конструкции основного состава применения запрещенных средств и методов ведения войны является то, что законодатель вместе с описательной диспозицией применил также бланкетную со ссылкой на соответствующие международные договоры Российской Федерации. При этом Российским законодателем применена собственная система определения форм этого преступления. Объективная сторона основного состава применения запрещенных средств и методов ведения вой-

ны характеризуется разнообразием альтернативных преступных деяний, каждое из которых образует объективную сторону состава этого преступления. Действия с физической стороны могут быть простыми и сложными.

С целью более полного определения объективной стороны состава рассматриваемого преступления предлагается ее дополнить такими деяниями, как нападение, повреждение, разрушение, уничтожение или незаконная реквизиция объектов культурного или природного наследия; принуждение военнопленных или гражданских лиц к участию в военных действиях или выполнению работ военного характера; набор или вербовка несовершеннолетних в состав Вооруженных сил или группировок, или использование их для участия в военных действиях; неоправданное задержание репатриации военнопленных или гражданских лиц.

Пристатейный библиографический список

1. *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1961.

2. *Градосенский В. В.* Ядерное, химическое и бактериологическое оружие и защита от него. М. : Изд-во ДОСААФ, 1970.

3. *Тоболкин П. С.* Научно-технический прогресс и вопросы законодательной конструкции диспозиций преступлений // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права. М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1975.

4. *Гавриш С. Б.* Кримінально-правова охорона довкілля. Проблеми теорії, застосування і розвитку кримінального законодавства. Київ, 2002.

5. *Никифоров Б. С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1960.

6. *Дурманов Н. Д.* Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1955.

7. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960.

8. *Трайнин А. Н.* Защита мира и уголовный закон. М. : Наука, 1969.

9. *Савенков А. Н.* Нюрнберг : Приговор во имя Мира : монография. М. : Проспект, 2022.

10. *Кудрявцев В. Н.* Международное уголовное право. М. : НОРМА ; ИНФРА-М ; Znanium.com, 2016.

11. *Левин Д. Б.* Ответственность государств в современном международном праве. М. : Междунар. отношения, 1966.

12. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (принята резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 г.) // United Nations : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 27.04.2023).

13. Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала (текст, принятый на второй сессии Комиссии в 1950 г. и представленный Генеральной Ассамблее как

часть доклада Комиссии о работе указанной сессии) // United Nations : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 27.04.2023).

14. *Тимейко Г. В.* Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1977.

15. *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть. М. : Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1903.

16. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. 5-е изд. доп. М. : Международный Комитет Красного Креста, 2011.

17. *Савенков А. Н.* Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции : специализированный учебный курс. М. : Проспект, 2022.

References

1. *Piontkovskii A. A.* The Doctrine of a Crime Under Soviet Criminal Law. Moscow: Gosiurizdat, 1961. (In Russ.)

2. *Gradoselskii V. V.* Nuclear, Chemical and Bacteriological Weapons and Protection Against Them. Moscow: DOSAAF Publishing House, 1970. (In Russ.)

3. *Tobolkin P. S.* Scientific and Technological Progress and Issues of Legislative Construction of Dispositions of Crimes. In Scientific and Technological Progress and Problems of Criminal Law. Moscow: All-Union Institute for the Study of Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1975. (In Russ.)

4. *Gavrish S. B.* Criminal Law Protection of the Environment. Problems of Theory, Application and Development of Criminal Legislation. Kiev, 2002. (In Russ.)

5. *Nikiforov B. S.* The Object of a Crime Under Soviet Criminal Law. Moscow: Gosiurizdat, 1960. (In Russ.)

6. *Durmanov N. D.* Stages of Committing a Crime Under Soviet Criminal Law. Moscow: Gosiurizdat, 1955. (In Russ.)

7. *Kudriavtsev V. N.* The Objective Side of the Crime. Moscow: Gosiurizdat, 1960. (In Russ.)

8. *Trainin A. N.* Protection of Peace and Criminal Law. Moscow: Nauka, 1969. (In Russ.)

9. *Savenkov A. N.* Nuremberg: Verdict in the Name of Peace: Monograph. Moscow: Prospekt, 2022. (In Russ.)

10. *Kudriavtsev V. N.* International Criminal Law. Moscow: Norma; Infra-M; Znanium.com, 2016. (In Russ.)

11. *Levin D. B.* Responsibility of States in Modern International Law. Moscow: International Relations, 1966. (In Russ.)

12. Convention on the Non-Applicability of the Statute of Limitations to War Crimes and Crimes against Humanity (adopted by UN General Assembly resolution 2391 (XXIII) of 26 November 1968). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (date of application: 27.04.2023). (In Russ.)

13. Principles of International Law Recognized by the Statute of the Nuremberg Tribunal and Expressed in the Decision of This Tribunal (text adopted at the second session of the Commission in 1950 and submitted to the General Assembly as part of the

report of the Commission on the work of that session). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (date of application: 27.04.2023). (In Russ.)

14. *Timeiko G. V.* The General Doctrine of the Objective Side of the Crime. Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1977. (In Russ.)

15. *List F.* Textbook of Criminal Law. General Part. Moscow: A. I. Mamontov's Printing House, 1903. (In Russ.)

16. Geneva Conventions of 12 August 1949 and their Additional Protocols. 5th ed. Moscow: International Committee of the Red Cross, 2011. (In Russ.)

17. *Savenkov A. N.* The Nuremberg Trial and the Development of International Criminal Justice: Specialized Training Course. Moscow: Prospekt, 2022. (In Russ.)

Сведения об авторе:
С. Ю. Мироненко – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:
S. Yu. Mironenko – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 04.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted to the editorial office 22.05.2023; approved after reviewing 04.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Научная статья
УДК 343.7
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-178-193

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПО ПРИНЦИПУ «ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ»: ОБОСНОВАННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Майя Михайловна Савченко

Калининградский государственный технический университет,
236032, Россия, г. Калининград, пер. Малый, д. 32

maya.savchenko@gmail.com

Аннотация

При реализации государственной политики по противодействию недобросовестным практикам проведения финансовых операций важным является применение мер уголовной ответственности. Целью исследования являются совершенствование применения существующих норм законодательства, предусматривающих ответственность за деятельность «финансовых пирамид», и выработка рекомендаций по изменениям действующего законодательства. При проведении исследования решены следующие задачи: проведен анализ применения ст. 159 и 172.2 Уголовного кодекса РФ; обозначены основные критерии дифференциации деяний в зависимости от объективных и субъективных признаков; выявлены формулировки диспозиции ст. 172.2, создающие неопределенности правоприменения и допускающие оценочное толкование. При проведении исследования применялись следующие методы: анализ, синтез, феноменология, формально-логический, сравнительно-правовой. В результате сформулированы критерии разграничения составов при оценке деятельности финансовых пирамид (ст. 159 УК РФ либо ст. 172.2 УК РФ). Предложено рассмотреть возможность комплексного пересмотра ст. 172.2 УК РФ одновременно со ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» путем объединения в рамках одного состава деятельности по оказанию фиктивных финансовых услуг.

Ключевые слова: финансовые пирамиды; незаконная финансовая деятельность; мошенничество; привлечение денежных средств; вкладчик; пайщик; акции.

Для цитирования: *Савченко М. М.* Уголовная ответственность за привлечение денежных средств по принципу «финансовой пирамиды»: обоснованность криминализации и проблемы правоприменения // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 178–193. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-178-193

Research Article

CRIMINAL LIABILITY FOR RAISING FUNDS ON THE BASIS OF THE "FINANCIAL PYRAMID" PRINCIPLE: THE VALIDITY OF CRIMINALIZATION AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Maya M. Savchenko

Kaliningrad State Technical University, 32 Malyi Lane, Kaliningrad, 236039, Russia

maya.savchenko@gmail.com

Abstract

When implementing the state policy to counteract unfair practices of financial transactions, it is important to apply criminal liability measures. The purpose of the study is to improve the application of existing legal norms that provide for responsibility for the activities of "financial pyramids" and to develop recommendations for changes in the current legislation. During the study, the following tasks were solved: an analysis was made of the application of articles 159 and 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; the main criteria for differentiation of acts depending on objective and subjective signs are revealed; the wording of the disposition of Article 172.2 was revealed, creating uncertainties in law enforcement and allowing for an evaluative interpretation. During the research, the following methods were used: analysis, synthesis, phenomenology, formal-logical, comparative-legal. As a result, the criteria for the differentiation of compositions in assessing the activities of financial pyramids were formulated (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation or Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is proposed to consider the possibility of a comprehensive revision of Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation simultaneously with Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal Banking Activities", by combining within the same scope of activities for the provision of fictitious financial services.

Keywords: financial pyramids; illegal financial activities; fraud; attraction of funds; contributor; shareholder; stock.

For citation: *Savchenko M. M.* Criminal Liability for Raising Funds on the Basis of the "Financial Pyramid" Principle: The Validity of Criminalization and Problems of Law Enforcement. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 178–193. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-178-193

Введение

Привлечение денежных средств, финансовых инструментов и имущества субъектами, не имеющими реальных деловых целей и экономически обоснованных направлений вложения их в бизнес, является достаточно распространенным явлением в экономике России и зарубежных стран. В результате такой деятельности потерпевшими зачастую становятся наиболее слабо защищенные категории: лица, не обладающие в достаточной мере финансовой грамотностью; малоимущие граждане; лица пенсионного возраста. Поэтому формирование государственного механизма контроля за легальными финансовыми услугами, оказываемыми специализированными субъектами, и установление юридической ответственности за осуществление деятельности лицами, не имеющими на это права, либо с нарушениями законодательства направлено в первую очередь на защиту интересов вышеуказанных категорий граждан.

1. Понятие «финансовая пирамида»

Одним из способов незаконного завладения денежными средствами под видом выгодных инвестиций является их привлечение так называемыми финансовыми пирамидами. Данное понятие напрямую не раскрывается в законодательстве, однако широко используется в научной и научно-практической литературе. Общий принцип недобросовестной деятельности, как правило, носящей публичный характер и обычно называемой «финансовой пирамидой», заключается в привлечении денежных средств от широкого круга инвесторов, с обещанием им высоких доходов (которые могут быть заранее установлены в размере фиксированного процента либо быть обусловлены какими-то другими расчетами) или других материальных выгод. При этом фактически организатор такой структуры не вкладывает средства в какие-либо приносящие доходы проекты, а лишь выплачивает обещанную «прибыль» тем, кто вложился в данную схему ранее, за счет средств тех, кто присоединился позднее. Совершенно очевидно, что такая структура имеет ограниченный срок существования – до тех пор, пока происходит увеличение количества «инвесторов» (поэтому и называется «пирамидой»). В тот момент, когда рост останавливается, участники сталкиваются с невозможностью выплаты как дохода, так и возврата своих собственных средств. Наибольшие финансовые потери несут те, кто внес средства позднее, с учетом того, что это наиболее многочисленная категория (так называемое основание пирамиды). Отмечают основное отличие финансовой пирамиды от легального бизнеса – превышение размера выплаченного дохода реальному размеру прибавочной стоимости, которую обеспечивает данный бизнес [1].

2. История финансовых пирамид

Историю появления первых пирамид в России исследователи относят к XIX в. В 1863 г. директором Скопинского городского общественного банка И. Г. Рыковым осуществлялось привлечение денежных средств вкладчиков под очень высокие процентные ставки. Анализ финансовой деятельности банка, позволял говорить о том, что возврат вкладов и обещанных процентов по ним был возможен только последующими вкладами. Не смотря на это, банку удалось просуществовать 19 лет до того момента, когда окончательно выявилась его неплатежеспособность [2].

В начале 90-х гг. XX в. появилось большое количество финансовых пирамид. Их бесконтрольное и зачастую безнаказанное существование было обусловлено отсутствием в тот период достаточной правовой базы, регулирующей предпринимательскую и банковскую деятельность, рынок ценных бумаг. Наиболее известные и крупные по общему количеству «обманутых» участников в тот период были такие структуры как АОЗТ «МММ», ИЧП «Властелина» АОЗТ «Гермес-финанс», АОЗТ «Русский Дом Селенга» [3].

По некоторым оценкам, в 1990-х гг. в России функционировали около 1,8 тыс. финансовых пирамид [4]. После того, как деятельность таких структур прекращалась с закономерным итогом – потерей рядовыми участниками своих сбережений, перед правоохранительными органами вставала задача квалификации деяний, совершенных организаторами. В большинстве ситуаций возбуждались уголовные дела по ст. 147 «Мошенничество» Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., после 1 января 1997 г. (вступления в силу Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) 1996 г.) – по ст. 159 УК РФ. Однако в итоге привлечь организаторов к ответственности за мошенничество представлялось затруднительным в силу следующих причин: во-первых, в условиях наличия значительных пробелов в законодательстве того периода, регулирующих корпоративные отношения в акционерных обществах, инвестиционную деятельность и рынок ценных бумаг, их действия формально не противоречили законам; во-вторых, значительную проблему представляло доказывание основных элементов объективной и субъективной стороны деяний – факта хищения (т.е. завладения виновными денежными средствами потерпевших), а также наличие умысла на обман с целью завладения денежными средствами акционеров, вкладчиков и пайщиков.

Совершенствование законодательства, а также системы регулирования банковской системы, финансовых рынков в России, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сформировало правовой барьер для создания и функционирования пирамид, маскирующихся под законную деятельность по выпуску ценных бумаг, привлечению вкладов и паевых взносов и т.п.

3. Виды юридической ответственности организаторов финансовых пирамид

Юридическая квалификация деяний организаторов пирамид основывается на установлении следующих обстоятельств:

– первоначальный умысел организаторов в отношении цели и направления расходования денежных средств;

– соответствие направлений расходования средств целям, заявленным при их привлечении (т.е. имеет ли место введение в заблуждение инвесторов по данному вопросу);

– объем привлеченных средств – в абсолютном выражении;

– соотношение объема привлеченных средств с объемов расходов на инвестиционную или иную законную предпринимательскую деятельность.

Претензии в рамках исключительно гражданского законодательства могут быть предъявлены к предпринимателям, сформировавшим так называемые трастовые пирамиды [5]. Они могут возникнуть на определенном этапе легальной предпринимательской деятельности, когда расходы на исполнение обязательств по заключенным договорам (подряда, поставки, купли-продажи) полностью или частично осуществляются за счет получения денежных средств от новых покупателей (заказчиков); возврат ранее полученных кредитов и займов производится за счет денежных средств, привлеченных от других кредиторов. В этих случаях лицо в полном объеме осуществляет реальную предпринимательскую деятельность (строительство, торговля и т.п.), а факты изъятия и обращения в свою собственность или использования на посторонние цели привлеченных денежных средств отсутствуют. Неисполнение обязательств заранее не запланировано, носит вынужденный характер.

Существуют структуры, создаваемые с целью привлечения денежных средств граждан и (или) юридических лиц в различных формах, которые заявляют об условиях привлечения открыто, обещая инвесторам выгодные условия (проценты по вкладам, получение в результате инвестирования имущества по выгодной цене). Они могут создаваться в легальных организационно-правовых формах (например, потребительский кооператив, микрокредитная организация, некоммерческая организация) с оформлением всей необходимой документации и уплатой налогов. Однако также могут осуществляться физическими лицами по сетевому принципу, без надлежащей государственной регистрации, заключения договоров, с расчетами наличными деньгами либо через системы интернет-банка для физических лиц. Многие пирамиды, организованные в последние годы, привлекают участников посредством сети Интернет [6]. В современных условиях существует достаточно много различных способов противоправного привлечения денежных средств по принципу «пирамиды» [7].

Деятельность таких структур влечет административную либо уголовную ответственность для организаторов, в зависимости от обстоятельств, характеризующих объективную и субъективную сторону данных деяний. Применимыми являются ст. 14.26 «Деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), а также ст. 159 «Мошенничество» и 172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» УК РФ.

4. Проблемы уголовно-правовой квалификации деяний организаторов финансовых пирамид

В отношении применения уголовной ответственности к организаторам финансовых пирамид существует много дискуссионных вопросов, как в теории, так и в практической правоприменительной деятельности.

Федеральным законом от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ в УК РФ была включена ст. 172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества». До вступления в силу указанной нормы при решении вопроса о привлечении к ответственности организаторов финансовых пирамид уголовные дела возбуждались по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», поскольку содеянное чаще всего соответствовало признакам хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. В случае, если устанавливалось отсутствия умысла, обмана инвесторов или факта завладения денежными средствами обвиняемым, уголовные дела прекращались за отсутствием состава преступления.

Можно говорить о том, что ст. 172.2 УК РФ восполнила пробел, установив ответственность за сам факт организации финансовой пирамиды, вне зависимости от того, был ли факт обмана в деятельности организаторов и/или присвоения ими денежных средств инвесторов.

Некоторые авторы, например, В. И. Соловьев, рассматривают ст. 172.2 УК РФ как специальную норму по отношению к ст. 159 УК РФ [8], что является ошибочным, поскольку данные статьи отличаются элементами объективной и субъективной стороны.

Также существует мнение, что вся незаконная деятельность по привлечению денежных средств может квалифицироваться по ст. 159 УК РФ [9], что также является необоснованным по следующим причинам.

Во многих случаях организаторы не обманывают участников, так как большинство вкладчиков интересует только размер дохода, и не интересует, за счет каких средств он будет выплачиваться. Зачастую организаторы и не скрывают, что выплаты будут производиться за счет средств, полученных от других вкладчиков. Часть вкладчиков, в свою очередь, осознает, что в определенный момент выплаты могут прекратиться. Логика участия сводится к тому, чтобы вложить денежные средства на самых ранних этапах и успеть их вывести до ожидаемого закрытия, что исключает возможность применения ст. 159 УК РФ по причине отсутствия обмана.

Например, одной их схем реализации финансовых пирамид было создание бизнес-клубов как некоммерческих организаций. Условием вступления в клуб было внесение вступительного взноса. В дальнейшем участник имел право привлечь в клуб других членов, получая обусловленное вознаграждение за каждого вступающего. После привлечения им какого-то количества новых участников (как правило, 4-5), вступительный взнос мог «окупиться», т.е. существовала теоретическая возможность вернуть вложенное, и даже получить дополнительный доход, но только при условии увеличения количества членов клуба в геометрической прогрессии.

Современные исследования показывают, что многие пирамиды преобразовались благодаря появлению и развитию технологий в сфере телекоммуникационных средств. Организаторы финансовых пирамид часто маскируют свою противозаконную деятельность под вполне легальные схемы сетевого маркетинга, которые мошенничеством не считаются [10].

Что касается объективной стороны ст. 172.2, то ее диспозиция сформулирована следующим образом: «Организация деятельности по привлечению денеж-

ных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества».

В отличие от материального состава ст. 159 УК РФ, при котором оконченным преступление становится после того, как свершен факт завладения чужим имуществом либо приобретения права на чужое имущество, деяние по ст. 172.2 УК РФ уже считается оконченным после того, как организатор привлек денежные средства в определенной сумме, вне зависимости от того, завладел ли он ими или нет. На данном основании некоторые исследователи делают вывод о том, что ст. 172.2 УК РФ является излишней, так как в ней речь идет о покушении на мошенничество, однако для этого достаточно квалификации содеянного по соответствующей части ст. 159 УК РФ и ч. 3 ст. 30 УК РФ [11].

Такой вывод является ошибочным, так как согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Как неоконченное преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ, могут быть квалифицированы действия организаторов пирамиды, если доказаны следующие обстоятельства: 1) обман участников в отношении целей привлечения денежных средств, предполагаемых направлений их расходования; 2) наличие умысла на завладение средствами инвесторов – обращения их в собственность виновных или третьих лиц. Таким образом, неоконченное деяние по ст. 159 УК РФ отличается от ст. 172.2 УК РФ субъективной стороной.

А. В. Быков справедливо отметил [12], что для решения вопроса о квалификации действий лица по ст. 172.2 УК РФ (и исключения квалификации по ст. 159 УК РФ) необходимо установить цель, не связанную с хищением. При этом сделан вывод о том, что направленность умысла виновного и его цель являются второстепенными признаками. Первичным будет являться осознание лицом факта организации деятельности финансовой пирамиды и желание осуществления финансовой пирамиды, привлекая денежные средства.

Существует мнение, что ст. 172.2 и 159 УК РФ можно применять одновременно, привлекая виновных к уголовной ответственности по совокупности преступлений. Позволим себе не согласиться с этим выводом по следующим основаниям. Если финансовая пирамида создана с целью хищения денежных средств ее организаторами, то привлечение денежных средств, при заведомо нереализуемой схеме их возврата вкладчикам, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием потерпевших, является лишь способом совершения мошенничества и дополнительной квалификации не требует. Данный вывод подтверждается п. 12 поста-

новления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Проведя анализ объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, следует определить некоторые проблемные моменты: формулировка диспозиции «организация деятельности по привлечению денежных средств…» на первый взгляд позволяет отнести данный состав к категории усеченных, не требующих самого свершившегося факта привлечения хоть какой-то денежной суммы. Однако формулировка «в крупном размере» (ч. 2 статьи «в особо крупном размере») все-таки означает, что речь идет об определенной сумме, которая уже привлечена и может быть исчислена, т.е. состав является формальным. Следует еще раз подчеркнуть, что данная статья не устанавливает каких-либо требований к судьбе привлеченных денежных средств – направлены ли они на финансирование каких-либо расходов либо только аккумулированы на счете. Также не имеет значения, причинен ли ущерб инвесторам и в каком размере.

В соответствии с примечанием к ст. 170.2 в действующей редакции крупным размером в целях применения ст. 172.2 является сумма, превышающая 2 250 000 руб., а особо крупным размером – сумма, превышающая 9 млн руб. То есть для применения уголовной ответственности требуется, чтобы сумма привлеченных денежных средств или стоимость привлеченного имущества превышала 2 250 000 руб. При меньшей сумме, но при наличии всех других признаков объективной и субъективной стороны применению подлежит ст. 14.26 КоАП РФ, имеющая аналогичную диспозицию.

При определении круга субъектов, подлежащих уголовной ответственности по данной статье, возникает вопрос, что считать «организацией деятельности»: являются ли субъектами преступления только лица, создавшие пирамиду, либо также те, кто выполнял отдельные организационно-распорядительные функции в процессе ее деятельности.

Узкая позиция в понимании сущности деяния, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ представлена, например, точкой зрения А. Б. Коноваловой и И. Н. Мосечкина [13], которые рассматривают термин «организация» как деятельность, образованная действиями по созданию, руководству и финансированию финансовой пирамиды.

В теории управления под организацией деятельности понимается комплекс целенаправленных действий организатора (или группы организаторов), ориентированных на: создание новой организационной структуры системы; совершенствование существующей организационной структуры системы; реструктуризацию системы (перепланировку частей, упразднение действующих и создание новых технологий и т.д.); техническое перевооружение системы (без изменения существующей структуры и т.д.); расширение действующей системы (на территории действующей организации); эксплуатацию имеющихся систем; реализацию рациональных форм и методов организации разнообразных процессов в пространстве и во времени (информационных, производственных, финансовых и т.п.) [14].

Э. А. Золаев приходит к выводу о том, что «организационная деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества выражается: а) в поис-

ке потенциальных вкладчиков; б) в найме лиц для работы с клиентами; в) в разработке системы выплат за привлеченных клиентов (реферальная программа); г) в аренде помещений для обеспечения деятельности; д) в размещении рекламных материалов в СМИ, сети Интернет и т.п., направленных на привлечение аудитории и увеличение узнаваемости проекта; е) в привлечении известных личностей для повышения доверия и обеспечения иллюзии надежности проекта; ж) в иных действиях, направленных на поддержку функционирования проекта» [15].

Проведенный анализ показывает, что термин «организация деятельности» является неопределенным и затрудняет определение круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности по данной статье. Полагаем, что замена формулировки «организация деятельности по привлечению…» на «деятельность по привлечению...», при наличии ст. 33 УК РФ, исключила бы неопределенность толкования, при этом позволила бы установить всех виновных в совершении данного деяния с учетом степени участия каждого.

При юридической оценке объективной стороны деяния следует также обратить внимание на то, что для квалификации деятельности как незаконной и наказуемой по ст. 172.2 УК РФ необходимо два условия. В. Ю. Белицкий называет данные действия альтернативными [16], однако УК РФ требует одновременного наличия этих обстоятельств. Первое касается источников выплаты дохода: «выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц». Второе основано на соотношении законной предпринимательской деятельности с объемом привлеченных денежных средств, т.е. «при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества».

Наличие таких формулировок существенно затрудняет доказывание по уголовным делам, расследуемым по данной статье, в случаях, когда субъекты, привлекающие денежные средства по принципу пирамиды, одновременно с этим ведут иную хозяйственную деятельность, совершают определенные финансовые операции, не имеющие экономического смысла, зачастую формально, именно с целью избежать ответственности.

А. М. Сапрыкин полагает [17], что использование законодателем таких оценочных понятий вызывает много вопросов у специалистов. Критерии сопоставимости на настоящий момент не установлены и, по-видимому, будут произвольно определяться правоприменителями, что может позволить избегать уголовной ответственности за данное преступление виновным лицам, равно как и наоборот. Так, при уменьшении сопоставляемого объема субъектом преступления до определенного уровня (например, путем направления некоторой части денежных средств на какую-либо незначительную предпринимательскую деятельность), у виновного лица появляется возможность ссылаться на отсутствие в его действиях состава указанного преступления.

Поэтому некоторые авторы предлагают разграничивать деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в рамках «финансовой пирамиды», от всей деятельности организации [18]. Многие исследователи, подчеркивая неопределенность и оценочность диспозиции рассматриваемой статьи, признают, что идеального и универсального определения анализируемого деяния быть не может. Любые попытки уточнения определения деяния, закрепленного ст. 172.2 УК РФ, будут представлять собой не более чем ориентировочный перечень признаков [19] и увеличивать и без того объемную диспозицию статьи.

Проблема может быть решена в случае комплексного пересмотра диспозиции ст. 172.2 УК РФ одновременно со ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» путем объединения в рамках одного состава всех видов фиктивных финансовых услуг.

Заключение

На практике квалификация деятельности организаторов финансовых пирамид вызывает существенные затруднения, связанные с разграничением статей, предусматривающих ответственность за мошенничество и за организацию привлечения денежных средств.

Общий подход к дифференциации данных составов состоит в следующем. В российском и зарубежном законодательстве основным признаком мошенничества выступает способ причинения ущерба собственнику – обман. При решении вопроса о квалификации преступления следует выяснить, было ли действительно совершено хищение путем обмана или злоупотребления доверием. Причинение ущерба в этих случаях чаще всего связано с введением вкладчиков в заблуждение относительно истинных целей организатора финансовой пирамиды [20]. Вкладчикам не сообщается о причинах появления дохода, либо с помощью обмана обещается высокая прибыль от якобы нового эксклюзивного вида деятельности. При искажении истины или умолчании о значимых фактах деятельности финансовой пирамиды, организатор может быть привлечен к ответственности за мошенничество. Если же обман отсутствует, например, когда участники предупреждены о риске потери инвестиционных вложений, то организаторов этой деятельности можно привлечь по ст. 172.2 УК РФ при наличии других обязательных условий, предусмотренных данной статьей.

Многие специалисты отмечают, что проблема зачастую находится в области доказывания обстоятельств субъективной стороны (направленность умысла, цель) [21; 22]. Приходится констатировать, что иногда ст. 172.2 УК РФ применяется судами в тех случаях, когда отсутствует достаточный объем доказательств в отношении вышеуказанных элементов субъективной стороны, необходимых для квалификации деяния как более тяжкого преступления (ст. 159 УК РФ). Этим объясняется неоднородная судебная практика по данной категории дел и большое количество судебных решений, измененных или отмененных с апелляционной инстанции[1].

[1] Решение № 2-1393/2017 2-1393/2017~М-1214/2017 М-1214/2017 от 14 августа 2017 г. по делу № 2-1393/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: http://sudact.ru/regular/doc/8BhoppUEiodC/ (дата обращения: 27.11.2022).

Судебная статистика в части практического применения ст. 172.2[1] показывает, что данная норма не получила широкого применения. Начиная с даты ее принятия общее количество приговоров по этой статье составило: 2016 г. – 2; 2017 г. – 12; 2018 г. – 3; 2019 г. – 1, 2020 г. – 2, в 2021 г. приговоров по данной статье не выносилось. Анализ представленных данных позволяет сделать вывод, что наибольшее количество привлеченных к уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид (при отсутствии в деятельности виновных признаков мошенничества) пришлось на первый год вступления в силу данной нормы. При этом с 2019 г. данная статья применяется очень редко, что позволяет многим критикам предлагать ее отмену как не работающую.

Однако предлагаем рассмотреть данный вопрос в совокупности с причинами снижения фактов применения этой нормы, а также с проводимой государственной политикой, направленной на противодействие деятельности по организации финансовых пирамид.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ одной из важных задач Уголовного кодекса является предупреждение преступлений, что является реализацией охранительной функции уголовного права (некоторые исследователи выделяют также отдельно превентивную или предупредительную функцию [23; 24]). Наличие в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за какое-либо деяние, дает обществу понимание, что данная деятельность является общественно опасной, не одобряется государством. Лица, не желающие быть привлеченными к ответственности, информированные о наличии соответствующего состава в УК, воздерживаются от ее осуществления. Полагаем, что имеющаяся динамика количества осужденных по ст. 172.2 является как раз демонстрацией предупредительной функции уголовного права: сформировавшаяся судебная практика показала, что норма работающая.

Кроме того, Банк России активно проводит государственную политику по противодействию недобросовестным финансовым практикам. На официальном сайте ЦБ РФ[2] Банк России с помощью специальной системы мониторинга, а также по обращениям граждан и организаций формирует «Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке», в том числе указывая организации «с признаками финансовой пирамиды». При этом расшифровка термина «финансовая пирамида» в комментариях к данному списку дается в полном соответствии с терминами ст. 172.2 УК РФ и ст. 12.62 КоАП РФ. Таким образом, компании, попавшие в данный список, получают сигнал о рисках признания их деятельности незаконной, а потребители финансовых услуг – о нежелательности работы с ней, что снижает риски их участия в таких операциях.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Деятельность по организации финансовых пирамид влечет уголовную ответственность по ст. 159 либо по ст. 172.2 УК РФ, при этом основным критерием

[1] Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел: https://судебнаястатистика.рф//stats/ug/.

[2] Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке: https://cbr.ru/inside/warning-list/.

разграничения составов является направленность умысла. Если виновный, имея умысел на завладения денежными средствами, привлекал их, но фактически не успел ими завладеть (совершить хищение), данная ситуация не образует состава ст. 172.2 УК РФ, а квалифицируется как покушение на мошенничество.

2. Диспозиция ст. 172.2 УК РФ имеет формулировки, создающие правовую неопределенность, и допускает оценочное толкование. Предлагается исключить формулировку «организация деятельности» из описания объективной стороны. Также предлагается рассмотреть возможность комплексного пересмотра одновременно со ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» путем объединения в рамках одного состава деятельность по оказанию фиктивных финансовых услуг.

3. Криминализация самой по себе деятельности финансовых пирамид, независимо от целей организаторов и причиненного ими ущерба, не является излишней, так как имеет значительное превентивное воздействие и снижает риски вовлечения средств граждан в незаконную деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. *Вавулин Д. А., Федотов В. Н.* Финансовые пирамиды : понятие, механизм функционирования, примеры из мировой и отечественной практики, трансформация в условиях финансового кризиса // Финансы и кредит. 2009. № 29 (365).

2. *Сафаров И. Г.* Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества : юридико-технический анализ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26).

3. *Белицкий В. Ю.* История возникновения и развития мошенничеств, совершенных по принципу финансовой пирамиды, в России // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20).

4. *Алебердеев Р. Р., Латов Ю. В.* Финансовые пирамиды как формы непроизводительного предпринимательства // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 2.

5. *Гордейчик С. А.* Лжеэкономическая деятельность : вопросы уголовной ответственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33).

6. *Емельянова Е. Г.* Особенности финансовых пирамид в интернет-среде // European Scientific Conference : сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции, Пенза, 7 ноября 2021 года. Пенза : Наука и Просвещение, 2021.

7. *Милякина Е. В.* Экономико-правовой подход к систематизации способов совершения преступлений, связанных с организацией деятельности финансовых пирамид // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53).

8. *Соловьев В. И.* Уголовная ответственность за привлечение средств граждан в финансовые пирамиды // Налоговый вестник. 2016. № 6.

9. *Чемоданова Ю. В., Захарова А. В., Спиридонова О. Е.* Финансовые пирамиды как один из видов экономических преступлений на рынке монетарных инвестиций // Интеграция наук. 2018. № 8 (23).

10. *Голубев С. Ю.* Современные финансовые пирамиды : особенности трансформаций в условиях развития информационно-коммуникационных технологий //

Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. 2019. № 13.

11. *Гладких В. И.* К вопросу об обоснованности криминализации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ) // Научные исследования : векторы развития : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 30 ноября 2018 г. Чебоксары : ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018.

12. *Быков А. В.* К вопросу о субъективной стороне организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10.

13. *Коновалова А. Б., Мосечкин И. Н.* О некоторых проблемах установления уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Безопасность бизнеса. 2016. № 4.

14. *Гулягин А. Ю.* Организация деятельности как комплексное явление // Российская юстиция. 2011. № 5.

15. *Золаев Э. А.* Организационная деятельность как самостоятельное преступление : понятие, виды, характеристика : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018.

16. *Белицкий В. Ю.* Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1 (17).

17. *Сапрыкин А. М.* Статья 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Евразийская адвокатура. 2018. № 4 (35).

18. *Иванчин А. В.* Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 1722 УК РФ) : вопросы квалификации и реконструкции состава // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : сборник трудов по материалам всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 16 октября 2020 г. Саратов : СГЮА, 2021.

19. *Сачков А. Н.* Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества : признаки преступного деяния // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1.

20. *Назарова Н. Л., Семенченко О. Д.* «Строительство» пирамид как разновидность мошенничества на финансовом рынке // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 2.

21. *Карчевский К. А.* Реализация уголовной политики по противодействию «финансовым пирамидам» // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов VIII-й Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 г. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020.

22. *Яковлева Л. В., Яковлев В. В.* Особенности совершения мошенничеств по принципу «финансовых пирамид» // Вестник Всероссийского института повыше-

ния квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4 (56).

23. *Чучаев А. И.* Глава 1. Понятие, предмет, задачи и принципы уголовного права // Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М. : Эксмо, 2009.

24. *Звечаровский И. Э.* Современное уголовное право России : понятие, принципы, политика. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.

References

1. *Vavulin D. A., Fedotov V. N.* Financial Pyramids: Concept, Mechanism of Functioning, Examples from the World and Domestic Practice, Transformation in the Financial Crisis. *Finance and Credit*, 2009, no. 29 (365). (In Russ.)

2. *Safarov I. G.* Organization of Activities to Attract Funds and (or) Other Property: Legal and Technical Analysis. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4 (26). (In Russ.)

3. *Belitskii V. Iu.* History of the Emergence and Development of Frauds Committed on the Principle of Financial Pyramid in Russia. *Altai Legal Bulletin*, 2017, no. 4 (20). (In Russ.)

4. *Aleberdeev R. R., Latov Iu. V.* Financial Pyramids as Forms of Unproductive Entrepreneurship. *Terra Economicus*, 2010, vol. 8, no. 2. (In Russ.)

5. *Gordeichik S. A.* False Economic Activity: Issues of Criminal Responsibility. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (33). (In Russ.)

6. *Emelianova E. G.* Features of Financial Pyramids in the Internet Environment. In European Scientific Conference: Collection of Articles of the XXVII International Scientific and Practical Conference, Penza, 7 November 2021. Penza: Science and Enlightenment, 2021. (In Russ.)

7. *Miliakina E. V.* Economic and Legal Approach to the Systematization of Ways of Committing Crimes Related to the Organization of Financial Pyramid Activity. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (53). (In Russ.)

8. *Soloviev V. I.* Criminal Liability for Attracting Funds of Citizens in Financial Pyramids. *Tax Bulletin*, 2016, no. 6. (In Russ.)

9. *Chemodanova Iu. V., Zakharova A. V., Spiridonova O. E.* Financial Pyramids as One of the Types of Economic Crimes in the Market of Monetary Investments. *Integration of Sciences*, 2018, no. 8 (23). (In Russ.)

10. *Golubev S. Iu.* Modern Financial Pyramids: Features of Transformations in the Conditions of Information and Communication Technologies Development. *Genesis of Economic and Social Problems of Market Economy Subjects in Russia*, 2019, no. 13. (In Russ.)

11. *Gladkikh V. I.* On the Validity of the Criminalization of the Organization of Activities to Attract Money and (or) Other Property (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). In Scientific Research: Vectors of Development: Collection of Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, 30 No-

vember 2018. Cheboksary: LLC "Center for Scientific Cooperation 'Interactive Plus'", 2018. (In Russ.)

12. *Bykov A. V.* On the Subjective Side of the Organization of Activities to Attract Money and (or) Other Property (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2021, no. 10. (In Russ.)

13. *Konovalova A. B., Mosechkin I. N.* On Some Problems of Establishing Criminal Liability for the Organization of Activities to Attract Money and (or) Other Property (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Business Security*, 2016, no. 4. (In Russ.)

14. *Guliagin A. Iu.* Organization of Activity as a Complex Phenomenon. *Russian Justice*, 2011, no. 5. (In Russ.)

15. *Zolaev E. A.* Organizational Activity as an Independent Crime: Concept, Types, Characteristics: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2018. (In Russ.)

16. *Belitskii V. Iu.* Criminal Liability for the Organization of Activities to Attract Money and (or) Other Property (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Altai Legal Bulletin*, 2017, no. 1 (17). (In Russ.)

17. *Saprykin A. M.* Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Criminal-Legal Assessment and Law Enforcement. *Eurasian Bar*, 2018, no. 4 (35). (In Russ.)

18. *Ivanchin A. V.* Organization of Activities to Attract Money and (or) Other Property (Article 1722 of the Criminal Code of the Russian Federation): Issues of Qualification and Reconstruction of the Composition. In Development of Sciences of the Anti-Criminal Cycle in the Light of Global Challenges to Society: Collection of Proceedings on the Materials of the All-Russian Extramural Scientific-Practical Conference with International Participation, Saratov, 16 October 2020. Saratov: Saratov State Law Academy, 2021. (In Russ.)

19. *Sachkov A. N.* Organization of Activities to Attract Money and (or) Other Property: Signs of a Criminal Act. *Humanities, Socio-Economic and Social Science*, 2021, no. 1. (In Russ.)

20. *Nazarova N. L., Semenchenko O. D.* "Construction" of Pyramids as a Type of Fraud in the Financial Market. *Legal Science: History and Modernity*, 2016, no. 2. (In Russ.)

21. *Karchevskii K. A.* Implementation of Criminal Policy to Counteract "Financial Pyramids". In Criminal Policy and Law Enforcement Practice: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 30–31 October 2020. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2020. (In Russ.)

22. *Iakovleva L. V., Iakovlev V. V.* Features of Committing Fraud on the Principle of "Financial Pyramids". *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2020, no. 4 (56). (In Russ.)

23. *Chuchaev A. I.* Chapter 1. The Concept, Subject, Tasks and Principles of Criminal Law. In *Rarog A. I. (ed.)*. Criminal Law of Russia. General Part. 3rd ed. Moscow: Eksmo, 2009. (In Russ.)

24. *Zvecharovskii I. E.* Modern Criminal Law of Russia: Concept, Principles, Policy. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2001. (In Russ.)

Сведения об авторе:
М. М. Савченко – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author:
M. M. Savchenko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 20.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 06.06.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 20.07.2023.

Научная статья
УДК 347.6
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-194-204

ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО АЛИМЕНТАМ ПРИ ДОСТИЖЕНИИ РЕБЕНКОМ 18-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Игорь Александрович Аксенов[1]

Павел Сергеевич Овчаренко[2,3]

Юлия Георгиевна Шиповальникова[1,4]

[1] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[2] Солнцевский районный отдел судебных приставов Управления Федеральной службы судебных приставов России по Москве, 119331, Россия, г. Москва, 2-й Мосфильмовский пер., д. 8А

[3] Московский финансово-юридический университет, 115191, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1

[1] iaksenov75@bk.ru

[2] 7115406@gmail.com

[4] rpa@rpa-mjust.ru

Аннотация

По нормам российского семейного законодательства родители обязаны содержать собственных несовершеннолетних детей. Неважно при этом, состоят ли они в браке: даже развод и другие обстоятельства не снимут обязательства по содержанию детей. Родитель, не проживающий с ребенком должен, платить алименты до того момента, как ребенку исполнится 18 лет. После достижения совершеннолетия алиментные обязательства не прекращаются. Если на момент наступления совершеннолетия у родителя есть задолженность по алиментам, она должна быть выплачена после достижения ребенком 18 лет. Судебный пристав-исполнитель не вправе оканчивать исполнительное производство, а, напротив, обязан принимать меры, к полному взысканию долга. Поэтому целью исследования, составившего основу данной статьи, было определение эффективных средств и механизмов взыскания задолженности по алиментам после достижения ребенка совершеннолетия. Предметом исследования явились те проблемы, с которыми приходится сталки-

ваться судебному приставу-исполнителю при изменении очередности взыскания задолженности по алиментам. В результате проведенного исследования были сделаны выводы о том, что успех исполнения указанных постановлений судебного пристав-исполнителя во многом зависит от применяемых мер административного и уголовного преследования, а также очередности распределения денежных средств по постановлениям судебного пристава-исполнителя о расчете задолженности по алиментам при достижении ребенком совершеннолетия.

Ключевые слова: решение суда; исполнительное производство; исполнительный лист; исполнительные действия; должник; алименты; задолженность по алиментам; постановление о расчете задолженности по алиментам; алименты при достижении ребенком совершеннолетия; административное преследование по ст. 5.35.1 КоАП РФ; уголовная ответственность по ст. 157 УК РФ.

Для цитирования: *Аксенов И. А., Овчаренко П. С., Шиповальникова Ю. Г.* Проблемы взыскания задолженности по алиментам при достижении ребенком 18-летнего возраста // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 194–204. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-194-204

Research Article

ON CHANGING THE ORDER OF COLLECTION OF ALIMONY ARREARS WHEN A CHILD REACHES THE AGE OF 18

Igor A. Aksenov[1]

Pavel S. Ovcharenko[2,3]

Yulia G. Shipovalnikova[1,4]

[1] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[2] Solntsevskii District Bailiff Department of the Federal Bailiff Service of Russia in Moscow, 8A 2nd Mosfilmovskii Lane, Moscow, 119331, Russia

[3] Moscow University of Finance and Law, 17, Bldg. 1 Serpukhovskii Val St., Moscow, 115191, Russia

[1] iaksenov75@bk.ru

[2] 7115406@gmail.com

[4] rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

According to the norms of Russian family law, parents are obliged to support their own minor children. It does not matter at the same time whether they are married: even divorce and other circumstances will not remove the obligation to support children. A parent who does not live with a child must pay alimony until the child turns 18. The bailiff has no right to close enforcement proceedings. He is obliged to take measures so that the debtor fully repays the debt. Therefore, the purpose of the study that formed the basis of this article was to determine the effective means and mechanism for collecting alimony arrears after the child reaches adulthood. The subject of the study was the problems that a bailiff has to face when changing the order of collection of alimony arrears. As a result of the conducted research, it was concluded that the success of the execution of these decisions of the bailiff largely depends on the administrative and criminal prosecution measures applied, as well as the order of distribution of funds according to the bailiff's decisions on the calculation of alimony arrears when the child reaches adulthood.

Keywords: court decision; enforcement proceedings; writ of execution; enforcement actions; debtor; alimony; alimony arrears; resolution on the calculation of alimony arrears; alimony if achieved.

For citation: *Aksenov I. A., Ovcharenko P. S., Shipovalnikova Yu. G.* On Changing the Order of Collection of Alimony Arrears When a Child Reaches the Age of 18. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 194–204. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-194-204

Введение

Алименты – средства (деньги) для питания (содержания), которые закон обязывает выплачивать одного из супругов другому, родителя – несовершеннолетнему ребенку, взрослого ребенка – пожилому родителю и т.д.; материальное обеспечение, предоставляемое по закону родственником, отдельно живущим нетрудоспособным членам семьи (детям, родителям и т.п.). Алименты могут выплачиваться или перечисляться добровольно или принудительно в судебном порядке.

Сравнительный анализ семейного, уголовного законодательства, законодательства об исполнительном производстве, об административных правонарушениях, о несостоятельности (банкротстве) и правоприменительной практики службы судебных приставов позволил авторам сформулировать ряд рекомендаций, использование которых призвано оптимизировать взыскание алиментов после достижения ребенком совершеннолетия, что имеет значение как для практики исполнительного производства, так и для дальнейшего развития теории исполнения постановлений судебного пристава-исполнителя о расчете задолженности по алиментам.

Частью 1 ст. 7 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступившей в силу для СССР 15 сентября 1990 г. [1],

установлено, что ребенок имеет право на заботу родителей. Кроме того, ст. 27 названной Конвенции указывает, что родители несут ответственность за обеспечение условий жизни, необходимых для развития ребенка.

Российская Федерация как правовое государство закрепила вышеуказанные нормы в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ [2]: ч. 2 ст. 38 устанавливает, что забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей.

Более подробное развитие вышеуказанные нормы получили в Семейном кодексе РФ [3] (далее – СК РФ). Частью 1 ст. 80 СК РФ предусмотрено, что родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей.

Однако действующее семейное законодательство в значительной мере сохраняет влияние советского семейного права и те подходы, которые были актуальны в иных социально-экономических условиях. Поэтому сейчас оно уже не отвечает в полной мере требованиям и ожиданиям современного общества. Сказанное касается в первую очередь регулирования отношений между родителями и детьми [4], а также правоотношений по исполнению алиментных обязательств.

Данное утверждение приобретает особую актуальность в объявленное указом Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 Десятилетие детства на 2018–2027 годы [5], в рамках которого планируется в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства одним из пунктов подготовить предложения о совершенствовании механизмов контроля за исполнением судебных актов и нотариальных соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей и защиты прав получателей алиментов.

1. Очередность взыскания задолженности по алиментам

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, утв. указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 [6], подчеркивается неэффективность механизмов обеспечения алиментных прав и интересов детей. Тождественные выводы содержатся в утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [7], согласно которой назрела необходимость разработки специальных мер по обеспечению исполнения алиментных обязательств, в том числе посредством усиления ответственности за несвоевременную уплату алиментов. В подтверждение обозначенного тезиса в указанной Концепции приводятся данные, согласно которым на конец 2013 г. в Федеральной службе судебных приставов находилось более 1 млн исполнительных документов о взыскании алиментов. При этом в 2013 и 2014 гг. суды рассмотрели 323 601 и 328 714 дел о взыскании алиментов на детей соответственно [8].

Одновременно имеет место тенденция повышения инициативности граждан, которые предпочитают самостоятельно определять порядок алиментирования посредством заключения соглашений об уплате алиментов. Между тем позитивные намерения сторон в отношении уплаты алиментов на момент заключения соглашений вовсе не означают отсутствие необходимости правового обеспечения исполнения алиментных обязательств [9].

Одной из таких проблем исполнения алиментных обязательств является взыскание в исполнительном производстве задолженности по алиментам при достижении ребенком совершеннолетия.

По общим правилам при прекращении обязательств по удержанию алиментов по достижении ребенком совершеннолетия судебным приставом-исполнителем (далее – СПИ) исполнительное производство прекращается на основании подп. 9 ч. 2 ст. 43 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [10] (далее – Закон № 229-ФЗ).

В постановлении о прекращении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель отменяет все назначенные им меры принудительного исполнения. В исполнительном документе судебный пристав-исполнитель делает отметку о полном исполнении требования исполнительного документа или указывает часть, в которой это требование исполнено (ч. 1 ст. 44 Закона № 229-ФЗ).

Однако может сложиться ситуация, при которой ребенок достиг совершеннолетнего возраста, но за предыдущие периоды алименты в полном размере не взыскивались, т.е. возникла задолженность.

Эта ситуация регулируется ч. 2 и 3 ст. 44 Закона № 229-ФЗ.

Так, согласно ч. 2 указанной статьи одновременно с вынесением постановления о прекращении основного исполнительного производства судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительное производство на основании постановления о расчете и взыскании задолженности по алиментам.

При этом согласно ч. 3 той же статьи если после прекращения основного исполнительного производства возбуждено исполнительное производство о взыскании задолженности по алиментам, то ограничения, установленные для должника в ходе основного исполнительного производства, сохраняются судебным приставом-исполнителем в размерах, необходимых для исполнения вновь возбужденного исполнительного производства.

Соответствующее положение также предусмотрено ч. 6 ст. 30 Закона № 229-ФЗ, где прямо закреплено, что основанием для возбуждения исполнительного производства является вынесенное в процессе принудительного исполнения исполнительного документа постановление судебного пристав-исполнителя о расчете и взыскании задолженности по алиментам в случае прекращения исполнительного производства в соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 43 Закона № 229-ФЗ.

Однако в этом случае возникает вопрос о квалификации вновь возбужденного исполнительного производства по сущности взыскания, т.е. квалификации его как обычная задолженность или как алиментные платежи.

От решения этого вопроса зависит очередность распределения взысканных с должника денежных средств, а также возможность применения мер принудительного исполнения, а также привлечение должника к административной или уголовной ответственности.

Так, в соответствии со ст. 111 Закона № 229-ФЗ в случае, когда взысканная с должника денежная сумма недостаточна для удовлетворения в полном объеме требований, содержащихся в исполнительных документах, указанная сумма распределяется между взыскателями, предъявившими на день распределения соответствующей денежной суммы исполнительные документы, в следующей очередности:

1) в первую очередь удовлетворяются требования по взысканию алиментов, возмещению вреда, причиненного здоровью, возмещению вреда в связи со смертью кормильца, возмещению ущерба, причиненного преступлением, а также требования о компенсации морального вреда;

2) во вторую очередь удовлетворяются требования по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих (работавших) по трудовому договору, а также по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности;

3) в третью очередь удовлетворяются требования по обязательным платежам в бюджет и во внебюджетные фонды;

4) в четвертую очередь удовлетворяются все остальные требования.

При распределении каждой взысканной с должника денежной суммы требования каждой последующей очереди удовлетворяются после удовлетворения требований предыдущей очереди в полном объеме.

Соответственно в случае квалификации задолженности по алиментам как «обычной задолженности» она будет удовлетворяться в четвертую очередь.

2. Меры принудительного взыскания, применяемые при взыскании задолженности по алиментам

Кроме того, при взыскании алиментов к должнику в дополнение к общим мерам принудительного исполнения могут быть применены и такие меры, которые могут применяться преимущественно при взыскании алиментов.

К таким мерам относятся:

1) возможность обращения взыскания на доходы должника, на которые, по общему правилу, взыскание не обращается. К ним относятся: 1) денежные суммы, выплачиваемые в возмещение вреда, причиненного здоровью; 2) компенсационные выплаты за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов гражданам, пострадавшим в результате радиационных или техногенных катастроф (п. 1 и 4 ч. 1 ст. 101 Закона № 229-ФЗ);

2) объявление розыска по инициативе судебного пристава-исполнителя и при сумме долга от 10 000 руб. При исполнении требований четвертой очереди розыск по инициативе только взыскателя и при сумме долга от 30 000 руб. (ч. 3 ст. 65 Закона № 229-ФЗ);

3) ограничение должника на выезд из Российской Федерации при сумме задолженности превышающей 10 000 руб. При исполнении требований четвертой очереди ограничения применяются, только если сумма задолженности составляет 30 000 руб. и более (ч. 1 ст. 67 Закона № 229-ФЗ);

4) ограничение должником в пользовании специальным правом. При исполнении требований четвертой очереди такая мера не применяется (ч. 2 ст. 67.1 Закона № 229-ФЗ);

5) ограничение размера удержания из заработной платы и иных доходов должника-гражданина до 70%. При исполнении требований четвертой очереди размер удержаний до 50% (ч. 3 ст. 99 Закона № 229-ФЗ);

6) продолжение совершения исполнительных действий при возбуждении в отношении должника-гражданина процедуры банкротства и введении процедуры

реструктуризации долгов гражданина или при включении сведений о возбуждении в отношении должника-гражданина процедуры внесудебного банкротства. При исполнении требований четвертой очереди исполнение исполнительных документов приостанавливается, а с имущества снимается арест (ч. 1 ст. 69.1 Закона № 229-ФЗ);

7) продолжение совершения исполнительных действий при признании должника-гражданина банкротом и введении реализации имущества или при включении сведений о завершении процедуры внесудебного банкротства в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ч. 4 ст. 69.1 Закона № 229-ФЗ). При исполнении требований четвертой очереди в этих случаях прекращается исполнение исполнительных документов и снимаются наложенные в ходе исполнительного производства аресты на имущество должника-гражданина и иные ограничения распоряжения этим имуществом;

8) привлечение должника к ответственности, предусмотренной ст. 5.35.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [11] (далее – КоАП РФ). При квалификации задолженности по алиментам как «обычной задолженности» привлечение к ответственности невозможно;

9) привлечение должника к ответственности, предусмотренной ст. 157 УК РФ. При квалификации задолженности по алиментам как «обычной задолженности» привлечение к ответственности невозможно.

Практика, сложившаяся в правоприменительной деятельности службы судебных приставов, свидетельствует о том, что вновь возбужденное исполнительное производство о взыскании задолженности по алиментам квалифицируется, в том числе в информационной системе ПК «АИС ФССП России», как «обычное взыскание», что влечет отказ от применения к должнику мер принудительного исполнения и применения мер ответственности, указанных выше, а взысканные денежные средства распределяются взыскателю – получателю алиментов в четвертую очередь.

Полагаем, что такая практика противоречит требованиям семейного законодательства и законодательства об исполнительном производстве.

Так, ст. 112 СК РФ предусматривающая порядок обращения взыскания на имущество лица, обязанного уплачивать алименты устанавливает одинаковый порядок взыскания как алиментов, установленных соглашением об уплате алиментов или решением суда, так и задолженности по алиментам.

Таким образом, применительно к порядку принудительного взыскания СК РФ не различает термины «алименты» и «задолженность по алиментам», устанавливая единые правила их взыскания.

Аналогичный подход избран и в Законе № 229-ФЗ. Так, ст. 102 указанного Закона «Порядок взыскания алиментов и задолженности по алиментным обязательствам» устанавливает единые правила взыскания как алиментов, так и задолженности по алиментным обязательствам.

Такой же вывод следует и из содержания ч. 2 и 3 ст. 44 Закона № 229-ФЗ, согласно которым если после прекращения основного исполнительного производства возбуждено исполнительное производство о взыскании задолженности по

алиментам, то ограничения, установленные для должника в ходе основного исполнительного производства, сохраняются судебным приставом-исполнителем в размерах, необходимых для исполнения вновь возбужденного исполнительного производства.

Таким образом, можно сделать вывод, что все правила (меры) принудительного исполнения применяемые к должнику при взыскании алиментов могут и должны применяться к должнику, имеющему задолженность по алиментам, в том числе и при достижении ребенком совершеннолетия.

Вместе с тем ч. 6 ст. 102 Закона № 229-ФЗ устанавливает, что в случае злостного уклонения от уплаты алиментов должник может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Такая ответственность установлена ст. 157 Уголовного кодекса РФ [12] (далее – УК РФ), предусматривающей, что неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших 18-летнего возраста, если это деяние совершено неоднократно, образует состав преступления.

Согласно примечанию 1 к указанной статье неоднократностью признается неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

В свою очередь, ответственность за неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства установлена ст. 5.35.1 КоАП РФ.

Важно отметить, что и в ст. 5.35.1 КоАП РФ и в ст. 157 УК РФ речь идет о неуплате «средств на содержание несовершеннолетних детей», что ставит под сомнение возможность привлечения должника к ответственности при задолженности по алиментам в случае достижения ребенком совершеннолетия.

Аргументом в пользу такой возможности будет то, что правовая природа денежных средств, подлежащих уплате как при алиментах, так и при задолженности по алиментам, не меняется. И в том и в другом случае это средства на содержание ребенка.

Однако, с учетом принципа презумпции невиновности, установленной ст. 48 Конституции РФ, ст. 1.5 КоАП РФ и ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ [13], в соответствии с которой все неустранимые сомнения толкуются в пользу виновного лица, привлечение такого лица к административной или уголовной ответственности будет затруднительно.

Заключение

Для решения вышеуказанных противоречий полагаем необходимым следующее:

1. Федеральной службе судебных приставов дать разъяснения о том, что при возбуждении исполнительного производства о взыскании задолженности по алиментам квалифицировать такой исполнительный документ, в том числе в АИС «ФССП России», как исполнительный документ, относящийся к первой очереди взыскания (алименты), и совершать по нему исполнительные действия и применять меры принудительного исполнения как по исполнительному производству о взыскании алиментов;

2. Статью 102 Закона № 229-ФЗ дополнить ч. 4.1 следующего содержания: «При взыскании задолженности по алиментным обязательствам, в том числе и по достижении ребенком совершеннолетия, судебным приставом-исполнителем совершаются исполнительные действия и применяются меры принудительного исполнения как при взыскании алиментов».

3. Диспозиции ст. 5.35.1 КоАП РФ и ст. 157 УК РФ дополнить словами «а равно неуплата ранее возникшей задолженности по уплате таких средств», сформулировав в следующей редакции: «Неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, а равно неуплата ранее возникшей задолженности по уплате таких средств».

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А.* О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1.

5. Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних

детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

9. *Ксенофонтова Д. С.* Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. М. : Статут, 2018.

10. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Convention on the Rights of the Child (adopted by the UN General Assembly on 20 November 1989) (entered into force for the USSR on 15 September 1990). In Collection of International Treaties of the USSR. Issue XLVI. 1993. (In Russ.)

2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

3. Family Code of the Russian Federation of 29 December 1995 No. 223-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

4. *Trigubovich N. V., Khazova O. A., Chashkova S. Iu., Tsefranova E. A.* On the Concept of Improving Legislation Regulating the Relations of Children and Parents. *Law*, 2022, no. 1. (In Russ.)

5. Decree of the President of the Russian Federation of 29 May 2017 No. 240 "On the Announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. Decree of the President of the Russian Federation of 1 June 2012 No. 761 "On the National Strategy of Actions in the Interests of Children for 2012–2017" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

7. Decree of the Government of the Russian Federation of 25 August 2014 No. 1618-r on the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the Period up to 2025 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. Review of Judicial Practice in Cases Related to the Recovery of Alimony for Minor Children, as Well as for Disabled Adult Children (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 13 May 2015). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2015, no. 7. (In Russ.)

9. *Ksenofontova D. S.* Legal Guarantees in the Field of Alimony: Monograph. Moscow: Statut, 2018. (In Russ.)

10. Federal Law of 2 October 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December 2001 No. 195-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторах:

И. А. Аксенов – кандидат юридических наук, доцент, адвокат.

П. С. Овчаренко – аспирант.

Ю. Г. Шиповальникова – начальник организационно-правового управления ВГУЮ (РПА Минюста России)

Information about the authors:

I. A. Aksenov – PhD in Law, Associate Professor, Lawyer.

P. S. Ovcharenko – Postgraduate Student.

Yu. G. Shipovalnikova – Head of the Organizational and Legal Department of All-Union State University of Justice

Статья поступила в редакцию 21.05.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 21.05.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья
УДК 339.168.6
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-205-213

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЙ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛИ

Роман Витальевич Голиков

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

golikovroman1995@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье предлагается рассмотреть отношения по транзитной торговле с точки зрения теории правоотношения. Отдельное внимание уделено правовой природе правоотношения транзитной торговли и его объекту. Целью работы явилось рассмотрение отношения транзитной торговли с точки зрения правоотношения, возникающего на основании юридического состава. Предметом исследования выступило правоотношение транзитной торговли. Теоретико-методологическую основу работы составили труды ученых-правоведов в области гражданского и предпринимательского права, в которых упоминается рассматриваемый институт. Основным методом, использованным в настоящей статье, является формально-юридический. По результатам проведенного исследования определено, что отношения транзитной торговли являются многосторонними, в статье выделены и рассмотрены две стадии динамики отношений транзитной торговли: организационная и имущественная.

Ключевые слова: отношения транзитной торговли; организационные и имущественные отношения; многосторонние правоотношения.

Для цитирования: *Голиков Р. В.* Основания возникновения и структура отношений транзитной торговли // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 205–213. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-205-213

Research Article

GROUNDS FOR THE EMERGENCE AND STRUCTURE OF TRANSIT TRADE RELATIONS

Roman V. Golikov

[1] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

golikovroman1995@yandex.ru

Abstract

In this article author propose to consider the relations on transit trade from the point of view of the theory of legal relations. Special attention is paid to the legal nature of the legal relationship of transit trade and its object. The purpose of the work was to consider the transit trade relationship from the point of view of the legal relationship arising on the basis of the legal composition. The subject of the study was the legal relationship of transit trade. The theoretical and methodological basis of the work was the works of legal scholars in the field of civil and business law, in which the institute in question is mentioned. The main method used in this article is formal legal. According to the results of the study, it was determined that transit trade relations are multilateral, the article highlights and examines two stages of the dynamics of transit trade relations: organizational and property.

Keywords: transit trade relations; organizational and property relations; multilateral relations.

For citation: *Golikov R. V.* Grounds for the Emergence and Structure of Transit Trade Relations. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 205–213. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-205-213

Введение

В современном гражданском обороте актуально ведение торговой деятельности с использованием такой формы товародвижения, как транзитная. Для создания отношений с ее использованием лицо (транзитер) заключает договор с субъектом, желающим реализовать товар (грузоотправитель), и с субъектом, желающим его приобрести (грузополучатель).

1. Субъекты и основания возникновения отношений транзитной торговли

В рамках договора с грузоотправителем транзитер имеет право выдачи отгрузочной разнарядки. Последнюю характеризовали в литературе по-разному. Име-

ются позиции, характеризующие ее как акт административного права [1, с. 388], как приказ покупателя поставщику [2, с. 252]. Представляется, что отгрузочная разнарядка является гражданско-правовым инструментом воздействия на правоотношения. С этой позиции ее характеризовали как правовой акт [3, с. 38–39], как одностороннюю сделку [4, с. 44]. Несмотря на то что для ее выдачи достаточно выражения воли одной стороны, это волеизъявление несомненно является действием субъекта, которое направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Отсюда можно сделать вывод о том, что налицо односторонняя сделка. Она в совокупности с обозначенными выше договорами составляет юридический состав.

Субъекты отношений транзитной торговли являются чаще всего юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, лишь в качестве грузополучателя может быть абсолютно любое лицо. К ним могут предъявляться особые требования в случае, если те работают в сферах, требующих получения лицензии.

2. Объект и содержание правоотношения транзитной торговли

Наибольший интерес вызывает объект правоотношения. В теории права нет единого понимания этой категории. Автор настоящей статьи придерживается теории единого объекта, под которым понимает действия обязанных лиц.

Представляется, что объект данного правоотношения зависит от этапа динамики правоотношения, определяемой непосредственным целеполаганием участников взаимоотношения. Ключевой особенностью транзитной торговли является неиспользование транзитером собственных складов при передаче товара, он, выдавая отгрузочную разнарядку, указывает на лицо, которому грузоотправитель должен передать товар. Если бы транзитер имел цель получить товар, затем его передать, вне зависимости от формы взаимодействия (перепродажа или посредничество), то справедливо было бы говорить о наличии двух независимых друг от друга имущественных взаимоотношений, вытекающих из соответствующих двусторонних сделок. Однако реальное намерение лиц несколько иное. Оно заключается в том, чтобы организовать свои взаимоотношения таким образом, чтобы, не изменяя договорных связей, грузоотправитель мог поставить товар напрямую грузополучателю. Представляется, что на этом этапе динамики правоотношения основной целью субъектов является организация процесса передачи имущества, сам имущественный эффект остается в качестве общей цели. Такое разделение целей отмечено проф. О. А. Красавчиковым применительно к организационным отношениям [5, с. 55].

Категория организационных отношений является на сегодняшний день спорной в науке. К ее сторонникам можно отнести таких ученых, как К. А. Кирсанов [6, с. 36], Е. Б. Подузова [7, с. 12], С. А. Тюрина [8, с. 9], А. В. Андрющенко [9, с. 114].

Противниками теории организационных отношений высказывалось мнение о том, что любые правоотношения проходят стадию организации и имеют в себе некоторую организованность [10, с. 264]. С этой позицией трудно согласиться ввиду того, что развитие гражданского права позволяет говорить о возможности привлечения к ответственности лица за его недобросовестное поведение в рамках от-

ношений, предшествующих имущественным, например, при недобросовестном ведении переговоров. Более близкой автору настоящей статьи видится позиция, поддерживающая организационные отношения.

После выдачи отгрузочной разнарядки организационное отношение преобразуется в новое многостороннее правоотношение имущественного характера. Его субъектами являются грузоотправитель, транзитер и грузополучатель, взаимодействие которых в реальном мире отличается от того, которое происходит в правовой плоскости. Это выражается в том, что реальное исполнение обязательств по передаче товара и его принятию происходит между лицами, не связанными друг с другом каким-либо юридическим фактом, в том числе договором.

Объяснение этому несовпадению связано с особенностями механизмов вовлечения третьих лиц в исполнение обязательства. Транзитер исполнение обязательства по передаче товара от грузоотправителя направляет грузополучателю, а в отношениях с последним исполняет то же самое обязательство, привлекая для этого грузоотправителя. Такое взаимоотношение в науке сравнивалось с представительством [11, с. 210], переводом долга [12, с. 102], договором в пользу третьего лица [13, с. 34] и комиссией [14, с. 77].

Все лица в правоотношении действуют от своего имени, отсюда следует, что право выдачи отгрузочной разнарядки не дает транзитеру права совершать действия от имени грузоотправителя или грузополучателя. Это говорит о том, что здесь отсутствуют отношения представительства.

Об отношениях комиссии говорить столь категорично не представляется возможным. С одной стороны, В. С. Толстой верно отметил: «нет здесь и правоотношений, аналогичных тем, которые возникают на основе договора, комиссии: комиссионер сам заключает договор с третьими лицами и приобретает по отношению к ним права и обязанности» [14, с. 77]. С другой же стороны, договор комиссии может быть использован в отношениях транзитной торговли. В отношении выдачи отгрузочной разнарядки будет использоваться аналогия закона.

С квалификацией отношений, возникших после выдачи отгрузочной разнарядки, в качестве взаимоотношений из договора в пользу третьего лица [13, с. 34] также сложно согласиться ввиду отсутствия у грузополучателя права требовать передачи ему товара от грузоотправителя.

Более корректным представляется представление об отношениях транзитной торговли как частном случаем переадресования и одновременно перепоручения исполнения обязательства, так как все стороны действуют от своего имени, никто из них не утрачивает права требования у стороны договора исполнения своих контрактных обязанностей.

Таким образом, юридически грузоотправитель, передавая товар грузополучателю, исполняет свою обязанность перед транзитером. Обязанность последнего перед грузополучателем исполняется той же самой передачей.

Открытым остается вопрос о юридической связи грузоотправителя и грузополучателя. В доктрине относительно этого момента сложились разные позиции. Согласно первой точке зрения, «на основе выданного наряда и разнарядки между ними возникает самостоятельное обязательство» [15, с. 111]. Возражение к этой

позиции сводится к отсутствию у грузополучателя возможности требовать исполнения обязательства у грузоотправителя.

Противоположное мнение заключается в отсутствии какой-либо юридической связи между ними [16, с. 58]. Однако взаимодействие между грузоотправителем и грузополучателем все же имеет место и должно быть юридически как-то описано. А. В. Никитин предлагает использовать такой инструмент, как фикция, обозначая стороны по отношению друг к другу как «квазикредитор» и «квазидолжник» [17, с. 93–98]. Данная конструкция не противоречит тому, что передача товара реально совершена между грузоотправителем и грузополучателем, а юридически между грузоотправителем и транзитером, а затем между последним и грузополучателем.

Между «квазикредитором» и «квазидолжником» нет обязательства, однако представляется, что они вместе с транзитером являются субъектами одного многостороннего правоотношения.

Модель построения трехстороннего правоотношения, в котором только одно лицо имеет договорную связь со всеми участниками правоотношения, не участвуя в исполнении обязательства по передаче вещи, уже известна гражданскому праву по модели построения правоотношения финансового лизинга, в нем «предмет лизинга переходит в собственность лизингополучателя по истечении срока действия договора лизинга или до его истечения при условии выплаты лизингополучателем полной суммы, установленной договором лизинга, если иное не предусмотрено соглашением сторон» [16, с. 356]. Сравниваемые правоотношения имеют следующие признаки:

во-первых, правоотношение является многосторонним (трехсторонним). В лизинге договорные отношения связывают лизингодателя с лизингополучателем, а также лизингодателя с продавцом товара; договорные отношения лизингополучателя и продавца отсутствуют. В транзитной торговле договоры заключены между грузоотправителем и транзитером, а также между транзитером и грузополучателем;

во-вторых, в лизинговых правоотношениях согласно п. 1 ст. 668 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), если иное не предусмотрено договором финансовой аренды, имущество, являющееся предметом этого договора, передается продавцом непосредственно арендатору в месте нахождения последнего. В транзитной торговле товар передается отправителем груза его получателю напрямую, без непосредственного участия транзитера;

в-третьих, лизингодатель не является собственником или титульным владельцем имущества до возникновения лизинговых правоотношений. У лизингодателя отсутствует даже прямой интерес в обладании товаром [18, с. 56]. Аналогичный признак отмечался в настоящей работе применительно к деятельности транзитера, у которого также отсутствует интерес в обладании товаром, право собственности на которой транзитер может получить, либо не получить в зависимости от формы транзитной торговли.

Права и обязанности участников правоотношения определяются теми договорами, которые они заключают с той особенностью, что транзитер имеет право

выдавать отгрузочную разнарядку, посредством чего изменять правоотношения, обязывая грузоотправителя поставлять товар грузополучателю. Данное право некоторыми учеными обозначается как секундарное [4, с. 43]. У истоков этого понятия стоят такие немецкие ученые как А. фон Тур и Э. Зеккель [19, с. 208]. Признаком, который используют для его обособления среди иных субъективных прав, является отсутствие обязанности, противостоящей этому праву. Вместо нее обязанная сторона связана необходимостью ожидания реализации своего права управомоченным лицом. Правоотношение, в котором имеет место осуществление такой возможности, должно быть относительным. Позиция, оспаривающая необходимость введения такой категории в гражданское право, основана на том, что в этой отрасли права нередко встречается в различных правоотношениях обязанность лица бездействовать. Обычно ее ни в какую категорию отдельную не выделяют, соответственно, непонятно, зачем выделять право на выдачу отгрузочной разнарядки как право, которому противостоит некая связанность, когда в реальности ему противостоит не связанность, а обязанность грузоотправителя бездействовать до момента выдачи отгрузочной разнарядки.

Таким образом, можно говорить о том, что модель правоотношения по транзитной форме продажи товара сходна с одной из моделей построения отношений финансовой аренды.

Существенным отличием отношений финансовой аренды и транзитной торговли является то, что в лизинге вещь передается во временное владение и пользование (п. 1 ст. 662 ГК РФ), при этом передача права собственности на вещь лизингополучателю возможна в будущем, но не является обязательным условием, в то время как в отношениях транзитной торговли право собственности на вещь переходит к лизингополучателю или грузополучателю сразу при передаче ему товара.

Заключение

Таким образом, отношения транзитной торговли являются многосторонними.

Динамика отношений транзитной торговли позволяет выделить две стадии существования указанных отношений. Первая обозначена в статье как организационная, непосредственной целью участников на ней является упорядочение отношений таким образом, чтобы организовать передачу товара между грузоотправителем и грузополучателем, которые не заключают между собой никакого договора.

На втором этапе отношения транзитной торговли уже являются имущественными. Здесь отмечено сходство этих отношений с отношениями лизинга в том, что как продавец с лизингополучателем, так и грузоотправитель с грузополучателем не имеют договорной связи друг с другом, но при этом между этими лицами происходит исполнение обязательства по передаче товара. Лизингодатель, как и транзитер, не является собственником или титульным владельцем имущества до возникновения лизинговых (транзитных) правоотношений. У транзитера, как и у лизингодателя, отсутствует прямой интерес в обладании предметом финансовой аренды или товаром.

Пристатейный библиографический список

1. *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1950.
2. *Масевич М. Г.* Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета: дис. … докт. юрид. наук. Алма-Ата, 1965.
3. Договорное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / под ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2020.
4. *Брагинский М. И.* Структура договорных связей и ответственность участников при поставках транзитом. М.: ВЮЗИ, 1960.
5. *Красавчиков О. А.* Гражданские организационно-правовые отношения / *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права: Избранные труды: в 2 т. Т. 1. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017.
6. *Кирсанов К. А.* Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: монография. Киров: Аверс, 2014.
7. *Подузова Е. Б.* Организационный договор и его виды: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.
8. *Тюрина С. А.* Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.
9. *Андрющенко А. В.* Место организационных отношений в предмете гражданско-правового регулирования // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Право. 2014. № 2 (12).
10. *Иоффе О. С.* Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I) / *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М.: Статут, 2020.
11. Актуальные проблемы гражданского права: учебник / под ред. Р. В. Шагиевой. М.: Юстиция, 2021.
12. *Масевич М. Г.* Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета. Алма-Ата, 1964.
13. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. В. П. Мозолин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.
14. *Толстой В. С.* Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973.
15. *Шкундин З. И.* Обязательство поставки товаров в советском праве. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948.
16. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М.: Статут, 2016.
17. *Никитин А. В.* О переадресовании исполнения обязательства третьему лицу // Российский юридический журнал. 2017. № 2.
18. *Белов В. А.* Договор аренды: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2018.
19. *Зеккель Э.* Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2.

References

1. *Novitskii I. B., Luntz L. A.* General Doctrine of Obligation. Moscow: Gosurizdat, 1950. (In Russ.)

2. *Masevich M. G.* The Contract of Supply and its Role in Strengthening Self-Support: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Alma Ata, 1965. (In Russ.)

3. *Belykh V. S. (ed.).* Contractual Regulation of Entrepreneurial Activity: Textbook. Moscow: Prospekt, 2020. (In Russ.)

4. *Braginskii M. I.* Structure of Contractual Relations and Responsibility of Participants in Transit Deliveries. Moscow: VIuZI, 1960. (In Russ.)

5. *Krasavchikov O. A.* Civil Organizational-Legal Relations. In *Krasavchikov O. A.* Categories of the Science of Civil Law: Selected Works. In 2 vols. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Statut, 2017. (In Russ.)

6. *Kirsanov K. A.* Civil-Law Regulation of Organizational Relations: Monograph. Kirov: Avers, 2014. (In Russ.)

7. *Poduzova E. B.* Organizational Contract and its Types: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)

8. *Tiurina S. A.* Contract as a Regulator of Organizational Relations in Russian Civil Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)

9. *Andriushchenko A. V.* Place of Organizational Relations in the Subject of Civil-Law Regulation. *Bulletin of Tomsk State University. Series: Law*, 2014, no. 2 (12). (In Russ.)

10. *Ioffe O. S.* Development of Civilistic Thought in the USSR (Part I). In *Ioffe O. S.* Selected Works on Civil Law: From the History of Civilistic Thought. Civil Legal Relation. Critique of the Theory of "Economic Law". 4th ed. Moscow: Statut, 2020. (In Russ.)

11. *Shagieva R. V. (ed.).* Actual Problems of Civil Law: Textbook. Moscow: Justice, 2021. (In Russ.)

12. *Masevich M. G. The* Contract of Delivery and Its Role in Strengthening Self-Reliance. Alma Ata, 1964. (In Russ.)

13. *Mozolin V. P. (ed.).* Civil Law: Textbook. In 3 vols. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.)

14. *Tolstoi V. S.* Execution of Obligations. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1973. (In Russ.)

15. *Shkundin Z. I.* Obligation to Supply Goods in Soviet Law. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. (In Russ.)

16. *Sukhanov E. A. (ed.).* Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 2: Law of Obligations. 4th ed. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)

17. *Nikitin A. V.* On the Reassignment of the Fulfillment of the Obligation to a Third Party. *Russian Law Journal*, 2017, no. 2. (In Russ.)

18. *Belov V. A.* Lease Agreement: Scientific and Cognitive Essay. Moscow: Statut, 2018. (In Russ.)

19. *Zekkel E.* Secundary Rights in Civil Law. *Civil Law Review*, 2007, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Р. В. Голиков – аспирант.

Information about the author:
R. V. Golikov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 17.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 10.05.2023; approved after reviewing 17.06.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Научная статья
УДК 342.24
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-214-223

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС»

Игорь Андреевич Кашин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

I.A.Kashin@ya.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы определения правового статуса федеральной территории «Сириус». До настоящего времени вопрос определения правового статуса федеральной территории «Сириус» и ее вхождения в состав Краснодарского края носит спорный характер. Впервые о возможности появлении такого публично-правового образования, как федеральная территория, заговорили еще в 2020 г. Причиной этому послужило решение о создании в 2019 г. поселка городского типа Сириус, а впоследствии г. Сочи Краснодарского был раздел на два вновь образованных муниципальных образования. После соответствующих законодательных изменений городской округ Сириус будет наделен статусом первой в России федеральной территории с особым устройством власти и собственным бюджетом. Целью работы является исследование вопроса определения правового статуса федеральных территорий исходя из элементов статуса субъекта Российской Федерации. Несмотря на то что федеральная территория «Сириус» не входит в состав г. Сочи Краснодарского края, она имеет с ним тесную историческую взаимосвязь. Появление такой федеральной территории еще раз подтверждает особое федеральное значение Краснодарского края и актуальность его дальнейшего развития как одного из регионов Российской Федерации. В настоящее время изучению федеральной территории «Сириус» посвящено значительное количество научных статей, описывающих проблематику создания федеральных территорий, определения их правового статуса и необходимость разработки правового регулирования таких территорий. Методом, использованным в настоящей статье, является формально-юридический. По результатам проведенного исследования предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования фе-

деральных территорий исходя из их особенностей и целей создания, территориальных оснований, системы управления и возложенными полномочиями.

Ключевые слова: федеральная территория; Сириус; территориальное устройство; публично-правовое образование; административно-территориальные единицы.

Для цитирования: *Кашин И. А.* Актуальные вопросы определения правового статуса федеральной территории «Сириус» // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 214–223. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-214-223

Research Article

TOPICAL ISSUES OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF THE FEDERAL TERRITORY "SIRIUS"

Igor A. Kashin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

l.A.Kashin@ya.ru

Abstract

The article discusses the problems of determining the legal status of the federal territory "Sirius". To date, the issue of determining the legal status of the federal territory "Sirius" and its entry into the Krasnodar Territory is controversial. For the first time, the possibility of the emergence of such a public legal entity as a federal territory was discussed back in 2020. The reason for this was the decision to create an urban-type settlement Sirius in 2019, and subsequently Sochi Krasnodar was divided into two newly formed municipalities. After the relevant legislative changes, the Sirius city district will be granted the status of the first federal territory in Russia with a special structure of power and its own budget. The purpose of the work is to study the issue of determining the legal status of federal territories based on the elements of the status of a subject of the Russian Federation. Despite the fact that the federal territory "Sirius" is not part of the city of Sochi of the Krasnodar Territory, it has a close historical relationship with it. The appearance of such a federal territory once again confirms the special federal importance of the Krasnodar Territory and the relevance of its further development as one of the regions of the Russian Federation. Currently, a significant number of scientific articles are devoted to the study of the federal territory "Sirius", describing the problems of creating federal territories, determining their legal status and the need to develop legal regulation of such territories. The method used in this article is a formal legal one.

Based on the results of the study, recommendations are proposed for improving the legal regulation of federal territories based on their characteristics and objectives of creation, territorial bases, management system and assigned powers.

Keywords: federal territory; Sirius; territorial structure; public legal entity; administrative-territorial units.

For citation: *Kashin I. A.* Topical Issues of Determining the Legal Status of the Federal Territory "Sirius". *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 214–223. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-214-223

Введение

На сегодняшний день появление таких публично-правовых образований федерального значения как федеральные территории имеет актуальное значение. Одной из важнейших новаций конституционной реформы 2020 г. стало внесение изменений в ч. 1 ст. 67 Конституции РФ, которая была дополнена положениями о возможности создания в соответствии с федеральным законодательством таких публично-правовых образований как федеральные территории [1].

Если для России выделение федеральных территорий – новое явление, то для многих зарубежных государств это исторически сложившаяся форма организации территориального устройства, в рамках которой создаются отдельные публично-правовые образования для повышения эффективного управления и контроля со стороны государства. Такое деление лежит в основе административно-территориального управления, где продолжают появляться некоторые новшества, связанные с взаимоотношением территориальной единицы и центральных органов власти государства. Для многих крупных мировых государств, таких как Соединенные Штаты Америки, Австралия и Бразилия, создание таких публично-правовых образований, как федеральные территории, уже опробованный механизм, связанный прежде всего с необходимостью осуществления более тщательного федерального контроля территорий ввиду различных факторов, в том числе исторических и культурных, а также с их особым стратегическим значением для государства.

После внесения соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации и их обнародования в кругах исследователей-конституционалистов стали возникать рассуждения на тему необходимости создания таких территорий, и ряд из них придерживались позиции о том, что необходимость создания федеральных территорий будет связана лишь исключительно с внесенными изменениями в Конституцию РФ в 2020 г.

Возникает вполне обоснованный вопрос о том, что стало действительной и основной причиной для выделения такого понятия, как федеральная территория, и внесения соответствующих изменений в Основной закон нашей страны.

Определение правового статуса федеральной территории «Сириус»

Предпосылки создания нового вида публично-правовых образований появились еще в 2019 г., когда постановлением губернатора Краснодарского края был назначен опрос жителей Имеретинской низменности по вопросу преобразования административно-территориальной единицы Краснодарского края – г. Сочи путем выделения из состава Адлеровского района новой административно-территориальной единицы – поселка городского типа Сириус [2]. Указанная территория названа в честь образовательного фонда «Талант и успех», созданного по инициативе Президента РФ. В одном из посланий Федеральному Собранию Президент РФ высказывал восхищение «Сириусом», назвав его «созвездием талантов» [3].

По результатам проведения данного опроса постановлением Законодательного собрания Краснодарского края от 30 октября 2019 г. № 1355-П Сириус приобрел статус поселка городского типа [4]. Проверяя законность принимаемого правового акта, Краснодарский краевой суд в своем решении от 17 февраля 2020 г. указал, что выделение новой административно-территориальной единицы, в данном случае поселка городского типа Сириус из Адлеровского района, не влечет за собой изменение границ муниципального образования – городского округа – города-курорта Сочи [5].

Впоследствии Законом Краснодарского края от 3 апреля 2020 г. № 4267-КЗ «О преобразовании муниципального образования город-курорт Сочи» муниципальное образование город-курорт Сочи было преобразовано путем его разделения, в связи с чем поселок городского типа Сириус получил статус городского округа с переходным периодом до 2021 г., а в Устав муниципального образования город-курорт Сочи были внесены соответствующие изменения [6]. Предположительно такая инициатива о придании Сириуса особого статуса исходила от самих жителей Адлеровского района г. Сочи, которые обратились к Губернатору Краснодарского края с просьбой о выделении поселка городского типа из территории г. Сочи.

Начало принятия решения о создании такого публично-правового образования, как федеральная территория, ознаменовано принятием принципиальных политических решений по обособлению территории вокруг Образовательного центра «Сириус» и установлению в отношении такой территории специфического порядка управления.

22 декабря 2020 г. в развитие положений Конституции РФ был принят Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории Сириус» (далее – Федеральный закон); городской округ Сириус, ранее выделенный из состава г. Сочи, был преобразован в первую федеральную территорию в Российской Федерации.

В ст. 1 указанного Федерального закона определяется, что федеральная территория «Сириус» имеет общегосударственное и стратегическое значение для дальнейшего экономического и инновационного развития территории, а также способствует не только повышению привлекательности ряда объектов, но и их сохранности [7]. Отмеченные положения нормативного правового акта свидетельствуют о том, что основной причиной появления рассматриваемой федеральной территории выступают особые и специфичные цели ее создания, подтверж-

дающие необходимость придания ей особого правового статуса и иного подхода к организации публичной власти, к числу которых прежде всего относится необходимость развития инновационной научно-технологической деятельности, реализации масштабных инфраструктурных проектов и формирования инвестиционной привлекательности федеральной территории «Сириус» и др.

Второстепенными причинами среди исследователей назывались и политические, т.е. перераспределение полномочий между органами власти и подчинение всего ресурсного потенциала указанной территории исключительно федеральному уровню. В этой связи власть местных властей города Сочи и региональных властей Краснодарского края должна была носить ограниченный характер, тем не менее такое ограничение произошло не полностью [8, с. 105–121].

Представляется, что одной из основных причин выделения федеральной территории «Сириус» следует признавать именно несоответствие правового статуса города Сочи его фактическому политическому значению. Статус обычного муниципального образования и существующая организация публичной власти не позволяла обеспечить инновационное развитие такой территории. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что необходимость преобразования городского округа Сириус в федеральную территории может быть обусловлена не только наличием и особой спецификой организации экономической и инновационной деятельности, но и конкретными стратегическими задачами в интересах государства.

Необходимо также отметить, что вышеуказанный Федеральный закон не содержит общего определения, применяемого к понятию «федеральной территории», закрепленной в Основном законе, а также не устанавливает цели создания подобных публично-правовых образований, поскольку описанные положения применимы исключительно к федеральной территории «Сириус».

То есть в отличие от иных территорий со специальным правовым статусом, исходя из положений действующего законодательства, правовое регулирование федеральных территорий не является универсальным и не предполагает единых подходов к организации их деятельности. Данная ситуация допускает возможность использования индивидуальных подходов к выбору целей создания других федеральных территорий в Российской Федерации.

В свою очередь, законодатель может пойти по пути преобразования ранее созданных территорий с особым правовым статусом (к примеру, наукоградов, особых экономических зон, ЗАТО) в статус федеральных территорий с целью приданиям им общегосударственного стратегического значения и полного федерального управления. Для реализации подобных инициатив представляется целесообразным рассмотреть возможность разработки общего федерального закона, регулирующего порядок создания федеральных территорий и преобразования в них ранее созданных территорий с особым правовым статусом.

В целом попытки урегулирования федеральной территории «Сириус» не решили в полном объеме проблему ее правового статуса, а наоборот способствовали появлению неоднозначности в данном вопросе.

Так, в связи с преобразованием городского округа «Сириус», который являлся муниципальным образованием в составе Краснодарского края, в федеральную

территорию «Сириус» возникла ситуация, при которой часть субъекта Российской Федерации стала самостоятельным публично-правовым образованием без учета интересов региона. Представляется, что в случае принятия подобных решений о преобразовании муниципальных образований субъектов Российской Федерации в федеральные территории перед законодателями возникнет необходимость разработки правового механизма согласования с регионом процедуры передачи части территории под прямое федеральное управление.

Отсутствие урегулирования и нечеткость порядка создания федеральных территорий в дальнейшем может негативно повлиять на определение их правового статуса.

Применительно к этому Конституционный Суд РФ дал более детальную характеристику правового статуса рассматриваемой в настоящей статье федеральной территории. В своем заключении от 16 марта 2020 г. Конституционным Судом РФ дана важнейшая политико-правовая характеристика федеральных территорий о том, что их создание не предполагает приданиям им статуса, равного статуса других субъектов Российской Федерации, и не может расцениваться в качестве противоречия ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, которая исчерпывающим образом определяет состав Российской Федерации как федеративного государства [9]. Анализ указанных положений свидетельствует о невозможности применения известного в практике принципа изменения границ между субъектами с их взаимного согласия.

Тем не менее среди ученых-исследователей продолжает сохраняться дискуссия о признании федеральных территорий частью субъектов федерации.

Интересную позицию по данному вопросу высказывала Е. В. Василькова, которая указывала на то, что федеральную территорию необходимо признавать в качестве части территории субъекта Российской Федерации, на которой полномочия субъекта федерации носят ограниченный характер [10, с. 33–35].

Безусловно, позиции авторов, указывающих, что федеральная территория не обладает самостоятельным правовым статусом и не может рассматриваться отдельно от субъекта федерации, имеют место быть, однако есть ряд факторов, которые свидетельствуют об обратном.

Так, по мнению исследователя Р. М. Дзидзоева, федеральная территория обладает особым, самостоятельным статусом, поэтому не может каким-либо образом относиться к субъекту Российской Федерации, поэтому образование федеральной территории «Сириус» должно было повлечь уменьшение территории Краснодарского края [11, с. 2–8].

Н. В. Васильева в своих работах отмечает, что создание федеральной территории в рамках субъекта Российской Федерации фактически нивелирует саму идею образования таких территорий, а значит, невхождение федеральной территории в состав субъекта федерации признается ее важным содержательным признаком [12, с. 124–140].

По мнению В. Е. Чиркина, федеральные территории можно определить в качестве особых публично-правовых образований, для которых характерны территориальный публичный коллектив муниципального образования, особый организационно-правовой статус и наличие публичных органов управления и институтов

народной демократии [13, с. 114]. Все это, по мнению автора, свидетельствует о том, что федеральная территория представляет собой обособленную территориальную единицу и публично-правовое образование.

Безусловно, с позициями авторов о том, что федеральные территории являются обособленными и независимыми от регионов публично-правовыми образованиями, невозможно не согласиться. В целях подтверждения вышеуказанных позиций можно прежде всего обратиться к действующей редакции Устава Краснодарского края, в котором отсутствует какое-либо упоминание о ранее входившем в состав Краснодарского края городском округе Сириусе и тем более упоминание о федеральной территории Сириус в составе регионе [14]. Также в подтверждение данных позиций можно отметить, что должностные лица федеральной территории «Сириус» (глава администрации, председатель и заместитель председателя Совета и др.), чей порядок избрания и назначения урегулирован Федеральным законом, в соответствии с указом Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» замещают государственные должности Российской Федерации, а не государственные должности субъекта Российской Федерации, в данном случае Краснодарского края [15].

Ввиду того, что до настоящего времени продолжают возникать спорные моменты при определении конституционно-правового статуса федеральной территории «Сириус», необходимо продолжить совершенствование правовых основ функционирования федеральных территорий исходя из их особенностей и целей создания, территориальных оснований, системы управления и возложенных полномочий. Прежде всего, как представляется, требуется закрепление в действующем законодательстве Российской Федерации основных принципов образования федеральных территорий, определение порядка их создания, деятельности и взаимодействия с органами государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Заключение

На сегодняшний день положения разработанного Федерального закона устанавливают переходный период до 31 декабря 2025 г., в течение которого должны быть решены все организационные вопросы федеральной территории «Сириус». Безусловно, такой переходный период нельзя сводить только исключительно к организационным причинам, не стоит забывать и об общегосударственном стратегическом значении создания подобных публично-правовых образований, которые позволят окончательным образом определить правовой статус рассматриваемой федеральной территории.

Подводя итог вышеизложенному, следует заметить, что на сегодняшний день правовой статус федеральной территории «Сириус» до конца не определен. Однако выделение такой территориальной единицы позволило вывести Краснодарский край совершенно на иной уровень своего социально-экономического развития, что в очередной раз свидетельствует об особой роли вышеуказанного региона в общественно-политической жизни страны и экономическом развитии.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 27 сентября 2019 г. № 655 «О назначении опроса граждан по вопросу преобразования административно-территориальной единицы Краснодарского края – города Сочи путем выделения новой административно-территориальной единицы – поселка городского типа» // Администрация Краснодарского края : сайт. URL: http://admkrai.krasnodar.ru (дата обращения: 04.05.2023).

3. Путин призвал молодежь активно пользоваться создаваемыми проектами для личностного роста // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/6138439 (дата обращения: 04.05.2023).

4. Постановление ЗС Краснодарского края от 30 октября 2019 г. № 1355-П «О преобразовании административно-территориальной единицы Краснодарского края – города Сочи путем выделения новой административно-территориальной единицы – поселка городского типа и о присвоении ему наименования как географическому объекту» // Законодательное собрание Краснодарского края : сайт. URL: www.kubzsk.ru (дата обращения: 04.05.2023).

5. Решение Краснодарского краевого суда от 17 февраля 2020 г. по делу № 3а-343/2020 // Краснодарский краевой суд : сайт. URL: http://kraevoi.krd.sudrf.ru (дата обращения: 04.05.2023).

6. Закон Краснодарского края от 3 апреля 2020 г. № 4267-КЗ «О преобразовании муниципального образования город-курорт Сочи» (принят ЗС КК 25 марта 2020 г.) // Администрация Краснодарского края : сайт. URL: http://admkrai.krasnodar.ru (дата обращения: 04.05.2023).

7. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // СПС «КонсультантПлюс».

8. *Найдеров Ю. В.* Создание федеральной территории «Сириус» как фактор политического развития города Сочи // Государственное управление. 2021. № 89.

9. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // СПС «КонсультантПлюс».

10. *Василькова Е. А.* Федеральная территория как вид территориальной организации публичной власти в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4–2.

11. *Дзидзоев Р. М.* Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус») // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2.

12. *Васильева Н. В., Праскова С. В., Пятковская Ю. В.* Конституционный статус федеральных территорий в России : теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1.

13. *Чиркин В. Е.* Публично-правовое образование. М. : ИНФРА-М, 2011.

14. Устав муниципального образования города-курорта Сочи, утв. решением Городского собрания Сочи от 29 июля 2010 г. № 92 // Администрация города Сочи : сайт. URL: http://www.sochiadm.ru/gorodskaya-vlast/dokumenty/2944 (дата обращения: 04.05.2023).

15. Указ Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by Popular Vote on 12 December 1993, with Amendments Approved During the All-Russian Vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Resolution of the Head of Administration (Governor) of Krasnodar Krai of 27 September 2019 No. 655 "On the Appointment of a Survey of Citizens on the Issue of Transformation of the Administrative-Territorial Unit of Krasnodar Krai – The City of Sochi by Allocating a New Administrative-Territorial Unit – Urban-Type Settlement". URL: http://admkrai.krasnodar.ru (date of the application: 04.05.2023). (In Russ.)

3. Putin Urged Young People to Actively Use the Created Projects for Personal Growth. URL: https://tass.ru/obschestvo/6138439 (date of the application: 04.05.2023). (In Russ.)

4. Resolution of the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory of 30 October 2019 No. 1355-P "On the Transformation of the Administrative-Territorial Unit of the Krasnodar Territory – The City of Sochi by Separating a New Administrative-Territorial Unit – Urban-Type Settlement and on Naming It as a Geographical Object". URL: www.kubzsk.ru (date of the application: 04.05.2023). (In Russ.)

5. Decision of the Krasnodar Regional Court of 17 February 2020 on the Case No. 3A-343/2020. URL: http://kraevoi.krd.sudrf.ru (date of the application: 04.05.2023). (In Russ.)

6. Law of Krasnodar Territory of 3 April 2020 No. 4267-KZ "About Transformation of Municipal Formation of a City-Court of Sochi" (accepted on 25 March 2020). URL: http://admkrai.krasnodar.ru (date of the application: 04.05.2023). (In Russ.)

7. Federal Law of 22 December 2020 No. 437-FZ "On the Federal Territory 'Sirius'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. *Naiderov Iu. V.* Creation of the Federal Territory "Sirius" as a Factor of Political Development of the City of Sochi. *Public Administration*, 2021, no. 89. (In Russ.)

9. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16 March 2020 No. 1-Z (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. *Vasilkova E. A.* Federal Territory as a Type of Territorial Organization of Public Authority in the Russian Federation. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2021, no. 4-2. (In Russ.)

11. *Dzidzoev R. M.* Institute of Federal Territories in the Russian Federation (on the Example of the Federal Territory "Sirius"). *Legal Bulletin of Kuban State University*, 2021, no. 2. (In Russ.)

12. *Vasilieva N. V., Praskova S. V., Piatkovskaia Y. V.* Constitutional Status of Federal Territories in Russia: Theoretical Foundations of Legislative Regulation. Pravoprivlenie, 2021, vol. 5, no. 1. (In Russ.)

13. *Chirkin V. E.* Public-Law Education. Moscow: Infra-M, 2011. (In Russ.)

14. Charter of the Municipal Formation of the City-Court of Sochi, approved by the Decision of the City Assembly of Sochi of 29 July 2010 No. 92. URL: http://www.sochiadm.ru/gorodskaya-vlast/dokumenty/2944 (date of the application: 04.05.2023). (In Russ.)

15. Decree of the President of the Russian Federation of 11 January 1995 No. 32 "On Public Offices of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
И. А. Кашин – аспирант.

Information about the author:
I. A. Kashin – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 20.07.2023.

The article was submitted to the editorial office 22.05.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 20.07.2023.

Научная статья
УДК 343.988
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-224-238

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗАКОН И ПРАКТИКА

Вадим Виталиевич Потаскаев[1]

Елена Владимировна Фоменко[2]

[1, 2] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[1] vv@potaskaev.ru

[2] 89266006361@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье с применением обще- и частнонаучных методов исследования анализируются современные проблемы семейно-бытового насилия в отношении женщин и детей, в том числе в контексте пандемии *COVID-19* на территории РФ. Авторы проводят анализ данных и публикаций, которые были изданы в период последних трех лет, чтобы понять проблему и выявить факторы, способствующие всплеску насилия в семьях. Новизна работы состоит в авторском анализе различных форм семейно-бытового насилия: психологическое, физическое, экономическое и др., которые раскрывают сущность неравенства и дискриминации по половому и иным признакам. Статья носит конвенциональный характер, так как для отдельных сообществ данный вопрос является тривиальным, а для других, наоборот, табуированным. Результатом исследования проблемы насилия в семейном социуме явился вывод о необходимости более активных действий со стороны государства и общественности, а также со стороны международного сообщества с целью снижения показателей статистики по семейно-бытовому насилию. Данная статья поднимает фундаментальный вопрос исследования института семьи в контексте девиантного насильственного поведения, что будет интересно исследователям, практикам и другим людям, интересующимся этой проблематикой. Результаты исследования могут быть применены как в научных, так и в прикладных целях для повышения эффективности профилактики насилия в семьях.

Ключевые слова: насилие в семье; невмешательство в семейную жизнь; *COVID-19*; психологическое насилие; профилактика домашнего насилия.

Для цитирования: *Потаскаев В. В., Фоменко Е. В.* Научные подходы к характеристике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: закон и практика // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 224–238. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-224-238

Research Article

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE CHARACTERIZATION OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION: LAW AND PRACTICE

Vadim V. Potaskaev[1]

Elena V. Fomenko[2]

[1, 2] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[1] vv@potaskaev.ru

[2] 89266006361@mail.ru

Abstract

This article, using general and private scientific research methods, analyzes the current problems of domestic violence against women and children, including in the context of the COVID-19 pandemic in the Russian Federation. The authors analyze data and publications that have been published over the past three years in order to understand the problem and identify factors contributing to the surge in domestic violence. The novelty of the work lies in the author's analysis of various forms of domestic violence: psychological, physical, economic, etc., which reveal the essence of inequality and discrimination based on gender and other characteristics. The article is of a conventional nature, because for some communities, this issue is trivial, while for others, on the contrary, it is taboo. The result of the study of the problem of violence in the family society was the conclusion about the need for more active actions on the part of the state and the public, as well as on the part of the international community in order to reduce the statistics on domestic violence. This article raises the fundamental question of the study of the institution of the family in the context of deviant violent behavior, which will be of interest to researchers, practitioners and other people interested in this issue. The results of the study can be applied both for scientific and applied purposes to improve the effectiveness of domestic violence prevention.

Keywords: domestic violence; non-interference in family life; COVID-19; psychological violence; prevention of domestic violence.

For citation: *Potaskaev V. V., Fomenko E. V.* Scientific approaches to the Characterization of Domestic violence in the Russian Federation: Law and Practice. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 224–238. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-224-238

Введение

Насилие в семье – релевантная проблема не только для Российской Федерации, но и для всего населения Земли, она все чаще становится предметом анализа и острых дискуссий среди исследователей. Во всем мире представители различных правовых систем пытаются дать точное определение домашнему насилию, но существует ряд трудностей, которые мешают этому. Во-первых, традиционный образ семьи, который подкрепляется принципом невмешательства в семейную жизнь; во-вторых, концепция частной жизни, согласно которой, дом считается приватным местом, где люди предоставлены сами себе и живут по принципу «*My Home Is My Castle*» («Мой дом – моя крепость»); в-третьих, сложность доказывания, так как зачастую единственными свидетелями являются сами стороны; в-четвертых, автономия жертвы и пр. Насилие присутствовало всегда, начиная с античности, но подвергалось изменениям. Когда говорится о термине «*насилие*», следует понимать, что это вид агрессивного поведения и использования силы, с целью нанесения вреда [1]. Ю. Ф. Беспалов трактует термин как одну из форм зла [2], а Н. О. Плешкова раскрывает его как социальный феномен [3].

На сегодняшний день в научной литературе выделяют следующие виды насилия: латентное (скрытое), физическое, сексуализированное, семейное, внесемейное, психологическое (эмоциональное), экономическое, деструктивное (духовное), военное; и специфическое, например, *early marriage* (когда выдают замуж девочек, не достигших 18-летия, соответственно, это носит принудительный характер и считается одним из видов насилия) или *habit* (практика обычая), к примеру, циркумцизия и инфибуляция, что часто практикуется в странах Африки [4; 5] – это тоже является своего рода насилием. В силу обширности возможных способов и методов насилия над личностью мы проанализируем отдельные его проявления, которые встречаются в рамках семейных отношений.

1. Детерминанты и механизм насилия в семье

Фундаментальную роль играет парадигма «все идет из детства»: дети, которые были подвержены сексуально-садистскому насилию, неблагополучным условиям жизни, конфликтам, зачастую становятся будущими преступниками, так сказать, хотят отомстить. Некоторые пострадавшие могут и вовсе травмировать самих себя или доходят до самоубийства, чтобы «очиститься» и узнать на что способны. Иногда в силу определенных жизненных обстоятельств, связанных с конфликтом родителей, в семье страдает ребенок, а в частности его детская психика, что сказывается на его поведении не только дома, но и в обществе. Так появляются уязвимые дети с девиантным поведением. Проявление асоциального характера таких подростков становится сразу заметно в обществе.

Соответственно, можно сказать, что не только биолого-прогрессивные, но и социальные особенности влияют на индивида. Насилие как в переломном (10–15 лет), так и юношеском (15–20 лет) периоде значительно влияет на формирование личности преступника, так сказать, является неким спусковым механизмом. Примером может служить детство известного насильника А. Р. Чикатило. Оно прошло не лучшим образом: уход отца на войну, истязания со стороны матери, голод – это не могло не деформировать ментальность подрастающего мальчика.

Известный советский ученый-криминолог Д. В. Ривман выдвинул классификацию жертв, базируясь на характере, гендере, личных качествах, в которую входит пять типов: универсальный, избирательный, ситуативный, случайный и крайне индивидуальный – профессионально-виктимный. Также исследователь делит потерпевших на пассивных и активных, агрессивных и инициативных.

Существует множество аутентичных теорий, знания которых активно используются при исследовании намерений, умысла и личности преступника, например, психодинамическая (З. Фрейд), соматипах человеческого тела (А. Дамасио), стигматизации (Эдвин М. Лемерт), эго-теория личности (Э. Эриксон), диспозициональная (Г. Олпорт), структурная теория личностных особенностей (Р. Кэттелл), социальной аномии (Р. Мертон, Э. Дюркгейм) и др. Криминология нередко применяет и такие традиционные подходы исследования вышеобозначенных категорий, как социологический, психологический, философский, первостепенная суть которых – построение портрета преступника [6].

Одним из современных американских психологов, Ленор Э. Уокер, выдвинута модель насилия как цикличность. Ее теория «*cycle of abuse*» [7] – четырехэтапный цикл: *tension*, *incident*, *reconciliation*, *calm* – этапы, каждый из которых раскрывает, как проходит насилие в отношениях.

1-я стадия – аккумуляция напряжения, повествует о том, что внешние стрессовые факторы, например, финансовые или рабочие трудности, играют кульминационную роль в формировании данного этапа [8]. Преступник аккумулирует в себе стресс, становится индифферентным, что приводит к потере контроля.

2-я стадия – насилие, именно на этой фазе происходит выплеск эмоций преступника. Дабы почувствовать себя главным, он проявляет гиперпротекцию к жертве, т.е. контролирует, как она себя ведет, во что одевается, чем питается, может не выпускать ее из дома, запретить общение с друзьями, родными, решает за нее, где

работать (однако ст. 23 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., которая закрепляет, что каждый человек имеет право на свободный выбор работы) [9] и пр. – все эти признаки относятся к характеристике психологического и скрытого насилия. Манипулирует партнером, как в эмоциональном, так и чувственном плане, вводит жертву в заблуждение и делает ее провокатором, последнее получило название виктимблейминг [10]. Особое место имеет данная стадия, когда у партнеров имеется общий или необщий ребенок, так как обидчик может угрожать ребенку, чтобы опять же управлять жертвой, соответственно, из этого будет вытекать уже не только психологическое, но и физическое насилие вдобавок еще и по отношению к ребенку, что как минимум дает право органам опеки и попечительства немедленно отобрать несовершеннолетнего у родителей в соответствии со ст. 77 СК РФ. Следует понимать, что в данной ситуации только одно угрожающее (виновное) лицо, таким образом, ст. 69 СК РФ защищает родительские права потерпевшего (щей) (чаще всего матери), особенно в тех случаях, когда она или ей самой угрожают убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Бывают разные ситуации, например: если соседи слышат регулярные ссоры и знают, что свидетелем всего является ребенок, то такие деяния родителей могут квалифицироваться по ст. 5.35 КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» или, если такое деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним по ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего».

3-я стадия, или *honeymoon stage*, – примирительная фаза, которая наступает по истечении некоторого времени, когда напряжение идет на спад. Индивид-обидчик будет пытаться исправить произошедшее при помощи ухаживаний, проявлении любви и доброты, обещаний, что инцидент больше не повторится (причем он сам в это верит), именно поэтому стадия получила название «медовый месяц», так как напоминает начало отношений и время, когда все было положительно. Нередко можно свидетельствовать членовредительство или угрозы самоубийства, дабы вызвать сочувствие и прощение со стороны жертвы. И тогда женщина (чаще всего), чтобы загладить такое положение, остается в отношениях [11; 12].

4-я стадия – спокойствие – пролонгация «медового месяца», отношения между объектом и субъектом насильственных действий становятся умеренными. Но с каждым разом циклы сокращаются, обидчик продолжает процесс виктимизации, что приведет в будущем в лучшем случае к разводу или в худшем – убийству/самоубийству.

Настоящая концепция схожа с мнением Е. Р. Ярской-Смирновой, которая раскрывала насилие как паттерн, который, в свою очередь, является фундаментальным индикатором отличия бытового насилия от обыденной утрированной ситуации в семье. Она утверждала, что насилие носит четкий гендерный характер, т.е., как показывают данные Росстата за предыдущие годы, пострадавшими в большинстве случаев становится женский пол [13; 14]. Такого же мнения придерживается П. В. Румянцева: она утверждает, что всему виной патриархальные установки, которые порождают физическое насилие [15].

2. Насилие в период *COVID-19*

Особенно вышеописанные ситуации насилия в семье обостряются, когда члены семьи остаются один на один со своими проблемами в закрытом изолированным пространстве. Примером тому является самоизоляция граждан, которая была необходима в связи с распространением вирусного или инфекционного заболевания. Так, 31 января 2020 г. на территории Российской Федерации была зафиксирована новая коронавирусная инфекция – *COVID-19* [16]. Ведущие страны мира: Китайская Народная Республика, Великобритания, Германия, Франция и др. – объявили карантинный режим и ввели самоизоляцию. Россия ввела *lockdown* 30 марта, 08:00, 2020 г. [17], но тогда никто не знал, чем все обернется для института семьи, демографии и экономики страны. Ограничительные меры стали катализатором роста домашнего насилия. Данный период в жизни людей стал трудным и неопределенным, что привело к стрессу, агрессии и сложностям в контроле поведения. Ввиду закрытия учебных организаций детям было нелегко, так как большое количество из них помимо школьных учреждений посещало кружки, секции и дома творчества. В результате непросто стало и родителям, которые переживали о том, как содержать семью и дать хорошее образование подрастающему поколению, потому что нет более важной задачи, чем эта в нынешних реалиях.

В нашем, российском, обществе бытовое насилие существовало очень долгое время, но лишь недавно о нем стали говорить открыто. Россия предпочитает помнить только хорошее и не желает поднимать вопрос защиты женщин от насилия, как будто его и нет. У нас, к сожалению, по-прежнему жива пословица «Бьет – значит любит!». Общественно-политическая газета «Коммерсантъ» опубликовала статью на основании выборки судебных приговоров, которую провел Консорциум женских неправительственных организаций [18] (далее – КЖНПО). Исходя из данных, представленных в статье, за период пандемии *COVID-19* погибло 2680 лиц женского пола: так, жертвами семейно-бытового насилия стали более 70% всех убитых на территории России женщин [19; 20]. «Сколько еще нужно жертв?!», – именно с такими лозунгами ежегодно люди, которым не безразлично будущее страны, устраивают демонстрации, анкетирование и многое др., чтобы сменить настоящий вектор и сократить количество преступлений. Большинство скрывают эту огромнейшею проблему, так как считают постыдным говорить о ней. В период пандемии насилие в отношении женщин только увеличилось, вероятно, произошел такой скачок ввиду замкнутого пространства: женщины оставались в четырех стенах наедине с супругами. Стресс, беспокойство, неопределенность, финансовые проблемы – все это не могло не дать о себе знать.

3. Женщины как жертвы насилия

В ст. 3 Декларации об искоренении насилия в отношении женщин, принятой резолюцией 48/104, указывается, что женщины могут пользоваться равными правами и свободами как в политико-экономической, так и в социально-культурной области. Данная Декларация стала дополнением к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, подписанной 18 декабря 1979 г. и ратифицированной в СССР в 1980 г. (далее – КЛДЖ). По мнению А. В. Швабауэра, КЛДЖ не

просто международный договор, а проект, который привел к лоббированию закона о семейно-бытовом насилии [21].

В 2021 г. гражданки Н. Туникова, Е. Гершман, И. Петракова и М. Грачева обратились в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Исходя из жалоб потерпевших, в отношении которых была нарушена ст. 3 Европейской Конвенции о защите прав человека (далее – Конвенция), ЕСПЧ утвердился в том, что фактически женщины на территории Российской Федерации подвержены сегрегации [22], и вынес *pilot judgment* [23]. Следует понимать, что это не обычное постановление, а исключительное международно-правовое явление, когда Европейский суд признает нарушение Конвенции [24]. Дело *Tunikova and others v. Russia* [22] – апогей в истории международного права и домашних истязаний. Одна из жертв семейно-бытового насилия (М. Грачева) и ее история о том, как супруг отрубил ей кисти обеих рук, не могла не ужаснуть представителей ЕСПЧ. Европейский суд выделил денежную компенсацию каждой из обратившихся в ЕСПЧ и заявил, что России следует внести изменения в законодательство [25].

Следует отдельно отметить, что с 16 сентября 2022 г. Россия перестала быть участником Европейской конвенции о правах человека. ЕСПЧ будет рассматривать жалобы на действия или бездействие России, которые имели место до этой даты. Выход России из ЕСПЧ вовсе не означает, что Россия отказывается от общепринятых норм и принципов международного права, что, безусловно, касается и вопросов защиты прав жертв домашнего насилия.

Глава российской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы Петр Толстой так прокомментировал денонсирование Россией Европейской конвенции по правам человека «Россия приняла «взвешенное и обдуманное решение», но вся ответственность за него лежит на НАТО. Именно Североатлантический альянс «использовал тему прав человека для реализации собственных геополитических интересов» [26].

В контексте напряженности в отношениях между Россией и Западом специалисты в области уголовного права отмечают, что необходимо проводить исследования, которые позволять выявлять «позиции отечественной доктрины уголовного права относительно содержания сравнительно-правового метода исследования (включая понятия компаративистики) в изменившихся социально-политических и иных условиях» [27].

При поддержке КЖНПО и Национального центра для женщин, пострадавших от домашнего насилия, «Анна» (далее – Центр «Анна») [28] удалось связаться с жертвами бытового насилия, которые поделились своей историей, где одна анархичнее другой: «...Было страшно, хотела вывезти вещи и заявить в полицию, но боялась, если мне не помогут, то придется возвратиться домой, я знала, он вновь поднимет на меня руку. Не говорила ни маме, ни подругам, потому что думала, что они скажут, ведь это мой муж, соответственно, мой выбор, а тут я, с синяком под глазом. Может, все это связано с тем, что в период самоизоляции мы стали более агрессивными: из-за этого и последовали разногласия, ссоры, насилие как физическое, так и моральное».

Исходя из данной истории следует сказать, что население России не приучено «выносить сор из избы», это, так сказать, специфическая «русская немота», которая

касается и семейных отношений. Статья акцентирует внимание на том, что о насилии следует говорить, в этом нет ничего табуированного. Мы считаем, что необходимо обратить внимание на этот феномен, чтобы как можно больше просвещенных организаций понижали уровень толерантности к насилию, чтобы пострадавшие рассказывали об этом не через несколько лет, когда уже психика деформирована, а тогда, когда насилие применяется только на начальных стадиях.

Следующая жертва поделилась не просто своей историей, а случаем, который довольно часто можно встретить по сей день: «...Супруг схватил меня за волосы и таскал по всей квартире, пока не дотащил до кухни. Всеми силами я пыталась ухватиться за любые предметы, которые были вблизи, думала, что еще чуть-чуть и я потеряю сознание. Удары закончились, но продолжаю испытывать страх смерти и сижу, с согнутыми коленями, на полу, на кухне, это была предельная угроза, возможно, был последний день в моей жизни. Супруг вызвал медиков, а те, в свою очередь, полицию, сразу сказал, что я напала на него с ножом в ванной, реакция правоохранительных органов была ожидаема. Меня повезли в участок, получается, что ставшую жертвой превращают в преступника. Ко мне подходили разные люди из компетентных органов и уговаривали признаться в том, что я умышленно нанесла тяжкий вред здоровью, т.е. я должна подписать это, как чистосердечное признание. Мне обещали хорошего адвоката, минимальный срок, только подпишите, на что я ответила, что не понимаю, о чем они вообще говорят. С меня долгое время не хотели снимать побои и лишь после пяти часов, проведенных в «обезьяннике», меня осмотрели врачи, которым в итоге и смогла рассказать историю от и до, благодаря им, можно сказать, я сейчас и жива, и сижу не в тюрьме, а на детской площадке со своим ребенком».

Эта ситуация ярко демонстрирует термин «*виктимблейминг*», который уже стал нечто обыденным не только за рубежом, но и на территории России. Зачастую мы думаем, что такое может произойти только в неблагополучных семьях, но в XXI в. потерпевшим может стать каждый. В период самоизоляции большое количество семей оказались запертыми в своих домах. Де-факто каждый индивид может характеризовать дом как место релаксации от внешнего мира, но в период самоизоляции дом, наоборот, стал ареной, где человек оказался в зоне угрозы, страха и ужаса.

4. Законодательство против насилия

В Великобритании по сей день действует Закон о защите от домогательств 1997 г. [29], первостепенной целью которого была защита жертвы от насилия. К концу апреля 2021 г. был принят обновленный Закон о домашнем насилии [30] (далее – *Domestic Abuse Act 2021*, *DAA*), на основании законопроекта *Domestic Abuse Bill 2020*. Структура *DAA* представлена крайне интересным образом: во-первых, присутствует вступительный текст, так называемая преамбула, как в Конституции РФ; во-вторых, Закон содержит семь частей, в каждой из которых закреплена важная информация, например, в 1-й части трактуется понятие бытового насилия, понятие лиц, связанных с ним, и дети как жертвы надругательства в семье; в 5-й части говорится о защите жертв, свидетелей и других лиц, участвовавших в насилии, в судебном

разбирательстве, также данная часть предоставляет «*special measures*» в уголовном, семейном и гражданском процессе с целью классификации насилия.

Ранее уже говорилось, что в России нет легально закрепленного нормативного правового акта о противодействии домашнему насилию. В 2016 г. был предложен проект федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия», состоящий из 37 статей, который мог бы содержательно походить на «*Domestic Abuse Act 2021*», но, к сожалению, данный законопроект не дошел до первого чтения.

К концу ноября 2019 г. был опубликован новый проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», содержащий 28 статей, больше половины из которых нарушают конституционные принципы и права граждан, а именно ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 24, 35, 40, 49 и др. Конституции РФ [31]. Законопроект направлен на защиту супругов, в том числе бывших, лиц, имеющих общего ребенка (детей), близких родственников, а также совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство иных лиц, связанных свойством [32]. Но и он до настоящего момента не принят. Следует понимать, что проекты-аналоги неоднократно вносились на рассмотрение в Госдуму, но не принимались.

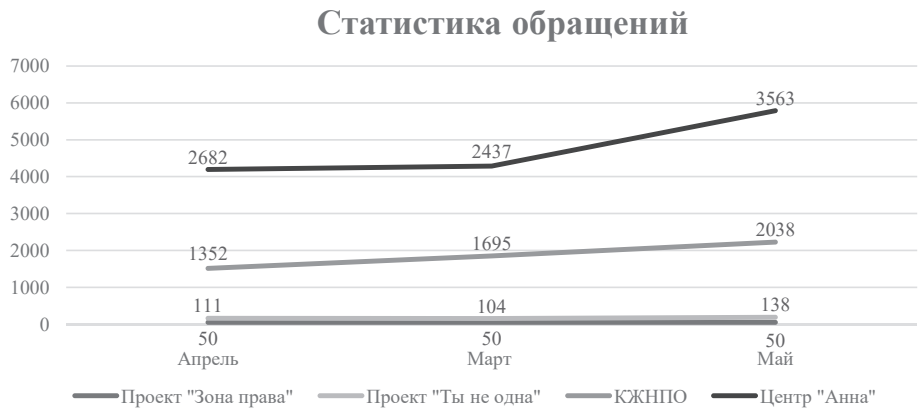
5. Характеристика семейного насилия в Республике Абхазия

Идентичная ситуация сложилась в Республике Абхазия. Множество раз поднимался вопрос о недопустимости применения бытового насилия, но он не придавался широкой публичной огласке. Почему до сих пор не разработали законопроект «О домашнем насилии» – конвенциональный вопрос. Возможно, ввиду морально-этических представлений: среди населения часто употребляются такие слова, как «áԥсуара», «áламыс» «áаʒара», что означают этикетную систему, фундамент абхазской духовности и воспитание, они идентичны собирательному понятию «кодекс морали» [33]. Мы полагаем, что сила традиций и стереотипов мешает увидеть реальность происходящего. Де-факто каждый знает, что на Кавказе мужчина – прародитель и от его решения будет все зависеть, но именно поэтому на территории как России, так и Абхазии мужской пол позволяет себе фривольность в отношении женщин, так как знает, что женщина либо промолчит из-за давления общественного мнения, либо ей просто никто не поверит. У женщин нет поддержки со стороны государства, имеются только статьи, размыто определяющие понятие «домашнее насилие», но никак не называющие и не определяющие его. Нормы уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за причинение вреда здоровью и насилие в Уголовном кодекса Республики Абхазия (далее – УК РА), идентичны нормам, закрепленным в УК РФ. Так, ст. 107 УК РА аналогична ст. 113 УК РФ (и та и другая норма указывают на вред здоровья в состоянии аффекта). Статья 109 УК РА и ст. 115 УК РФ гласят об умышленном причинении легкого вреда здоровью. Статья 110 УК РА и ст. 116 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за побои. Статья 172 Кодекса об административных правонарушениях Республики Абхазия (далее – КоАП РА) схожа со ст. 5.35 КоАП РФ – обе в диспозиции непосредственно регламентируют «невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию и обучению детей» [34]. Но этих норм, по нашему мне-

нию, явно недостаточно, чтоб прекратить домашнее насилие, в том числе в отношении детей. Нормативную базу в этой сфере следует укреплять, не только и не столько за счет расширения уголовно-правовых средств воздействия, но и за счет применения иных правовых механизмов.

6. «Абъюз» внутри семьи и его характеристика

Лиц, склонных к проявлению психологического насилия, которые оскорбляют других, оказывают на них давление, причиняют разного рода дискомфорт, принято назвать «абъюзерами» – этимологически от латинского «abusu s: префикс ab– удаление от нормы+ uti– использовать». Распознать абьюзера на начальных этапах очень сложно, только в отношениях можно проследить некоторые признаки: шантаж, ультиматумы, финансовая протекция (например, обидчик хранит денежные средства у себя под предлогом: «Я сам схожу в магазин/сам куплю, ты ведь девушка», – такие проявления можно принять как заботу, но на самом деле это является латентным насилием), модель «низкоуровнего» неуважительно поведения (может быть критика, унижение, дискредитация и пр.), искажение слов, обвинение, описывание жертвы как сумасшедшей и сверхчувствительной, игнорирование границ, так как мнение абьюзера важнее всего.



На графике показана динамика обращений за помощью: большее количество поступило в кризисный центр «Анна», так как этот Центр предоставляет возможность связи как по горячей линии, так и посредством мессенджеров. Полагаем, что данный скачок произошел ввиду того, что индивиды пробыли наедине больше месяца, что сильно повлияло на взаимоотношения внутри семьи. Люди с лабильной психикой порой не контролируют происходящее, из-за чего и может развиваться конфликт, а в перспективе – насилие.

Заключение

Специалисты отмечают, что «за два года пандемии доля убитых из-за бытовых конфликтов женщин выросла на 5-6%. Об этом говорят результаты исследования Центра защиты пострадавших от домашнего насилия при Консорциуме женских неправительственных организаций… Эксперты проанализировали 11 175 опубликованных приговоров за 2020–2021 гг. из ГАС «Правосудие». Они выявили 3759 приговоров за убийства женщин, из них в 2680 случаях речь шла об убийстве партнером или родственником» [35].

Однако официальные статистические данные, предоставленные МВД РФ за 2020 г., как ни удивительно, показывают, что за период пандемии произошло снижение преступлений в семье на 9,5% [36]. Мы полагаем, что такая статистика объясняется тем, что жертвы не всегда обращаются за помощью в правоохранительные органы, потому что не надеются и не доверяют государственным органам, которые зачастую несвоевременно реагируют на проблему. Исходя из этого деяния, связанные с семейно-бытовым насилием, переходят в разряд латентных преступлений, что существенно осложняют борьбу с ними. Такое положение необходимо исправлять, в том числе с привлечением сил гражданского общества, разработав эффективный механизм правового регулирования и методику его реализации. А главной составляющей такого противодействия насилию в семье должна стань политическая воля внутри страны, которая должна быть направлена на устранение причин, условий и иных факторов, способствующих развитию насилия в семье, и на его пресечение.

Пристатейный библиографический список

1. *Даренских С. С.* Насилие в отношении женщин // Известия АлтГУ. 2013. № 2 (78).

2. *Беспалов Ю. Ф.* Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов : социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1.

3. *Плешкова Н. О.* Семейное насилие и пути его преодоления в современном российском обществе : региональный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. П., 2017.

4. *Yoder P. S., Khan S.* Numbers of Women Circumcised in Africa : The Production of a Total. USAID, DHS Working Papers, No. 39 (March 2008).

5. *Zanker P.* The Mask of Socrates : The Image of the Intellectual in Antiquity. University of California Press, 1995.

6. *Зарипов З.* Некоторые подходы к изучению личности современного преступника // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3 (94).

7. How to Recognize and End the Cycle of Abuse // Verywell Health : сайт. URL: https://www.verywellhealth.com/cycle-of-abuse-5210940 (дата обращения: 14.03.2023).

8. *Newman W. C., Newman E.* Domestic Violence : Causes and Cures and Anger Management. Willis Newman, 2010.

9. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Victim Blaming // Canadian Recource Centre for Victims of Crime : сайт. URL: https://crcvc.ca/docs/victim_blaming.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

11. *Walker L. E.* The Battered Woman. New York : Harper and Row, 1979.

12. *Brewster S.* Helping Her Get Free : A Guide for Families and Friends of Abused Women. Seal Press, 2006.

13. Социальная политика и социальная работа : гендерные аспекты : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. М. : РОССПЭН, 2004.

14. *Бугакова Н. С., Воронина И. В., Максимова М. В.* Женщины и мужчины России : статистический сборник. М. : Росстат, 2018.

15. Социальному работнику о проблеме домашнего насилия / под ред. А. Б. Синельникова. М. : Университетская книга, 2001.

16. В России выявили первых зараженных коронавирусом из Китая // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/society/31/01/2020/5e341f929a7947d43c9aa308 (дата обращения: 14.03.2023).

17. Год с начала локдауна. Главные цифры и факты начала изоляции в России // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/business/30/03/2021/605db6239a7947a204eb354e?ysclid=l8wrrpqu041827352 (дата обращения: 14.03.2023).

18. Консорциум женских неправительственных объединений : сайт. URL: https://wcons.net (дата обращения: 14.03.2023).

19. *Старикова М., Костарнова Н.* Чисто семейное убийство // Коммерсантъ : сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5514924 (дата обращения: 14.03.2023).

20. В прошлом году почти 72% убитых в России женщин погибли от домашнего насилия // Forbes : сайт. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/474659-v-proslom-godu-pocti-72-ubityh-v-rossii-zensin-pogibli-ot-domasnego-nasilia?ysclid=l8yppa1reo166627852 (дата обращения: 14.03.2023).

21. Единодушно против // Русская Народная Линия : сайт. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/01/17/edinodushno_protiv_ (дата обращения: 14.03.2023).

22. Россию обязали бороться с домашним насилием. ЕСПЧ вынес пилотное постановление, присудив одной из жертв 371 тыс. евро // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/discussion/2021/12/15/rossiyu_obyazali_borotsya_s_domashnim_nasiliem__espch_vynes_pilotnoe_postanovlenie_prisudiv_odnoj_iz (дата обращения: 14.03.2023).

23. *Терехов К. И.* Пилотные постановления, выносимые Европейским судом по правам человека : введение в системный анализ явления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 4.

24. Tunikova and Others v. Russia // European Court of Human Rights : сайт. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22002-13522%22]} (дата обращения: 14.03.2023).

25. АннаЦентр : сайт. URL: https://anna-center.ru (дата обращения: 14.03.2023).

26. Россия денонсирует Европейскую конвенцию по правам человека // Право.ru : сайт. URL: https://pravo.ru/news/239786/ (дата обращения: 14.03.2023).

27. *Наумов А. В.* О специфике содержания и направленности сравнительного правоведения в современных условиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4.

28. Protection from Harassment Act 1997 // Legislation.gov.uk : сайт. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1997/40/contents (дата обращения: 14.03.2023).

29. Domestic Abuse Act 2021 // Legislation.gov.uk : сайт. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/17/contents/enacted (дата обращения: 14.03.2023).

30. Domestic Abuse Bill 2020: Factsheets // Gov.uk : сайт. URL: https://www.gov.uk/government/publications/domestic-abuse-bill-2020-factsheets (дата обращения: 14.03.2023).

31. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

32. Законодателями предложен комплекс мер по защите прав лиц, подвергающихся семейно-бытовому насилию // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/59925.html (дата обращения: 14.03.2023).

33. *Инал-Ипа Ш. Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухум : Алашара, 1984.

34. Кодекс об административных правонарушениях Республики Абхазия (особенная часть) от 15 декабря 1984 г. // Официальный сайт Президента Республики Абхазия : сайт. URL: http://presidentofabkhazia.org/doc/codecs/ (дата обращения: 14.03.2023).

35. *Мишина В.* Доля убитых из-за бытовых конфликтов женщин выросла во время пандемии // Ведомости : сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/08/15/936121-dolya-ubitih-zhenschin-viroslo (дата обращения: 14.03.2023).

36. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. // МВД России : сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184 (дата обращения: 14.03.2023).

References

1. *Darenskikh S. S.* Violence Against Women. *Izvestiia AltSU*, 2013, no. 2 (78). (In Russ.)

2. *Bespalov Iu. F.* Family Violence in the Russian Federation as a Vice of Life and Activity of the Family and its Members: Socio-Legal Aspect. *Notary*, 2019, no. 1. (In Russ.)

3. *Pleshkova N. O.* Family Violence and Ways to Overcome It in Modern Russian Society: Regional Aspect: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. P., 2017. (In Russ.)

4. *Yoder P. S., Khan S.* Numbers of Women Circumcised in Africa: The Production of a Total. USAID, DHS Working Papers, No. 39 (March 2008).

5. *Zanker P.* The Mask of Socrates: The Image of the Intellectual in Antiquity. University of California Press, 1995.

6. *Zaripov Z.* Some Approaches to the Study of the Personality of the Modern Criminal. *Vedomosti Penal-Executive System*, 2010, no. 3 (94). (In Russ.)

7. How to Recognize and End the Cycle of Abuse. URL: https://www.verywellhealth.com/cycle-of-abuse-5210940 (date of the application: 14.03.2023).

8. *Newman W. C., Newman E.* Domestic Violence: Causes and Cures and Anger Management. Willis Newman, 2010.

9. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. Victim Blaming. URL: https://crcvc.ca/docs/victim_blaming.pdf (date of the application: 14.03.2023).

11. *Walker L. E.* The Battered Woman. New York: Harper and Row, 1979.

12. *Brewster S.* Helping Her Get Free: A Guide for Families and Friends of Abused Women. Seal Press, 2006.

13. *Iarskaia-Smirnova E. R. (ed.).* Social Policy and Social Work: Gender Aspects: Textbook for Students of Higher Educational Institutions. Moscow: Rosspen, 2004. (In Russ.)

14. *Bugakova N. S., Voronina I. V., Maksimova M. V.* Women and Men in Russia: Statistical Collection. Moscow: Rosstat, 2018. (In Russ.)

15. *Sinelnikov A. B. (ed.).* To the Social Worker About the Problem of Domestic Violence. Moscow: University Book, 2001.v

16. In Russia the First Infected with Coronavirus from China Have Been Identified. URL: https://www.rbc.ru/society/31/01/2020/5e341f929a7947d43c9aa308 (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

17. One Year Since the Beginning of the Lockdown. Main Figures and Facts of the Beginning of Isolation in Russia. URL: https://www.rbc.ru/business/30/03/2021/605db6239a7947a204eb354e?ysclid=l8wrrpqu041827352 (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

18. URL: https://wcons.net (date of the application: 14.03.2023).

19. *Starikova M., Kostarnova N.* Purely Family Murder. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5514924 (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

20. Last Year Almost 72% of Women Killed in Russia Died from Domestic Violence. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/474659-v-proslom-godu-pocti-72-ubityh-v-rossii-zensin-pogibli-ot-domasnego-nasilia?ysclid=l8yppa1reo166627852 (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

21. Unanimously Against. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/01/17/edinodushno_protiv_ (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

22. Russia Is Obliged to Fight Domestic Violence. The ECHR Issued a Pilot Ruling, Awarding One of the Victims 371 Thousand Euros. URL: https://zakon.ru/discussion/2021/12/15/rossiyu_obyazali_borotsya_s_domashnim_nasiliem__espch_vynes_pilotnoe_postanovlenie_prisudiv_odnoj_iz (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

23. *Terekhov K. I.* Pilot Rulings Issued by the European Court of Human Rights: Introduction to the Systemic Analysis of the Phenomenon. Law. *Journal of the Higher School of Economics*, 2011, no. 4. (In Russ.)

24. Tunikova and Others v. Russia. URL: https://hudoc.echr.coe.int/Fre#{%22ITEMID%22:[%22002-13522%22]} (date of the application: 14.03.2023).

25. URL: https://anna-center.ru (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

26. Russia Denounces the European Convention on Human Rights. URL: https://pravo.ru/news/239786/ (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

27. *Naumov A. V.* On the Specificity of the Content and Orientation of Comparative Law in Modern Conditions. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, vol. 18, no. 4. (In Russ.)

28. Protection from Harassment Act 1997. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1997/40/contents (date of the application: 14.03.2023).

29. Domestic Abuse Act 2021. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/17/contents/enacted (date of the application: 14.03.2023).

30. Domestic Abuse Bill 2020: Factsheets. URL: https://www.gov.uk/government/publications/domestic-abuse-bill-2020-factsheets (date of the application: 14.03.2023).

31. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

32. Legislators Proposed a Set of Measures to Protect the Rights of Persons Subjected to Domestic Violence. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/59925.html (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

33. *Inal-Ipa Sh. D.* Essays on Abkhazian etiquette. Sukhum: Alashara, 1984. (In Russ.)

34. Code of Administrative Offenses of the Republic of Abkhazia (special part) of 15 December 1984. URL: http://presidentofabkhazia.org/doc/codecs/ (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

35. *Mishina V.* The Share of Women Killed Because of Domestic Conflicts Increased During the Pandemic. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/08/15/936121-dolya-ubitih-zhenschin-viroslo (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

36. Brief Characterization of the State of Crime in the Russian Federation for January-December 2020. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184 (date of the application: 14.03.2023). (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. В. Потаскаев – студент.

Е. В. Фоменко – доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors:

V. V. Potaskaev – Student.

E. V. Fomenko – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.06.2023; одобрена после рецензирования 07.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted to the editorial office 27.06.2023; approved after reviewing 07.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Научная статья
УДК 347.9
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-239-249

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНЦИПОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Эдуард Флоберович Шахназарян

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

eduard-flo@ya.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению нормативных и доктринальных принципов исполнительного производства. Актуальность темы обусловлена тем, что наряду с закрепленными в законодательстве об исполнительном производстве принципами в доктрине особый интерес вызывают так называемые неписаные принципы, которые, несомненно, заслуживают внимания. Обсуждение, а зачастую критика данных принципов со стороны ученого сообщества и юристов-практиков, по нашему мнению, указывают на объективную необходимость их более внимательного изучения, переосмысления, а в дальнейшем – трансформации. Представляется, что затронутые в данном исследовании некоторые доктринальные принципы исполнительного производства найдут свое отражение на законодательном уровне.

Ключевые слова: исполнительное производство; принципы исполнительного производства; процессуальное законодательство.

Для цитирования: *Шахназарян Э. Ф.* Актуальные вопросы принципов исполнительного производства // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 239–249. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-239-249

Research Article

TOPICAL ISSUES OF THE PRINCIPLES OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS

Eduard F. Shakhnazaryan

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

eduard-flo@ya.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of normative and doctrinal principles of enforcement proceedings. The relevance of the topic is due to the fact that, along with the principles enshrined in the legislation on enforcement proceedings, the so-called "unwritten principles" in the doctrine are of particular interest, which undoubtedly deserve attention. Discussion, and often criticism of these principles by the academic community and legal practitioners, in our opinion, indicates an objective need for their more careful study, rethinking, and further transformation. It seems that some doctrinal principles of enforcement proceedings touched upon in this study will be reflected at the legislative level.

Keywords: enforcement proceedings; principles of enforcement proceedings; procedural legislation.

For citation: *Shakhnazaryan E. F.* Topical Issues of the Principles of Enforcement Proceedings. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 239–249. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-239-249

Введение

Этимологическое значение латинского слова «принцип» (*principium*), как известно, тождественно значению терминов «основа», «начало», «основоположение», «руководящая идея», «основное правило поведения».

С точки зрения исторически сложившегося общего употребления термина он представляет собой основное, исходное положение какой-либо теории, мировоззрения, науки; основные особенности устройства какого-либо прибора, механизма, установки; внутреннее убеждение индивида, определяющее его отношение к реальной действительности. Под принципом права в юриспруденции принято считать основополагающее начало, некий постулат, утверждение, из которого исходят все юридические нормы, строится процесс регулирования отраслью права определенного общественного отношения в зависимости от своего назначения. Отме-

тим, что общей теории принципов права и их отдельным разновидностям посвящена обширная литература [18, с. 576; 19, с. 14–38; 20, с. 82–90; 21, с. 21].

Характерными свойствами правовых принципов являются их нормативность, системность, универсальность, верховенство по отношению к другим правовым предписаниям, применение при восполнении пробелов в праве. По справедливому замечанию А. Л. Захарова, необходимо стремиться к наиболее полному и точному отражению принципов права в законодательстве [16, с. 31, 40]. Вместе с тем то, что действующее законодательство содержит перечень и описание не всех принципов права, является его недостатком. С. А. Авакьян отмечает, что значительную ценность представляют принципы при устранении ошибок, конфликтов, противоречий, коллизий и иных недостатков в содержании и форме права, юридической культуре и практики [11, с. 11].

В любом цивилизованном обществе принципы права определяют общую направленность, высокое качество и эффективность правотворческой, правореализующей и правосистематизирующей практики.

1. Законодательные принципы исполнительного производства

Говоря о принципах исполнительного производства, нельзя не отметить их схожесть с принципами процессуального законодательства, а именно гражданского, поскольку исполнительному производству больше присуща процессуальная природа как отрасли права.

В таких процессуальных законодательствах, как Гражданский процессуальный кодекс РФ [3] (далее – ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ [2] (далее – АПК РФ), более широко, по нашему мнению, раскрываются базовые принципы, определяющие в правоприменительной практике содержание и вектор правового регулирования общественных отношений. Однако эти принципы носят доктринальный характер, поскольку постатейного регулирования именно принципов они не содержат. Имеются такие нормы, как «независимость судей» (ст. 8 ГПК РФ), «язык…» (ст. 9 ГПК РФ) «состязательность» (ст. 9 АПК РФ) и др., принципы, которые не поименованы, без указания в названиях или содержании статей слова «принцип», что порождает дискуссии в правовом пространстве.

Но, несмотря на это, трансформация некоторых имеющихся принципов процессуальных законодательств в действующее законодательство об исполнительном производстве представляется более разумным после его кодификации.

Как уже было отмечено, в доктрине выделяют закрепленные на законодательном уровне (императивные) и незакрепленные (диспозитивные) принципы, но широко обсуждаемые юридическим сообществом.

К императивным согласно ст. 4 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [5] (далее – Закон об исполнительном производстве) следует относить такие принципы, как: 1) законность; 2) своевременность совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения; 3) уважение чести и достоинства гражданина; 4) неприкосновенность минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи; 5) соотносимость объема требований взыскателя и мер при-

нудительного исполнения. Отметим, что схожие принципы содержатся в законодательстве об исполнительном производстве Республики Беларусь [22].

Принцип законности как первый принцип исполнительного производства, а также основополагающий принцип любого государственного регулирования закреплен в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ [1]. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы. Из этого следует, что любое действие органов принудительного исполнения Российской Федерации должно отвечать требованиям закона. Сказанное в равной степени относится к сторонам и другим участникам исполнительного производства, действия которых должны быть осуществлены в строгом соответствии с законом. Несоблюдение данного принципа неотвратимо приведет к санкционным (властно-правовым, карательным) мерам.

Вместе с тем, по мнению А. Г. Давтян, «законность является формой существования и осуществления правосудия, но не принципом, т.е. правилом гражданского судопроизводства» [15, с. 254]. Аналогичного мнения придерживается М. Л. Гальперин, который полагает, что закрепление данного принципа на нормативном уровне представляется нелогичным и вызывает противоречие, поскольку закон *a priori* не может предписывать соблюдение себя самого [12, с. 176].

Можно согласиться с авторами, считающими, что выделение и закрепление этого принципа в законодательстве об исполнительном производстве не позволяют отнести его к узкоспециальному принципу, характерному исключительно для данной отрасли.

Второй принцип исполнительного производства – своевременность совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения означает, что требования исполнительного документа должны быть исполнены судебным приставом-исполнителем в установленные законом сроки. Об этом гласит ст. 2 Закона об исполнительном производстве, согласно которой задачей исполнительного производства является правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц. По общему правилу содержащиеся в исполнительном документе требования должны быть исполнены судебным приставом-исполнителем в двухмесячный срок со дня возбуждения исполнительного производства, однако в некоторых случаях законодательством устанавливаются иные сроки реализации требований актов юрисдикционных органов. Срок для добровольного исполнения составляет пять рабочих дней со дня получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства[1]. Соблюдение установленных сроков обеспечивает защиту прав взыскателя, должника и третьих лиц, участвующих в принудительном исполнении. Однако, по справедливому замечанию О. В. Исаенковой, нарушение сроков, установленных в исполнительных документах, является не исключением, а скорее уже правилом, которое в конечном счете так и не ведет к реализации требований исполнительного документа [17, с. 3–4]. Вынуждены констатировать, что нарушение сроков в исполнительном производстве, отмеченное ученым в 2003 г., не претер-

[1] Для сравнения: в законодательстве Республики Беларусь данный срок равен семи дням.

певает сильных изменений в действующей правоприменительной практике. Сказанное несомненно связано с ежегодным возрастанием рабочей нагрузки, приходящейся на судебного пристава-исполнителя. Согласно официальным данным Федеральной службы судебных приставов [23] в 2022 г. в среднем у одного судебного пристава-исполнителя на исполнении находилось 5,6 тыс. исполнительных производств (в 2021 г. – 4,9 тыс.), что в 21,2 раза превышает норму нагрузки судебного пристава-исполнителя, установленную постановлением Минтруда России, Минюста России от 15 августа 2002 г. № 60/1 «Об утверждении Норм нагрузки судебных приставов» [7]. Таким образом, требование о своевременности совершения действий в рамках исполнительного производства, по сути, представляет собой реализацию общей нормы о разумном сроке судопроизводства и разумном сроке исполнения судебного постановления в соответствии со ст. 6.1 ГПК РФ, ст. 6.1 АПК РФ, ст. 6 и 10 Кодекса административного судопроизводства РФ [4] и не может являться нормой-принципом исполнительного производства, поскольку не удовлетворяет требованию универсальности принципа.

На наш взгляд, третий принцип исполнительного производства – уважение чести и достоинства гражданина является производным от первого и второго принципов. Согласно ст. 13 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [6] сотрудник органов принудительного исполнения обязан использовать предоставленные ему права в соответствии с законом и не допускать в своей деятельности ущемления прав и законных интересов граждан и организаций. Кроме того, уважение чести и достоинства закреплено в ст. 21 Конституции РФ и охраняется государством. Можно предположить, что рассматриваемый принцип особенно нацелен на защиту интересов должника. Несмотря на невыгодное положение должника перед взыскателем, ни судебный пристав-исполнитель, ни сам взыскатель не имеют права умалять его достоинство или ограничивать его свободу незаконными действиями. Вместе с тем законодательством предусмотрена возможность неимущественного воздействия на должника в случае злоупотребления последним своими правами и неисполнения своих обязанностей в установленный законом срок. Так, согласно ч. 5 ст. 24 Закона об исполнительном производстве лица, уклоняющиеся от явки по вызову судебного пристава-исполнителя, могут подвергаться приводу на основании постановления судебного пристава-исполнителя, утверждаемого старшим судебным приставом или его заместителем. Полагаем, что принцип уважения чести и достоинства гражданина должен быть закреплен во всех властно-правовых отношениях, где у государства – субъекта-правоприменителя есть административные, а в некоторых случаях и уголовные меры принуждения.

К четвертому принципу исполнительного производства законодатель отнес принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи. Данный принцип еще раз демонстрирует, что меры принудительного исполнения по своей природе по большей степени характеризуются ограничительными мерами имущественного положения должника, нежели неимущественного (как, например, временное ограничение выезда должника за границу). Полный перечень имущества, на которое не может

быть обращено взыскание, отнесен к ведению процессуального законодательства (ст. 446 ГПК РФ). Установление таких иммунитетов указывает на то, что, несмотря на имущественное обеднение должника, подвергнутого мерам принудительного исполнения, государство нацелено на сохранение минимума имущества для обеспечения нормальной жизнедеятельности должника и членов его семьи. Так, согласно постановлению Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 июня 2021 г. № Ф03-2775/2021 при определении размера денежных средств, удерживаемых судебным приставом-исполнителем из пенсии должника, являющейся его единственным доходом, должен учитываться размер этой пенсии, чтобы у должника была возможность на нормальное существование и реализации своих социально-экономических прав [10]. Представляется, что по истечении некоторого времени имущественное положение должника-гражданина (которое может быть связано в том числе с объективными факторами, происходящими в государстве и в мире) улучшится и он может вновь обрести платежеспособность.

Заключительным законодательно закрепленным принципом исполнительного производства является соотносимость объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения. Данный принцип нацелен на соблюдение баланса интереса сторон исполнительного производства путем установления разумной связи между объемом требований должника, с одной стороны, и применяемыми судебным приставом-исполнителем мерами принудительного исполнения – с другой. Рассматривая данный принцип, нельзя не отметить позицию Верховного Суда РФ, который разъяснил, что арест несоразмерен в случае, когда стоимость арестованного имущества значительно превышает размер задолженности по исполнительному документу при наличии другого имущества, на которое впоследствии может быть обращено взыскание. Однако такой арест допустим, если должник не предоставил судебному приставу-исполнителю сведения о наличии другого имущества, на которое можно обратить взыскание, или при отсутствии у должника иного имущества, его «неликвидности» либо «малой ликвидности» [9].

2. Доктринальные принципы исполнительного производства

Представляется целесообразным рассмотреть некоторые принципы исполнительного производства, заслуживающие внимание законодателя, выработанные и закрепленные правоведами на доктринальном уровне. О. В. Исаенкова к таким принципам относит: законность, неприкосновенность личности должника, пропорциональное распределение взысканных сумм между взыскателем и др. [17, с. 10]. В. А. Гуреев обращает внимание на закрепление на законодательном уровне принципа разумности, поскольку только лишь в этом случае разумные действия судебного пристава-исполнителя должны считаться законными [13]. К доктринальным принципам рассматриваемой отрасли законодательства относят также: принцип равенства пред законом, принцип добровольного исполнения актов юрисдикционных органов, принцип независимости судебного пристава-исполнителя, принцип судебного контроля за деятельностью судебного пристава-исполнителя и др.

При совершении исполнительных действий судебный пристав-исполнитель (как это неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ) должен строго исхо-

дить из принципов исполнительного производства, поскольку их несоблюдение приведет к умалению чести и достоинства человека, что в последующем затронет конституционное право каждого на судебную защиту, неотъемлемой частью которого является правильное и своевременное исполнение вынесенных судебных решений [8].

3. Некоторые дискуссии о принципах исполнительного производства

Отметим, что в правовом пространстве встречаются случаи отождествления последнего принципа исполнительного производства с принципом разумности действий судебного пристава-исполнителя, что, по нашему мнению, является ошибочным. Принцип разумности в исполнительном производстве является самостоятельным, более широким принципом (а в некоторых случаях не только принципом), который должен быть закреплен в отдельной статье в будущем кодифицированном законодательстве об исполнительном производстве. По справедливому замечанию В. А. Гуреева, разумность – это «колоссальный по значимости вопрос для правого регулирования всей системы государственной службы Российской Федерации, нуждающийся в серьезном теоретическом осмыслении» [14, с. 57]. Ученый акцентирует внимание на том, что законодатель должен раскрыть и четко определить критерии разумности для эффективной реализации государственным органом (в том числе судебным приставом-исполнителем) дискреционных полномочий.

Вместе с тем, говоря о соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения, полагаем необходимым отметить, что пробелы законодательства не позволяют применить в полной мере на практике данный принцип.

Так, ст. 81 Закона об исполнительном производстве определен порядок наложения ареста и взыскания на драгоценные металлы, находящиеся в банке или иной кредитной организации на счетах и во вкладах должника, однако не определен порядок наложения ареста и взыскания на драгоценные металлы, находящиеся в банке или иной кредитной организации на хранении. Поскольку у должника в банке помимо драгоценных металлов, учитываемых на счетах, могут находиться драгоценные металлы в физической форме, законодателем остаются неурегулированными до конца вопросы изъятия. Например, неясно, правомерно ли требование судебного пристава-исполнителя о наложении ареста/обращении взыскания на хранящиеся в банке слитки драгоценного металла или для проведения необходимых мероприятий судебный пристав-исполнитель должен изъять у банка слитки драгоценных металлов в соответствии с ч. 3 ст. 84 Закона об исполнительном производстве. Кроме того, не урегулировано, распространяются ли правила продажи, указанные в ч. 3 ст. 71 Закона об исполнительном производстве, на слитки драгоценных металлов, физически находящихся на хранении в банке или иной кредитной организации.

Полагаем, что для формирования правильной и единой правоприменительной практики законодателем должен быть четко определен порядок наложения ареста и взыскания на драгоценные металлы, находящиеся в банке или иной кредитной организации на хранении.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно отметить, что в условиях современных необратимых изменений в мире и в социально-экономическом развитии Российской Федерации назрела объективная необходимость законодательного регулирования в части совершенствования не только принципов исполнительного производства, но и исполнительного производства в целом. По нашему мнению, кодификация законодательства об исполнительном производстве осуществит прорыв в нормативном правовом регулировании отношений, складывающихся в процессе исполнения актов юрисдикционных органов, и помимо всего остального конкретизирует и раскроет принципы исполнительного производства, тем самым повысит авторитет исполнительного права как достаточно молодой отрасли российского права и законодательства[1].

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Федеральный закон от 2 июля 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
6. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.
7. Постановление Минтруда России, Минюста России от 15 августа 2002 г. № 60/1 «Об утверждении Норм нагрузки судебных приставов» // Бюллетень Минтруда РФ. 2002. № 9.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. по делу № 755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Поляковой Н. А. на нарушение ее конституционных прав пунктом 9 части 2 статьи 43 и частью 1 статьи 111 Федерального закона «Об исполнительном производстве»» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС «КонсультантПлюс».

[1] Отметим, что неоднократно предпринимались попытки кодифицировать законодательство об исполнительном производстве. Последняя, пока не получившая логического завершения, была предпринята в мае 2017 г., когда на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов был опубликован законопроект Минюста России Исполнительного кодекса Российской Федерации, содержащий 16 глав и 85 статей для общественного обсуждения.

10. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 июня 2021 г. по делу № Ф03-2775/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

11. *Авакьян С. А.* Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения : материалы международной научной конференции, юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 28–31 марта 2007 года / под ред. С. А. Авакьяна. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008.

12. *Гальперин М. В.* Ответственность в исполнительном производстве : дис. … докт. юрид. наук. М., 2019.

13. *Гуреев В. А.* Разумность как принцип права в деятельности судебного пристава-исполнителя // СПС «КонсультантПлюс».

14. *Гуреев В. А.* Эффективность исполнительного производства в контексте системного подхода к совершенствованию административно-исполнительной деятельности Федеральной службы судебных приставов : монография. М. : Деловой стиль, 2022.

15. *Давтян А. Г.* Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2004.

16. *Захаров А. Л.* Межотраслевые принципы права : дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2005.

17. *Исаенкова О. В.* Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

18. Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : НОРМА, 2013.

19. *Ершов В. В.* Принципы права : актуальные теоретические и практические проблемы // Принципы права : проблемы теории и практики : в 2 ч. (разд. I–IV) : материалы XI международной научно-практической конференции. М. : Изд-во РГУП, 2017.

20. *Морозова Л. А.* Являются ли принципы права источником права? // Принципы права : проблемы теории и практики : в 2 ч. (разд. I–IV) : материалы XI международной научно-практической конференции. М. : Изд-во РГУП, 2017.

21. Принципы российского права : общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов : СГАП, 2010.

22. Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600439 (дата обращения: 12.05.2023).

Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт. URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=63204 (дата обращения: 12.05.2023).

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on 12 December 1993, with amendments approved in a nationwide vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 30, art. 3012. (In Russ.)

3. Civil Procedural Code of the Russian Federation of 14 November 2002 No. 138-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 46, art. 4532. (In Russ.)

4. Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation of 8 March 2015 No. 21-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2015, no. 10, art. 1391. (In Russ.)

5. Federal Law of 2 October 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2007, no. 41, art. 4849. (In Russ.)

6. Federal Law of 21 July 1997 No. 118-FZ "On Enforcement Bodies of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1997, no. 30, art. 3590. (In Russ.)

7. Resolution of the Ministry of Labor of Russia, the Ministry of Justice of Russia of 15 August 2002 No. 60/1 "On Approval of the Norms of Bailiffs' Workload". *Bulletin of the Ministry of Labor of the Russian Federation*, 2002, no. 9. (In Russ.)

8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 6 April 2023 in Case No. 755-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Poliakova N.A. on Violation of Her Constitutional Rights by Paragraph 9 of Part 2 of Article 43 and Part 1 of Article 111 of the Federal Law 'On Enforcement Proceedings'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17 November 2015 No. 50 "On the Application of Legislation by Courts When Considering Certain Issues Arising During Enforcement Proceedings" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 8 June 2021 in Case No. F03-2775/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. *Avakian S. A.* Gaps and Defects in Constitutional Law and Ways to Eliminate Them. In *Avakian S. A. (ed.).* Gaps and Defects in Constitutional Law and Ways to Eliminate Them: Materials of the International Scientific Conference, Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, 28–31 March 2007. Moscow: Moscow University Publishing House, 2008. (In Russ.)

12. *Galperin M. V.* Responsibility in Enforcement Proceedings: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2019. (In Russ.)

13. *Gureev V. A.* Reasonableness as a Principle of Law in the Activities of a Bailiff (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. *Gureev V. A.* Efficiency of Enforcement Proceedings in the Context of a Systematic Approach to Improving the Administrative and Executive Activities of the Federal Bailiff Service: Monograph. Moscow: Delovoi stil, 2022. (In Russ.)

15. *Davtian A. G.* Development of the Theory of Principles in Civil Procedural Law of Armenia. In *Treushnikov M. K. (ed.).* Notes on Modern Civil and Arbitration Procedural Law. Moscow: Gorodets, 2004. (In Russ.)

16. *Zakharov A. L.* Intersectoral Principles of Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Samara, 2005. (In Russ.)

17. *Isaenkova O. V.* Problems of Executive Law in Civil Jurisdiction: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2003. (In Russ.)

18. *Marchenko M. N. (ed.).* General Theory of State and Law: Academic Course. In 3 vols. Moscow: Norma, 2013. (In Russ.)

19. *Ershov V. V.* Principles of Law: Actual Theoretical and Practical Problems. In Principles of Law: Problems of Theory and Practice: In 2 parts (Chapters I–IV): Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Moscow: Russian State University of Justice Publishing House, 2017. (In Russ.)

20. *Morozova L. A.* Are the Principles of Law the Source of Law? In Principles of Law: Problems of Theory and Practice: In 2 parts (Chapters I–IV): Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Moscow: Russian State University of Justice Publishing House, 2017. (In Russ.)

21. *Matuzov N. I., Malko A. V. (eds.).* Principles of Russian Law: General Theoretical and Sectoral Aspects. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ., 2010. (In Russ.)

22. Law of the Republic of Belarus of 24 October 2016 No. 439-Z "On Enforcement Proceedings". URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600439 (date of the application: 12.05.2023). (In Russ.)

23. URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=63204 (date of the application: 12.05.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Э. Ф. Шахназарян – аспирант.

Information about the author:
E. F. Shakhnazaryan – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 21.08.2023; принята к публикации 22.08.2023.

The article was submitted to the editorial office 03.07.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 22.08.2023.

Обзорная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-250-257

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ РОМАНОВНЫ ДАШКОВОЙ

Роман Геворгович Оганесян

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rgo1994@mail.ru

Аннотация

Вторую половину XVIII в. отечественные историки именуют Золотым веком. Это время было наполнено многими событиями во внутренней и внешней политике, в том числе осуществлением замыслов, взявших начало при Петре I. Целью данной статьи является рассмотрение взглядов и убеждений одного из самых известных деятелей отечественной науки – княгини Екатерины Романовны Дашковы касательно государственного устройства Российской империи. Методологическую основу работы составили исторический и описательный методы. Актуальность исследования объясняется тем, что многие убеждения Е. Р. Дашковой были заложены в основу реформ, проводимых в XIX в., а также направлены на формирование отечественного сознания.

Ключевые слова: Екатерина Дашкова; Записки; крепостное право; монарх; образование; самодержавие.

Для цитирования: *Оганесян Р. Г.* Государственные воззрения Екатерины Романовны Дашковой // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 250–257. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-250-257

Review article

STATE VIEWS OF EKATERINA ROMANOVNA DASHKOVA

Roman G. Oganesyan

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

rgo1994@mail.ru

Abstract

Domestic historians call the second half of the 18th century the "Golden Age". It was filled with many events in domestic and foreign policy, including the implementation of plans that continued what began under Peter the Great. The purpose of this article is to examine the views and beliefs of one of the most famous figures of Russian science – Princess Ekaterina Romanovna Dashkova on the state structure of the Russian Empire. The methodological basis of the work was made up of historical and descriptive methods. The relevance of the study is explained by the fact that many of her beliefs were laid in the basis of the reforms carried out in the 19th century and also on the formation of national consciousness.

Keywords: Ekaterina Dashkova; Notes; serfdom; monarch; education; autocracy.

For citation: *Oganesyan R. G.* State Views of Ekaterina Romanovna Dashkova. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 250–257. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-250-257

Введение

28 марта 2023 г. исполнилось 280 лет со дня рождения Екатерины Романовны Дашковой, урожденной Воронцовой. Многие современники и ученые последующих поколений считали ее одной из самых образованных и талантливых женщин России XVIII в., приобретших великое имя в отечественной истории. Она внесла несомненный вклад в развитие отечественной науки, являясь одновременно директором Санкт-Петербургской Императорской академии наук и председателем Российской академии. При Дашковой была создана и усовершенствована структура обоих научных сообществ, существенно повысилось качество образовательного процесса, а также эффективность академической науки [1, с. 212]. Однако мало кто знает о ее взглядах и позициях, касающихся формы правления в Российском государстве, крепостного права, образования и воспитания. Советский историк Краснобаев утверждал, что Дашкова «была рождена для государственной деятельности» [2, с. 89]. На переломных рубежах истории любого народа всегда возникают

личности, чьи помыслы и деяния зачастую непонятны современникам, поскольку они опережают свое время, но именно подобные люди играют существенную роль в наращивании потенциала исторического прогресса [3, с. 3]. Воззрения Е. Р. Дашковой во многом способствовали зарождению гражданского общества и русской идеи [4, с. 41–42, 46–47].

1. Форма правления

На формирование взглядов Екатерины Романовны в отношении формы правления значительное влияние оказали англофильская и либеральная традиции Воронцовых, конституционные идеи графов-реформаторов Паниных, а также научные труды философов эпохи Просвещения: Монтескье, Вольтера, Дидро и др. Стоит вспомнить, что Россией в XVIII в. в большей степени управляли женщины, и поэтому вопрос о форме правления часто был предметом размышлений женщины, которая «подвергала всех своей ненасытной политической любознательности» [5, с. 9–10].

Несмотря на то что Дашкова являлась поклонницей государственного устройства Великобритании, сторонницей парламентаризма, конституционного ограничения самодержавия, консервативной политики, в основе идеологии которой лежал принцип постепенного изменения общественных отношений при сохранении национальных традиций политической и культурной жизни, она с полным основанием считала просвещенную самодержавную монархию той формой правления, которая наиболее полно отвечала национально-ментальным особенностям России XVIII в. и единственно способной обеспечить ее исторический прогресс [6, с. 38]. Кроме того, княгиня отдавала предпочтение старинному быту, в котором не было нравственной испорченности, которому были характерны верность монарху и признание авторитета старшего поколения [7, с. 196–200].

Касаясь роли монарха в государстве, его главной чертой признавалась полная и совершенная приверженность общественному благу, и поэтому считалось, что государственные интересы должны преобладать над личными. Это должно было сделать монарха особенным и великим. Таким просвещенным монархом Екатерина Романовна всегда считала Екатерину II. К ее главным заслугам Дашкова относила усовершенствование дорог, строительство судов, развитие торговли и заботу о личном благосостоянии и безопасности граждан. Рассматривая роль общества при монархе, по мысли княгини, долг каждого его члена заключался в беспрекословном повиновении своему «государю, помещику и начальнику», а также служению самой идее самодержавной власти. Именно такое общество, состоящее из осознанно послушных и благодарных поданных во главе с просвещенным монархом, подотчетным лишь одному Богу, являлось идеалом общественного устройства России. В то же время Дашкова, исходя из своей позиции об ответственности монарха лишь перед Богом и собственным просвещенным разумом за свои конкретные дела, считала вправе предъявлять к носителю верховной власти достаточно высокие требования в плане исполнения им долга перед своими подданными. Данная позиция объясняется ее оценкой преобразовательной политики Петра Великого [5, с. 112; 15, с. 65–67]. По ее мнению, эпоха Петра с присущей ей абсолюти-

зацией насилия не только не укрепила, но и, наоборот, подорвала потенциал исторического прогресса Российского государства [5, с. 11–13].

2. Крепостное право

Будучи далекой от радикализма, Екатерина Романовна утверждала, что любая реформа должна реализовываться постепенно и только в том случае, если монарх разделяет стремления и планы ее автора. Иначе все благие намерения остаются нереализованными. Это касалось также вопроса крепостного права. Юридическое и социальное положение крестьянства, вне всяких сомнений, на протяжении XVIII–XIX вв. было щекотливой темой для любого русского дворянина, особенно просвещенного. Опираясь на российскую реальность и определяющую роль сословий, позиция Дашковой по данному вопросу была отнюдь не демократической и не эгалитарной. Она оценивала данную проблему в контексте установленной иерархии, существующих законов и общественного блага. Хотя она была женщиной, искавшей независимости и самоопределения, ее аргумент нес отпечаток, который был достаточно распространен в Российской империи, – идеала иерархического государства и четко определенных каст, где индивидуумы принадлежали к конкретной социальной группе или сословию, определявшему по закону их права и обязанности [8, с. 121]. Исходя из спора между Дашковой и Дидро, описанного в «Записках», можно отметить, что Дашкова считала обязанностью дворян-землевладельцев охранять свое одушевленное имущество от ущерба и излишней эксплуатации: «Богатство и счастье крепостных людей составляет единственный источник нашего собственного благосостояния и материальной прибыли; при такой аксиоме надо быть дураком, чтобы истощать родник личного нашего интереса» [5, с. 111]. Ею отмечалось, что деспотизм помещиков – явление реальное, но незаконное и существует судопроизводство, главной целью которого было контролировать их действия [9, с. 48]. Дашкова также полагала, что имеет место прямая зависимость между решением крестьянского вопроса и проблемой реализации политических прав дворянства: «Если бы государь, разбив цепи, приковывающие крепостных к их помещикам, в то же время ослабил кандалы, наложенные его деспотической волей на дворянское сословие, я первая бы подписала этот договор…» [5, с. 111]. Вдобавок «помещики образуют переходную власть между престолом и крепостным сословием». Поэтому если власть помещика над крестьянином прекратится, то «начинается произвол правительства или, лучше, самоуправство местного чиновника» [5, с. 111]. В результате гораздо рациональнее заинтересовать помещиков в улучшении благосостояния своих крестьян. Княгиня никогда не признавала то положение, когда один человек владел другим, однако считала, что отменять крепостное право в России преждевременно. Данный тезис аргументировался тем, что освобождению должно предшествовать просвещение [10, с. 79]. Свобода – это достоинство, которое заслуживается подходящим уровнем знаний, образования, культуры. Введение свободы там, где народ не был готов к этому, может привести к пагубным результатам для благоустройства государства и общества. Освобождение крестьян без предварительного просвещения непременно приводило бы к анархии и беспорядкам. Дашкова предлагала либерализацию

посредством образования всех уровней общества, а не только крестьянства. Ирония состояла в том, что, посвятив свою жизнь образованию, она очень мало сделала для крепостных. Она не предложила никаких реформ или необходимых мер в качестве первого шага для отмены крепостного права; отсутствовали какие-либо свидетельства, подтверждающие тот факт, что она обучала грамоте крестьян из своих имений.

Позиция Екатерины Романовны вскоре нашла отражение среди придворной «дворянской оппозиции»: они заботились не столько об отмене крепостничества, сколько о государственном регулировании крайностей и о взвешенных реформах. В их среде бытовала надежда на то, что хороший пример со стороны просвещенных помещиков улучшит ситуацию. Хотя некоторые передовые помещики открывали начальные школы для крестьян, обучение было в основном прикладным или ремесленным.

3. Образование и воспитание

Проблемы воспитания и образования волновали Дашкову на протяжении всей ее жизни не только применительно к собственным детям: Екатерина Романовна была директором двух академий. На взгляды Екатерины Романовны оказали существенное влияние английская система воспитания и особенно труды Дж. Локка. Хотя просветитель в своем произведении «Мысли о воспитании» рассматривал вопросы образования, однако явное предпочтение он отдавал воспитанию. Первоочередной же целью процесса обучения, по его мнению, должно стать воспитание ребенка, формирование в нем личности. Для этого необходимо позаботиться о физическом и нравственном здоровье воспитанника. В воспитательном процессе систему наказаний и поощрений Локк считал необходимой. Он был убежден, что очень строгие наказания не только не приносят пользу, но и наносят большой вред воспитанию. Исходя из образовательной программы мы видим, что его целью являлось предоставление воспитанникам самого широкого образования, которое бы включало в себя реальные практические знания, а также подготавливало молодых людей к общественной и научной деятельности. Большое значение в подготовке молодых людей к политической деятельности Локк придавал тому, чтобы прежде всего научить их «управлять собой». Для этого необходимы знание людей и умение разбираться в их характерах, привычках, поведении, что, бесспорно, приходит по мере приобретения житейского опыта. Предложенная им образовательная программа предусматривала по преимуществу индивидуальный процесс обучения. Он отдавал явное предпочтение домашнему, а не школьному образованию. Главной фигурой в воспитательно-образовательном процессе становился не школьный учитель, а гувернер. Содержать воспитателя для своих детей могли только состоятельные люди, представители имущих слоев населения. Потому вся образовательная программа Локка отличалась ярко выраженной классовой направленностью. Он являлся сторонником строгой иерархии по отношению к тем, кому предоставлялось образование, и детей из неимущих слоев он исключал из программы. Однако подобной социальной ограниченностью отличались образовательные проекты всех просветителей [11].

Свою педагогическую программу Екатерина Романовна наиболее полно изложила в статьях «О смысле слова «воспитание»», «Об истинном благополучии», «О добродетели», «Да будут русские русскими». Она рассматривала воспитание главным фактором формирования человеческой личности. Суть ее концепции заключалась в том, что главным источником благополучия человека и общества является добродетель. В отношении нравственных качеств человека княгиня была убеждена, что воспитанный человек должен быть справедлив, честен, человеколюбив, благоразумен, великодушен и т.д. Кроме того, бóльшая часть ее научных заметок были направлены на осуждение чрезмерного увлечения российским обществом французского «модного воспитания». Подобно М. В. Ломоносову и Н. И. Новикову, Дашкова стремилась к распространению просвещения на национальной основе, осуждая дворян за обычай приглашать иностранных воспитателей и учителей в свои семьи. Для искоренения иностранного влияния было предложено употребление нравственного воспитания, а именно «отцами и матерями». Подчеркивалось, что успех семейного воспитания зависел от образа жизни самих родителей. Если этот образ представлялся положительным, то он способствовал «доброму» воспитанию, и наоборот. Подобно Локку, княгиня делила воспитание на физическое, нравственное, школьное или классическое. По ее мнению, между этими тремя группами всегда существует взаимная связь и зависимость [12, с. 100–105; 13, с. 221–222].

Если говорить об образовании, то заметим: оно занимало в педагогической теории Дашковой последнее место. Княгиня сознавала необходимость создания российской государственной системы образования. Ее суждения о формах и содержании образования были созвучны основным идеям и направлениям деятельности созданной Екатериной II в 1782 г. Комиссии об учреждении народных училищ, благодаря которой в 80-х–90-х гг. XVIII в. была проведена широкая школьная реформа [14, с. 87–155].

Заключение

Таким образом, проявление Екатерины Романовны Дашковой в качестве государственного деятеля имеет место в российской истории. Вне всяких сомнений, на ее воззрения и убеждения оказали влияние постоянный интерес к политическому опыту европейских государств и стремление применить его в отечественных реалиях. Однако, несмотря на это, княгиня до конца своих дней верно служила Отечеству, что является глубочайшим проявлением патриотизма и гражданственности.

Пристатейный библиографический список

1. *Тычинина Л. В.* Политическая и общественная деятельность Екатерины Романовны Дашковой : дис. … канд. ист. наук. М., 2001.

2. *Краснобаев Б. И.* Глава двух академий // Вопросы истории. 1971. № 12.

3. *Тычинина Л. В.* Великая Россиянка : жизнь и деятельность Екатерины Романовны Дашковой. М. : Наука, 2002.

4. *Гидиринский В. И.* О творческом наследии Е. Р. Дашковой в контексте русской идеи (некоторые историко-методологические аспекты) // Е. Р. Дашкова : пор-

трет в контексте истории : по материалам IX Дашковских чтений, март 2003 г. М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004.

5. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон : Trubner & C°, 1859.

6. *Тычинина Л. В.* Проблема самодержавной власти в политической концепции Е. Р. Дашковой // Е. Р. Дашкова : личность и эпоха : сборник статей. М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2003.

7. *Дашкова Е. Р.* Нечто из моей записной книжки // Друг просвещения. 1806. Ч. 4. № 12.

8. *Марасинова Е. Н.* Власть и личность : очерки русской истории XVIII века. М. : Наука, 2008.

9. *Нивьер А.* Е. Р. Дашкова и французские философы Просвещения // Екатерина Романовна Дашкова : исследования и материалы. СПб. : Науч. центр РАН, 1996.

10. Российский либерализм : идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. 3-е изд., испр. и доп. М. : Новое издательство, 2018. Т. I : XVIII – XIX века.

11. *Локк Дж.* Мысли о воспитании. М. : Изд-во К. И. Тихомирова, 1904.

12. *Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины : очерки о жизни и деятельности директора Петербургской академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб. : Росток, 2005.

13. *Лабутина Т. Л.* Образовательная программа Джона Локка и ее восприятие просветителями Франции и России // Британские исследования. 2018. № 5.

14. *Смагина Г. И.* Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб. : Наука, 1996.

15. *Уиттейкер С.* Е. Р. Дашкова и ее идея самодержавия // Екатерина Романовна Дашкова : исследования и материалы. СПб. : Науч. центр РАН, 1996.

References

1. *Tychinina L. V.* Political and Public Activities of Ekaterina Romanovna Dashkova: Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)

2. *Krasnobaev B. I.* Head of Two Academies. *Questions of History*, 1971, no. 12. (In Russ.)

3. *Tychinina L. V.* The Great Russian Woman: The Life and Work of Ekaterina Romanovna Dashkova. Moscow: Nauka, 2002. (In Russ.)

4. *Gidirinskii V. I.* On the Creative Heritage of E. R. Dashkova in the Context of the Russian Idea (Some Historical and Methodological Aspects). In E. R. Dashkova: Portrait in the Context of History: Based on the Materials of the IX Dashkova Readings, March 2003. Moscow: Moscow Humanitarian Institute named after E. R. Dashkova, 2004. (In Russ.)

5. Notes of Princess E. R. Dashkova, Written by Herself. London: Trubner & C°, 1859. (In Russ.)

6. *Tychinina L. V.* The Problem of Autocratic Power in the Political Concept of E. R. Dashkova. In E. R. Dakshova: Personality and Epoch: Collection of Articles. Moscow: Moscow Humanitarian Institute named after E. R. Dashkova, 2003. (In Russ.)

7. *Dashkova E. R.* Something from My Notebook. *Friend of Enlightenment*, 1806, part 4, no. 12. (In Russ.)

8. *Marasinova E. N.* Power and Personality: Essays on Russian History of the 18th Century. Moscow: Nauka, 2008. (In Russ.)

9. *Nivier A.* E. R. Dashkova and French Enlightenment Philosophers. In Ekaterina Romanovna Dashkova: Research and Materials. St. Petersburg: Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1996. (In Russ.)

10. *Kara-Murza A. A. (ed.).* Russian Liberalism: Ideas and People. 3rd ed. Vol. I: 18th–19th Centuries. Moscow: New Publishing House, 2018. (In Russ.)

11. *Locke J.* Thoughts on Education. Moscow: K. I. Tikhomirov's Publishing House, 1904. (In Russ.)

12. *Smagina G. I.* Associate of the Great Catherine: Essays on the Life and Work of the Director of the St. Petersburg Academy of Sciences, Princess Ekaterina Romanovna Dashkova. St. Petersburg: Rostock, 2005. (In Russ.)

13. *Labutina T. L.* John Locke's Educational Program and its Perception by the Enlighteners of France and Russia. *British Studies*, 2018, no. 5. (In Russ.)

14. *Smagina G. I.* Academy of Sciences and the Russian School. The Second Half of the 18th Century. St. Petersburg: Nauka, 1996. (In Russ.)

15. *Whittaker S.* E. R. Dashkova and Her Idea of Autocracy. In Ekaterina Romanovna Dashkova: Research and Materials. St. Petersburg: Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1996. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Р. Г. Оганесян – младший научный сотрудник.

Information about the author:
R. G. Oganesyan – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 27.06.2023; одобрена после рецензирования 07.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted to the editorial office 27.06.2023; approved after reviewing 07.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

– актуальность,

– цель работы,

– методологию проведенного исследования,

– основное содержание и новизну статьи,

– самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случаи получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 3 / 2023

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 07.11.2023. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печ. л. 16,25.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936